

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НАШ ЧЕЛОВЕК
В МИРЕ МАГИИ

СЕРГЕЙ САДОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Сергей Садов

Преодоление

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567610

Преодоление : фантастический роман / Сергей Садов: Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-60549-1

Аннотация

Никогда не разговаривайте с незнакомцами!

Лена Лаврова знала эту истину назубок, но как пройти мимо незнакомца, которого никто, кроме тебя, не видит и который утверждает, что он директор магической школы? В общем, Лена, несмотря на то что была отличницей, попалась на эту удочку. И хотя Ортен Маренс оказался не маньяком и даже не совсем обманщиком, его намерения были не вполне чисты. Архимаг из Дома Кайтида застрял в нашем мире, и ему позарез нужен был тот, кто обладал неистраченными магическими способностями. А Лена оказалась самым подходящим для этого человеком. Один неверный шаг, один опрометчивый поступок – и вот легкомысленная школьница попадает в мир, который называется Алкена и где ее ждет совсем не сказочная жизнь, полная опасности, приключений и магии...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	36
Глава 3	69
Глава 4	88
Глава 5	115
Глава 6	144
Часть 2	176
Глава 1	176
Глава 2	207
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Сергей Садов

Преодоление

Пролог

С чего началась эта история: история моей войны, моей боли, моей ненависти? Ненависти, которой научили наивную, верящую в добрую сказку девочку. История, которая началась как трагедия и закончилась как... впрочем, по порядку.

Итак, с чего она началась... Может быть, с фильма о Гарри Поттере? Не то чтобы я была ярым фанатом книги, в отличие от некоторых, которые даже мастерили себе волшебные палочки, начиняя их перьями голубей, ворон и еще разными непонятными ингредиентами, «усиливающими» магию, но кто бы отказался от реальной волшебной силы, если такую им предложат? Так что читала и смотрела не без интереса, но втайне думала: «А вдруг»? Вдруг однажды ко мне так же прилетит волшебная сова с приглашением в магическую школу? Вместе с подругами мы ходили на фильм, обсуждали его, мечтали... Мечты... какое влияние порой оказывают они на людей. Мама любила говорить, что мысль материальна и стоит чего-нибудь искренне пожелать, как это обязательно сбудется. В сказки я давно уже не верила, а пото-

му и не верила в то, что сбудется моя мечта стать волшебницей. Ох, как же потом я проклинала это свое увлечение магией и волшебниками, как винила его в том, что произошло в дальнейшем, хотя и понимала, что не права. Винить свое желание равносильно приказу какого-то царя высечь море, потопившее его флот. Как будто у десятилетней девчонки был хоть один шанс устоять против соблазнов двухсотлетнего мага. Не школой магии, так чем-нибудь другим зацепил бы. Но об этом легко рассуждать, если вы старый и мудрый, много переживший и испытывший, а тогда мне было совсем не до философствования. Нет, жизни моей ничего не угрожало – угрожало моему «я», а это гораздо хуже. В довольно частые моменты отчаяния моей жизни апостифика мне казалось, что лучше бы меня убили или на опыты пустили, чем вот такое отношение, как к бездушной вещи. Да я ею и была, что бы там ни твердила сама себе... Хотя, может, потому, что твердила, и не превратилась окончательно в вещь, батарейку для мага. И я поняла еще одну важную вещь: бесполезно обвинять в своих бедах других, обстоятельства или еще что-нибудь, виноваты, как правило, сами люди. Вас жалеть никто не будет, и ваши проблемы никому, кроме вас самих, не интересны. Я быстро отучилась обвинять в своих проблемах кого-либо, хотя иногда ворчала по привычке. Не потому не обвиняла, что слишком правильная и хорошая, а потому, что для меня самообман чреват очень большими неприятностями, смертельными, я бы сказала. Так что мои беды – след-

ствие только моих ошибок. Что-то не получилось – значит, я была слаба.

Эх, не будь этой книги, ничего бы не произошло. Так что начну я историю все-таки не с книги и не с фильма о Гарри Поттере, а с самого обычного школьного дня, точнее, с момента окончания школьного дня...

Часть 1

Вещь по имени Лена

Глава 1

Стояла мерзкая промозглая погода – обычная для середины ноября. Свинцовые низкие тучи тяжело нависали над городом, грозя в любой момент выплеснуть холодный противный дождь. Выходить из-под козырька над входом школы в эту сырость совершенно не хотелось, и я стояла на крыльце, постукивая портфелем по ноге, наблюдая за прохожими, и тут увидела высокого мужчину, стоявшего за воротами около трансформаторной будки. Он сразу привлек мое внимание. Высокий, красивый, в шикарном камзоле и накидке, он напоминал древнего аристократа, будто сошедшего с одного из полотен в галерее исторического музея. Именно так я и подумала: древний аристократ. Он стоял с таким видом, будто все вокруг принадлежит только ему, и внимательно наблюдал за спешащими по домам детьми.

«Маньяк», – почему-то возникла первая мысль. Мама иногда так называла людей, которые караулят детей у школы, а потом уводят к себе и убивают.

Но на маньяка он все же не походил, да и не старался ни к

кому подойти – просто стоял и смотрел. Все-таки не маньяк, решила я. Наверное, ищет кого-то из родных. Как девочка воспитанная, я решила ему помочь.

– Простите, вы кого-то ждете? – поинтересовалась я, приблизившись.

Мужчина, кажется, обрадовался.

– Да, юная, госпожа. Я жду вас.

– Меня? – я нахмурилась. Неужели все-таки маньяк?

– Да. Ну-ка, можно на вас посмотреть? – Он сделал шаг назад и окинул меня внимательным взглядом. – Просто поразительно! – радостно воскликнул он, потирая руки. – Как вас зовут, госпожа?

– Лена, – неуверенно ответила я. Мама, конечно, говорила, что нельзя разговаривать с незнакомцами, но с такими вежливыми, наверное, можно.

– Просто поразительно, – повторил он. – Первый раз вижу такую ауру. Госпожа, у вас талант!

Госпожой меня еще никто не называл, и такое обращение незнакомца, от которого буквально веяло силой и уверенностью, было приятно. Тем не менее я не собиралась терять осторожность и на всякий случай решила уйти.

– Извините, вы, наверное, меня с кем-то спутали. Мне пора домой.

– Одну минуту, госпожа. Я ведь не случайно тут. Я ищу будущих учеников.

– Тут много учеников. Зачем их искать? Вон они, полная

школа.

– О, мне не каждый ученик подходит. Видите ли, я директор несколько необычной школы и сейчас ищу молодые таланты. Вот вы мне подходите. У вас очень яркий дар.

Точно маньяк.

– Прошу прощения, но мне надо идти.

– И вы даже не узнаете, какой школы я директор? – улыбнулся мужчина.

Вреда не вижу.

– И какой?

– Школы магии. А вот вы – прирожденный маг.

Не маньяк – сумасшедший. Видно, мужчина заметил на моем лице недоверие и тихонько засмеялся.

– Вижу, не верите. Но скажите, а вы бы хотели стать магом?

– Я? – Я задумалась. Мне бы бежать, но какой вред от невинных вопросов? – Не знаю. Магии не существует.

– Еще как существует. Вы ведь, наверное, знаете кого-то из учеников. Спросите у них, с кем вы разговариваете.

Я машинально оглянулась. Как раз в этот момент мимо пробежал Васька Иволгин, я успела ухватить его за руку.

– Ну чего тебе, Лаврова? – недовольно поинтересовался он, косясь одним глазом в сторону футбольного поля, куда уже отправилась часть ребят.

– Вась, скажи, ты не знаешь этого мужчину?

Васька повернулся в ту сторону, куда я показывала, что-

то там изучил, развернулся ко мне:

– Ты не заболела, Лаврова?

Я посмотрела на откровенно забавляющегося мужчину.

– Ну, вот же он стоит, – снова махнула я рукой.

– Точно заболела. Слушай, отстань, а? Или это, типа, приколы такой, да? Так вот ищи дураков в другом месте. И вообще, отвянь, ботаничка.

То, что я почти отличница, не говорит о том, что я ботаничка. Просто мне всегда нравилось учиться. Я было обиделась на невоспитанного Иволгина, который уже мчался на стадион, но тут вспомнила о собеседнике.

– Так я ищу тех, кто подходит для учебы в школе магии. Тот, кто может меня увидеть, – тот подходит. Твой друг не подходит. А еще, смотри... – Он вытянул вперед руки, и тотчас между его ладоней возникла радуга.

Это великолепно, красиво. И не обман. Иволгин точно не стал бы шутить. Если он сказал, что никого не видел, значит, не видел.

– И вы хотите...

– ...пригласить вас в школу магии.

– Как Хогвартс, да?

Мужчина на миг задумался, потом улыбнулся:

– Почти. Но для начала я приглашаю вас на экскурсию. Видите ли, наши законы запрещают принимать учеников, если те не желают учиться там всем сердцем. Школа таких не примет. Если у вас есть полчаса, то я устрою вам экскурсию

по школе.

– Экскурсию? За полчаса?

Мужчина чуть нахмурился, но тут же снова улыбнулся, щелкнув пальцами.

– Время, – объяснил он. – Моя школа магии находится не в вашем мире. Полчаса здесь – это четыре часа там. Как видите, ваши родители даже не заметят вашего отсутствия. Итак, я приглашаю вас на экскурсию в школу магии, и если вам там понравится...

Я погрузилась.

– Мои родители никогда не согласятся отпустить меня, тем более в чужой мир.

– Ерунда. Родителей я возьму на себя. Думаете, им не понравится, если в семье появится маг? Маги ведь очень уважаемые люди, и они очень хорошо зарабатывают. Окончив школу, вы можете забрать родителей к себе, можете присылать им часть своего заработка, а это очень много. К тому же во время учебы каждые выходные вы сможете возвращаться в свой мир.

– Но все равно, – все еще сомневалась я, не поддаваясь на соблазны. Нет, я верила ему, ведь если бы он хотел меня похитить, то такому могущественному магу ничего не помешало бы это сделать, а он уговаривал, объяснял.

Позже я нашла объяснение поведению мага, о чем-то догадавшись, что-то подслушав. Маренс, оказавшись в мире со столь малым количеством энергии, откровенно перетру-

сил. Ничего такого он не ожидал, рассчитывая легко восстановить потраченное на переход. Представить мир без магии оказалось выше его фантазии. Увидев же высоченные здания и самобеглые коляски, он решил, что оказался в мире могучих магов, которые могут и со столь малой энергией творить такое, что не под силу самым могущественным Домам Алкены, а мои слова о волшебной школе Хогвартс только подтвердили его предположения о могучих волшебниках моего мира. Потому и старался остаться незаметным, прятался от всех, забыв о планах исследования нового мира.

Надо уходить, а сил нет. Вот и решил выкрасть скулика с развитой энергетикой, чьими силами он мог бы воспользоваться при переходе. Настроив свою невидимость так, чтобы его мог заметить только такой человек, он принялся терпеливо ждать у школы, правильно сообразив, что это за здание. Сложность, правда, в том, что энергетика человека идеально сбалансирована под родной мир, а при переходе происходит резкий скачок энергии, ее перенастройка на новый мир. Малейшее же нарушение эмоционального баланса в этот момент грозило пустить этот самый баланс в разнос, и чем закончится тогда переход, не взялся бы предсказать ни один Нострадамус. Потому Маренсу и важно было получить мое добровольное согласие, чтобы я своим настроем помогала ему строить врата, а не мешала.

А мне же очень хотелось верить в то, что говорил незнакомец. Его слова завораживали, мечты становились явью: Гар-

ри Поттер, Гермiona, волшебные палочки, квиддич. Сказка оживала, а кому не хотелось хоть раз оказаться в сказке? Что страшного в одной краткой экскурсии? Даже если родители потом воспротивятся и не отдадут меня в школу магии, то я хотя бы одним глазочком увижу настоящий магический мир.

Хотелось согласиться прямо сейчас. Немедленно. Еще немного удивилась, как это я так быстро забыла об осторожности, о словах мамы. Никогда ничего не делала без разрешения родителей, тем более не могла сделать такую серьезную вещь, как отправиться в чужой мир. Может, магией воздействует? Мысль пришла и пропала, оставшись где-то там, в самом дальнем уголке сознания. На миг показалось, что в голове кто-то ласково погладил мои опасения, и они медленно растаяли, а вот мой интерес к Гарри Поттеру и миру магии, наоборот, раздули. Но и эта тревога так же медленно угасла, оставив только любопытство и желание учиться в школе магии.

– В таком случае разрешите представиться, леди. – Я мле-
ла от этих обращений: леди, госпожа... «На хвастуна не
нужен нож, ему немножко подпоешь – и делай с ним что
хощь». – Ортен Маренс – архимаг и директор школы магии.
Дом Кайтаидов.

– Дом Кай... Кайта...

– Кайтаидов. Вам нужно будет выучить, если станете уче-
ником. В моем мире есть несколько великих домов и мно-
жество маленьких.

– А что это значит?

– У вас бы мой дом назвали Домом Шторм. Это просто название, хотя маги моего дома лучше всего управляют именно погодой. В других Домах лучше управляют огнем – дом Фотье, например. Все маги для удобства объединяются в такие Дома.

– Интересно. – Мне хотелось поскорее попасть в другой мир и увидеть школу. Лекция о непонятных магических домах меня мало заинтересовала. Ортен Маренс не мог не видеть этого, но все равно продолжал рассказ.

– А теперь давайте отправимся в мир магии, – наконец закончил он.

– Прямо отсюда? – удивилась я.

– А чем это место хуже любого другого? Врата можно открыть где угодно. Вот только накопитель подключу к порталу, – маг кивнул на какую-то каменюку, лежащую у его ног.

Я не поняла про накопитель и при чем тут этот камень, но на всякий случай решила не уточнять, спросила только о том, что действительно меня тревожило:

– Но разве другие не увидят?

– Другие? Госпожа, вы помните, что меня никто не может видеть? Теперь вас тоже никто не видит. Итак, вперед!

Мужчина выставил вперед руку, чуть прикрыл глаза и прочертил в воздухе светящуюся полосу. Я с восторгом наблюдала за работой настоящего мага. И пусть кто-нибудь теперь скажет, что их не существует. Вот он, передо мной и

сейчас усиленно пытается раздвинуть возникшую щель. Даже вспотел.

– Госпожа, – хрипло позвал он. – Проходите скорее, я не могу долго держать проход.

Это был для меня последний шанс отказаться. Если бы я сделала хотя бы шаг назад, хотя бы чуть-чуть заколебалась, законы мироздания не позволили бы мне покинуть мой родной мир. К несчастью, Ортен Маренс умеет убеждать. Даже тени сомнений не появилось у меня, и через мгновение я уже стояла по другую сторону границы миров.

Архимаг прошел следом, щель закрылась с еле слышным хлопком. Я оказалась в совершенно другом, отличном от моего, мире. Мире, где властвует магия... и маги. Мир Алкены.

– Это школа? – робко спросила я.

– Школа, – усмехнулся маг, и в этой его усмешке не осталось даже тени былой доброты. Его манеры изменились мгновенно, едва мы оказались у него дома. Оставшись выверенными и властными, они стали походить на повадки хищного зверя. И смотрел этот человек на меня как на какое-то насекомое. Как на червя – скулика, как презрительно называют обычных людей все маги.

– Иди за мной. – Не просьба – приказ.

Я была так напугана этой переменой, что у меня даже мысли не возникло сопротивляться или хотя бы возразить. Почти бежала, пытаясь не отстать от размашисто шагавшего архимага. Все встречающиеся нам по пути люди торопились

уступить ему дорогу и низко кланялись. Странные одежды, странные манеры, но сейчас такие вещи меня мало занимали – сознание отметило и поспешно спрятало, не до того.

– Мы будем учиться магии?

– Учить магии? Тебя? – Маг обернулся, окатив меня ледяным взглядом. Пожал плечами. – Слишком много чести. И еще запомни, это последний раз, когда ты обратилась ко мне без разрешения. Ты отвечаешь только на мои вопросы, говорить первой не смей. Все мои просьбы выполнять быстро и четко. Ослушаешься – накажу.

– Но...

– Видно, я что-то непонятно сказал.

И тотчас на меня накатила боль. Даже не так – БОЛЬ. Она пронзила, казалось, все мое тело, вымела мысли и чувства. Я рухнула на пол, свернувшись калачиком, пытаюсь хоть как-то от нее спрятаться, скрыться, но она была повсюду. И вдруг боль пропала. Только-только терзала каждую клеточку моего тела, а сейчас уже ничего нет, вообще ничего не ощущаю. Лежала на полу, сглатывая слезы и приходя в себя.

– Встать.

Ослушаться приказа, отданного таким тоном, я не рискнула. И в глазах мага ни тени жалости или сочувствия.

– Конечно, глупо убивать тебя, если я уж приложил столько усилий, чтобы затащить к себе, но поверь, есть куча способов доставить неприятности. С одним из них ты познакомилась только что.

Я раскрыла рот, чтобы спросить, но тут же вспомнила о боли и поспешно захлопнула его. От мага это не укрылось, и он усмехнулся.

– Что ж, по крайней мере, до тебя быстро доходит дрессировка. Можешь спросить. Только сегодня я буду таким добрым и отвечу на твои вопросы. Пользуйся.

– Зачем вы привели меня сюда? – Я с трудом удержалась от того, чтобы не разреветься, – понимала: заплачу – и будет много хуже. Была уверена, что мои слезы этого человека не разжалобят, а вот разозлить могут.

– Хм... не реवेशь, не пытаешься умолять о милости... – Интересно, а от этого будет польза?

Странная вещь – человеческая психика. Даже странно, как много понимаю и замечаю. Может, стресс так подействовал, может, робкая надежда, что все это мне снится и сейчас я проснусь в своей постели. Как обычно, в комнату зайдет мама: «Солнышко, пора вставать, опять в школу опоздаешь». И ведь не ударились в истерику и рев, пыталась что-то понять, разобраться. Смотрела исподлобья и не плакала. Архимаг Дома Кайтаидов обратил внимание на несколько необычное для десятилетней девчонки поведение, на миг нахмурился, но отмахнулся. Самоуверенный. Впоследствии я узнала, что этим пороком грешат все маги Алкены. Имея в руках такое могущество, немудрено стать самоуверенным. Что могут против них, великих, эти жалкие букашки, эти скулики? Впрочем, самоуверенность распро-

странялась не только на обычных людей, но и на других магов. Каждый маг считал себя особенным, одаренным, гением. Редко кого из коллег они уважали, чаще просто боялись более сильного и презирали слабого. Возможно, в других магических Домах все обстоит по-другому, но с магами я впервые познакомилась именно из Дома Кайтаидов.

Маренс продолжил изучать меня, рассматривая словно букашку с головы до ног. Узнай он, о чем я думаю, убил бы сразу. Но он только хмыкнул.

– Рад, что ты сразу усвоила урок. А зачем привел... хочу посмотреть, на что годны люди вашего мира.

Вот тут я действительно перепугалась. Меня что, на опыты привели? Замерла. Бежать? Но куда? Мы в каком-то здании, окон не видно и на улицу не выглянешь. И уж местные знают замок лучше моего, поймают сразу.

– Вы меня убьете? – Лучше уж сразу спросить.

– Зачем еще? – в голосе мага послышалось недовольство. – Убить я тебя мог и сразу. Хотя, – он тихонько засмеялся, – возможно, тебе стоит просить меня о смерти как об одолжении.

Маг резко затормозил у неприметной двери, распахнул ее и вошел в комнату. Я замерла на пороге: больше всего комната походила на лабораторию, и это мне сильно не нравилось. Тут меня вдруг что-то подняло в воздух, пронесло по комнате и небрежно швырнуло в кресло, портфель отлетел в угол, а руки и ноги непонятной силой придавило к ножкам

и подлокотникам.

– Мамочка, – испуганно прошептала я, пытаюсь освободиться, но странная сила держала крепко, только головой и могла вертеть.

Маренс тем временем достал из шкафа какой-то обруч и надел мне на голову, на мою попытку сопротивления даже внимания не обратил. Я попыталась заорать и обнаружила, что и рта не могу раскрыть. Та же сила, что держала меня, теперь запечатывала и его. Вот маг отошел к столу, стал брать с него поочередно какие-то камни и направлять на меня. Когда он это делал, камни начинали светиться, однако маг, похоже, был чем-то не очень доволен и что-то бурчал себе под нос, брал следующий камень. Наконец они закончились, и Маренс с досады взлохматил волосы.

– Ну и стоила вся эта возня тех усилий? Ничего необычного. – Он недовольно поглядел на меня.

– Вы отпустите меня домой? – хотела спросить я, но рот так и не открылся. Маг же вдруг махнул рукой, и обруч на голове словно раскалился, я мотала головой, пытаюсь его сбросить, но бесполезно, хотела заорать, чтобы хоть криком справиться с болью, но тоже не получилось.

Боль прошла так же резко, как и возникла. Я поникла в кресле, тяжело дыша. А маг стоял рядом и смотрел.

– Мусор, – буркнул он. – Полнейший мусор. Надеялся, что другой мир принесет мне хоть какую-то пользу, но ты ничем не отличаешься от местных, а получить местных на-

много проще, чем таскать кого-то из другого мира.

Самоуверенность магов губит – эту фразу я еще не раз буду вспоминать, хотя сейчас мне было не до размышлений. Я мечтала только об одном – чтобы эта пытка прекратилась любой ценой, даже ценой моей жизни.

– Ладно, хоть на что-то сгодишься. – Маренс поднял руку, и я ощутила слабость, как будто кто-то выкачивал из меня силы. Это ощущение распространялось по всему телу, я начала задыхаться. Потом дрожь, потом... потом стало очень неприятно, будто меня через мясорубку пропускают.

– Надо же, еще жива, – откуда-то издалека донесся удивленный голос мага. – Кто бы мог подумать, что в этой пигалице такой резерв. Хм... а это идея. Хотя какая-то польза от бесполезного предмета. Я заставлю его отработать те усилия, что потратил на перемещение.

Я уже слабо помнила, как в комнату вошли еще двое мужчин. Они что-то обсудили на совершенно незнакомом мне языке, потом меня подняли с кресла и куда-то несли. Дальше уже ничего не помню – потеряла сознание.

Проснувшись я в небольшой комнатке, в которой, кроме кровати, стола, стула и небольшого шкафа, ничего не было. Медленно села в постели, огляделась, вспоминая, что со мной случилось, попыталась встать, пошатнулась и едва не свалилась от накотившей слабости. Оглядела необычно, но очень уж аскетично обставленную комнатенку. Тут все разом вспомнила, всхлипнула и уткнулась в подушку. Ревела

минут десять, но постепенно успокоилась. Папа всегда говорил, что если слишком долго горевать, то горе может прицепиться и от него не избавиться. Хотя чему уж после случившегося ко мне цепляться? Но ведь и реветь до бесконечности невозможно. Снова встала, на этот раз на ногах устоять удалось. Меня бросили в постель прямо в той одежде, что была на мне, только куртку сняли и положили на стул, а вот сапожки так и остались на ногах. Конечно, разве кто потрудится их стащить? Я вздохнула и обошла комнату. Рядом со шкафом обнаружилась еще одна дверь, за которой оказался душ и туалет. А вот входная дверь заперта и, как я ее ни дергала, не открылась. Стучать не рискнула, памятуя о наказании. Заурчал желудок. Облазила и комнату и ванную, но еды нигде не нашла, пришлось только напиться воды, голод не утолит, но хоть желудок обманет – вроде как полный. Потом сняла сапожки, забралась с ногами на кровать, обняла колени и замерла.

В голове полнейший сумбур из чувств и мыслей. Тоска, страх, беспомощность и, совершенно иррациональное: вот погодите, вы у меня еще попляшете, вырасту и так дам больно...

Так и просидела до прихода Ортена Маренса. Он неторопливо прошел в комнату, брезгливо огляделся, подошел ко мне.

– Пора тебе выучить наш язык, надоело уже напрягаться. Что у магов хорошо... у сильных магов, для них не суще-

ствуется языковых барьеров. Свои слова они могут заворачивать в образы и транслировать их человеку, который облакает эти образы в привычные фразы, и ему кажется, будто маг говорит с ним на его родном языке. Точно так же происходит перевод слов человека к магу. Единственный недостаток такого метода общения – он утомителен. Магу приходится постоянно контролировать себя, ловить чужие образы, формировать свои. В общем, трудно с такой манерой общения наслаждаться непринужденной беседой. Для мага, понятно, трудно, для его собеседника совершенно незаметно. Я, например, до последнего была уверена, что Маренс разговаривает со мной на русском.

Маг достал небольшой кристалл, выставил его на ладони, он сверкнул нестерпимо-яркой вспышкой, а меня снова скрючило от боли, на этот раз головной.

– Осваивай, – бросил он и вышел.

А я лежала, боясь пошевелиться, ибо мне казалось, что тогда моя голова точно лопнет. Только через два часа боль постепенно стала стихать. Сил хватало только на то, чтобы тихонько поскуливать – кричать я уже не могла, охрипла.

Маренс снова появился через несколько часов, возможно, даже утром. Окна в комнате отсутствовали, только потолок светился мягким, ярким светом. В дальнейшем я сообразила, что день и ночь можно определять по потолку: днем он светился очень ярко, а к вечеру медленно гас, так же медленно разгораясь к утру, хотя до конца он не тух никогда, ина-

че комната погрузилась бы в крошечную темноту. Маренс пришел, когда потолок начал разгораться. Принес несколько книг и выгрузил на стол. Вот интересно, почему он лично мне все приносит, а не слуг гоняет? Слуги, конечно, вряд ли способны к магии, но книги могли бы и они принести.

И о чем я только думаю? Хотя ни о чем серьезном после такой ночи я думать просто неспособна.

Тут, прерывая мои мысли, в комнату вошел еще один человек, в странном костюме, очень напоминающем ливрею, с подносом. Он поставил его на стол и тотчас вышел. Я почувствовала, как рот наполнился слюной, а урчание желудка, наверное, слышали даже в соседнем городе.

– Ешь, а потом читай книги, осваивай язык. Позже спрошу.

– Почему вы выбрали именно меня? – осмелилась я все-таки спросить.

Маренс у двери обернулся.

– Кажется, я тебя перехвалил и с первого раза ты не поняла, придется продолжить дрессировку.

И новая порция боли, на этот раз, к счастью, недолгая. Наверное, маг куда-то спешил, а потому ограничился таким вот «нежным поглаживанием». Иначе ни за что так быстро не прекратил бы.

Когда я пришла в себя, то первым делом все-таки отправилась в душ, а не накинулась на еду. Мама говорила, что нельзя садиться за стол неумытой. Мама, я теперь все-

гда-всегда буду следовать твоим советам, обещаю...

Я стояла под душем, глотая слезы. Теплые струи смывали их, но не могли остановить. Я яростно натиралась чем-то, похожим на мыло, но с запахом прелого сена, пытаюсь хоть как-то прогнать болезненные воспоминания, забыться, но это помогало мало. Вышла из-под душа только когда убедилась, что больше не плачу. Посмотрела на свою одежду, разложенную на специальной подставке. Вздохнула. Надо бы постирать, но вряд ли у меня есть время. И другой тут нет – шкаф в комнате я уже осмотрела, совершенно пуст. Так что хочешь не хочешь, но придется натягивать грязные вещи. Ладно, потом постираю.

В комнате сразу набросилась на еду. И я еще дома капризничала, выбирая, что буду, а что нет? Какой же я была идиоткой! Нет, еда оказалась вовсе не отвратительной на вкус – обычной. Но тут нет моих любимых бутербродов с сыром, зато в наличии что-то похожее на зеленый горошек, который я терпеть не могу. Сейчас съела все и даже тарелку вылизала. Сыто откинулась на спинку стула. А что с посудой делать?

Словно в ответ на мой мысленный вопрос, распахнулась дверь, вошел уже знакомый слуга и неторопливо начал собирать грязные тарелки на поднос. Подсматривал, что ли?

– Здравствуйте, – робко улыбнулась я. Накажет или нет?

Не наказал, но и внимания не обратил, словно и нет меня. А может, я на русском сказала, а он не понял? Нахмурилась, размышляя. Понятно, что маг не просто так книги приволок,

значит, уверен, что я уже могу читать на его языке. Я сосредоточилась. Слова всплывали, словно откуда-то из глубины. Поднимались медленно, неторопливо, иногда снова чуть то-нули, и приходилось напрягаться, таща их на поверхность. И в какой книжке я читала, что магическое освоение языка очень быстрое и простое? Как бы не так. Сначала головная боль на несколько часов, потом дикая усталость, а вдобавок наверх все равно рвутся слова родного языка, а чужие плавают где-то там, далеко, и их приходится вытаскивать, напрягаясь изо всех сил. Лоб покрылся бисеринками пота. Я нервно протерла его – все равно справлюсь!

– Здравствуйте, – повторила я. На этот раз, кажется, оно. Я знала значение слова, но звучало оно совершенно непривычно, язык приходилось заворачивать чуть ли не трубочкой, чтобы издать некоторые звуки. Хм, а вот как надо языком вертеть – это тоже магией передалось?

И снова ноль внимания. Слуга собрал тарелки и удалился. На меня за все время пребывания в комнате даже не посмотрел ни разу.

Забралась на кровать и принялась себя жалеть. Последнее это дело и губительное, как говорил отец. Но кто бы себя по-другому повел в моей ситуации, тем более в моем возрасте? Очень может быть, что гораздо хуже меня (хочется верить). Папа говорил, что у меня бойцовский характер, хотя это и незаметно. Я могла долго сносить насмешки одноклассников, терпеть их выходки, но однажды меня переклинивало.

В момент, когда терпение подходило к концу, от меня лучше было держаться подальше. Я бросалась в драку не задумываясь, пыталась расцарапать противнику все лицо, кусалась, пиналась. Те, кто пытался доводить тихого серенького мышонка, очень быстро знакомились с моим милым характером и быстро отставали. Даже уважение появлялось. Интересно, почему, чтобы тебя уважали, надо обязательно надавать по шее? Так же и на занятиях. Я могла плохо понимать предмет, не усваивать его, но в какой-то момент решала, что хватит. Я не дура, разве я не могу справиться с этой ерундой? И садилась за учебники, брала дополнительную литературу, лазила в Интернете, задавала вопросы на форумах и успокаивалась только когда понимала тему, в которой раньше «плавала», от и до. Частенько узнавала даже больше учительницы.

Но пока мой бойцовский характер крепко спал, а я сидела на кровати, пытаюсь представить, что бы делала дома. Если там сейчас утро, то сидела бы на уроке. Сегодня у нас должны быть математика, русский, физкультура... бр-р-р, не люблю физкультуру. Еще биология.

Маг вошел стремительно и совершенно неожиданно. Глянул на меня, на стол, где лежали книжки.

– Так. Кажется, для кого-то мои приказы пустой звук. Я велел читать!

И снова боль. На этот раз она быстро не закончилась. Мыслей не осталось, желаний тоже, кроме одного – скорее

бы все это прекратилось.

– Надеюсь, этого урока тебе достаточно, но если что, я всегда готов его повторить.

Минут десять приходила в себя, а потом все же, глотая слезы, доползла до стола, взяла первую попавшуюся книжку – злить мага больше не хотелось – и вернулась в кровать, устроилась поудобнее. Попыталась прочитав название, но буквы и слова снова приходилось вытаскивать откуда-то из глубины, а после наказания Маренса делать это намного сложнее. Читать приходилось даже не по слогам, а по буквам. Нужно выдергивать значение буквы, вспоминать, как она произносится, запомнить это, а потом так же изучать следующую букву. Переход к новому слогу. Мучилась минут тридцать, чтобы прочитав название: «Официальная история Алкены». Алкена – это, наверное, название мира, как у нас Земля. Но заниматься стало интересно. Только история эта как-то уж очень на мифы похожа: боги, избранные, герои...

После магии я готова была поверить и в богов, но почему эти боги выбрали «правильных» людей, чтобы дать им могущество, а остальные должны «служить избранным и тогда будет им награда»... в следующей жизни. Звучало как-то очень знакомо.

Если коротко пересказывать официальную историю, на прочтение которой я убила недели две, то выглядит она примерно так: «Когда-то все люди пребывали во тьме. Боги, на-

блюдая за их мучениями, печалились и однажды спустились с небес, окинули всепроникающим взором мир и выбрали достойных, кто, по их мнению, мог повести остальных, и одарили их даром магии, прочим же завещали служить этим избранным. И если их служба будет достойна, то в следующей жизни они станут уже не червями, а свет магии коснется и их». Кстати, летосчисление Алкены шло именно от явления богов в мир, и сейчас шел пять тысяч четыреста тридцать второй год от Явления Богов.

В другой истории, для магов, которую я прочла позже, излагалось почти то же самое, с той разницей, что там ничего про избранных не говорилось, просто боги наделили силой тех, кто подвернулся под руку, чтобы они несли свет знаний остальным. Ну, они и понесли в меру своих разумений и желаний. Описание богов тоже присутствовало, а также описание их небесных колесниц. Да, для дикарей те люди действительно походили на богов, но для меня, человека технической цивилизации, описанные колесницы очень уж напоминали космические корабли.

Маги даже сейчас вряд ли понимали, что тогда произошло и кто эти боги, просто в силу того, что они мало интересовались строением мира и тем, как все устроено за пределами планеты. Дополнительного же могущества эти знания не принесут, а значит, они лишние. Самоуверенный (помните, я обещала, что это слово часто буду повторять, говоря про магов) Ортен Маренс, даже когда попал в мой мир, кажется,

так ничего и не понял. Для него ведь только магия – мерило всего, другого он не понимает и не приемлет. Перетащив же меня в свой мир, он ни разу не задал ни одного вопроса о моем. Убедился, что в плане магии я ничем не отличаюсь от жителей его мира, и потерял к нему всякий интерес. А я, ничего не зная о магии, терялась, не понимая, чего хочет добиться от меня Маренс, заставляя учить язык и читать книги. В доброту мага я уже не верила, но и не понимала, что ему от меня нужно. Слово «апостифик» для меня еще ничего не значило и ни о чем не говорило.

Впоследствии сообразила, что для мага я была скуликом, и он полагал, что на Земле простые люди занимают такое же положение, как и на Алкене. Ну а кем я еще могла быть в мире могучих магов, если сама не имею возможности магичить? Сработал стереотип: раз скулик, то и никакого смысла расспрашивать меня о моем мире нет. Что скулики Алкены могут рассказать о магах и Домах? Только сказки и глупости. Слушать же ни то ни другое у Маренса никакого желания не было, вот и не спрашивал, а жизнь самих скуликов его не интересовала ни в малейшей степени. Только много позже до меня дошло, что Маренсу не было никакой необходимости ни о чем меня спрашивать – все, что его интересовало, он мог напрямую считать у меня из головы, когда проводил свои исследования в лаборатории. И то дошло только когда архимаг употребил любимое мое ругательство «блин», которое я использовала на все случаи жизни. До этого за магом

такого не водилось, да и блинов в этом мире я не видела. Что он еще выудил у меня из головы и какие выводы сделал, так и осталось загадкой, сам Маренс, понятно, делиться ими со мной не стал.

Пока же я училась читать, писать, изучала официальную историю и знакомилась с географией. Маренс регулярно появлялся у меня, спрашивал о прочитанном, если бывал недоволен ответами – наказывал, приносил новые книги, заставляя некоторые учить наизусть. Из комнаты меня не выпускали и одежду другую не давали. Приходилось вечером перед сном стирать ее и развешивать в ванной. К утру вещи высыхали. Ладно, хоть простыни на кровати меняли. Кормили два раза в день – утром и сильно после полудня. Из-за отсутствия часов я не могла сказать точное время. Так и ориентировалась на гаснущий и загорающийся потолок. Вспомнив прочитанные книги о заключенных, я в принесенных тетрадях, где училась писать, отмечала каждый прошедший день. Даже дневник завела, хотя он и не блистал описаниями событий. Да и какие события? Пришел маг, проверил урок, наказал, дал новые книги взамен прочитанных, задал новый урок, ушел. После него всегда приходил слуга и приносил завтрак. Пока я ела, он менял постельное белье. Чтобы не впасть в депрессию из-за жалости к себе, училась. Не из страха наказаний, а на совесть, открывала книги и читала. Книжки попадались интересные и скучные, но читать приходилось все. Интересные: краткое описание географии мира Алкены,

природа, животные. Скучные: этикет, правила поклонов слуг господам – это приходилось учить наизусть и тренироваться. При изучении этикета Маренс скидок не делал и наказывал жестоко за малейшую ошибку. Однажды скинул мне в голову, как в свое время знание языка, гербы всех Домов империи Исмаил. Опять весь день пролежала почти в отключке, а потом сдавала экзамен. И опять приступы боли за ошибки. Оказывается, мы находимся в империи Исмаил, и на Алкене не одна страна, а множество. Но книг по политической географии мне еще не приносили.

Зачем все это и чего от меня хочет Маренс, так и оставалось загадкой. Никаких вопросов я задавать не смела, могла только отвечать на них. Причем отвечать четко и кратко. За любые размышления не по теме моментально следовало наказание. Никаких проявлений эмоций маг тоже не терпел. За слезы, улыбки, огорчения, радость, страх тоже следовало наказание. Я быстро научилась прятать чувства – боль сильно способствует этому. Расслаблялась только тогда, когда оставалась одна.

– Моя вещь еще не готова, – услышала я однажды недовольное ворчание мага за дверью. – Такой бездарности я еще никогда не видел! Ничего с первого раза не понимает. Только после наказания начинает соображать. Даже самый тупой скулик в нашем мире знает свое место и не высовывается, а она еще даже не выросла, а уже с претензиями. Но я все равно ее сломаю.

Кому он говорил, я не поняла, но вот про вещь... Неужели это обо мне? Я испугалась: он что, хочет превратить меня в какой-нибудь веник для пыли? Правда, непонятно, зачем тогда надо учиться этикету, геральдике, языку, географии и прочим вещам? Решила, что если все равно ничего не могу сделать, то лучше и не задумываться – только себя растрожишь. А вот про «сломаю» мне сильно не понравилось.

Таким образом, прошел, по моим расчетам, месяц. Маренс обучил меня еще одному языку и заставил читать книги уже на нем. Иногда три разных языка перемешивались в совершенно невообразимую конструкцию, и я начинала фразу по-исмаилски, продолжала по-русски, а заканчивала по-архейски. В такие моменты Маренс наказывал меня сильнее обычного – очень его злила моя «тупость». Однако к концу месяца я могла уже совершенно свободно говорить на всех трех языках, так же свободно читала на них и выучила наизусть гербы Домов империи. А потом выучила еще один язык – иллирийский...

– Ну, хоть что-то получилось, – буркнул маг, закрывая большой геральдический справочник. – Может, ты и станешь хорошим апостификом и сумеешь принести мне пользу.

Какая от этого будет польза мне, Маренс не сказал.

На следующее утро в мою комнату вошли сразу несколько слуг и стали развешивать в шкафу одежду. Правда, вся она оказалась одного покроя, напоминая одежду пажей, но без чулок, обычные штаны красного цвета, такого же цвета кур-

точка с пышными манжетами, белым с плетеными узорами воротничком и бежевая рубашка. Одежда скорее для мальчишки, а не для девочки, но моего мнения никто не спрашивал. Еще прилагались небольшой голубенький галстук и туфли. Обычные кожаные темно-красные туфли на небольшом каблуке. Всего таких костюмов принесли три. Не успела я закончить их изучение, как появился новый слуга. Молча усадил меня на стул, достал ножницы и принялся за стрижку. Я было дернулась, но тут же успокоилась – какой смысл сопротивляться или возмущаться? Все равно заставят послушаться. Правда, когда этот парикмахер недоделанный отрезал мои замечательные волосы, которые я с таким старанием растила, сейчас они достигали моего пояса, я едва не разревелась, но сдержалась. Привыкла уже держать чувства под контролем и не показывать их окружающим.

Когда после стрижки я взглянула в зеркало, то все-таки не сумела сдержать всхлипа – меня обкорнали. Мои великолепные волосы укоротили так, что теперь они только закрывали шею, и выстригли спереди, чтобы не лезли в глаза.

– Господин приказал вам переодеться в новый костюм, а старую одежду отдать мне.

Впервые слуга заговорил, хотя и не по собственному желанию, а волей господина. Хотелось заорать, вцепиться в старую одежду как единственное напоминание о доме, но послушно кивнула и пошла к шкафу за костюмом. Слуга уходит из комнаты явно не собиравшись и терпеливо ждал. Недо-

вольно покосилась на него и отправилась переодеваться в ванную. Выкинула старую одежду из двери, но прежде чем переодеться, сполоснулась.

В костюме ничего сложного не обнаружилось. Читая исторические книжки, я опасалась каких-нибудь непонятных завязок, расположенных так, что их и не достанешь самостоятельно. Но ничего подобного – все продуманно и просто. Оглядела себя в зеркало. Если бы не волосы, все-таки слишком длинные, никто бы не понял, что я девочка. Мальчишка и мальчишка. Правда, очень быстро узнала, что именно такую прическу и носят местные мальчишки, служащие Дому, так что и в этом я не очень от них отличалась. И за все время, что я пробыла в Доме Кайтаидов, наверное, только Ортен Маренс и те слуги, что приходили ко мне, знали, что я не мальчик, а девочка. Впрочем, никого мой пол особо не интересовал. Вы же не интересуетесь полом табуретки на кухне? Я для магов ничуть не лучше табуретки, вещь, которая принадлежит главе – архимагу Ортену Маренсу. Правда, это я уже позже узнала, а пока только недовольно разглядывала себя. Потом вспомнила о берете – к костюму прилагался еще и он. Красный, с небольшим белым пером, прикрепленным сбоку серебряной заколкой. Надела и попыталась понять, как он должен сидеть на голове.

Зашел еще один слуга, посмотрел на мои мучения, подошел и поправил. Оказалось, край берета с пером должен быть справа и задираться вверх, а другая сторона заломле-

на вниз, перо слегка изгибалось назад. А красиво. Слуга же еще поправил галстучек, оказалось, что я слишком туго его затянула. Отошел, оглядел меня с ног до головы и кивнул:

– Господин ждет, апостифик.

Впервые меня назвали так. Без обращения госпожа или господин, раз уж решили сделать из меня мальчишку. Ну ладно, если меня сделали пажом или слугой, то по-другому обратиться можно. А так... казалось, просто обозвали непонятно. Не знала еще, что так меня отныне и будут называть. И что апостифик – это вообще-то обычный предмет, вещь, инструмент мага, его резерв силы, к которому он может обратиться в любой момент в случае нужды. Если перевести это слово на русский, то самый близкий аналог – «хранилище». То есть отныне и навеки я превращалась в вещь, принадлежащую архимагу Ортену Маренсу, становясь его неприкосновенным запасом силы, магии, манны – называйте, как хотите.

Этого я, конечно, еще не знала, когда покидала в сопровождении слуги комнату, в которой провела последний месяц. Но твердо уверена, что именно сейчас и начинается моя новая жизнь в этом мире.

Глава 2

Что такое апостифик? Как правило, обычный минерал, нередко полудрагоценный камень. Тут важен в первую очередь размер и плотность. Его можно сделать из дерева, но качество такого апостифика получится так себе – мало куда годится. Разве только как одноразовый, на самый крайний случай. Для чего он нужен? Силы мага не беспредельны, а когда он использует магию, он их тратит. Опытный маг умеет получать энергию из окружающей среды, но тратит собственной он все равно больше, чем получает. Рано или поздно настанет момент, когда эта энергия заканчивается, после чего наступает быстрая смерть. Опять-таки опытные маги до такого состояния себя никогда не доводят и оставляют резерв, чтобы не загнуться, но представляют они из себя после тяжелого колдовства довольно жалкое зрелище. Как увеличить свой резерв силы? Тренировками, как же еще. Надо как можно чаще сбрасывать ее с помощью магии, а потом снова заполнять. Сбрасывать и заполнять, сбрасывать и заполнять. Такие тренировки полезны тем, что объем силы у мага растет, каждый раз он может получить в себя больше энергии, чем раньше. Архимаги сильны не только опытом, но и объемом энергии, которая им доступна. Новичок выжжет себя, потратив всю энергию на небольшую работу, тогда как архимаг сделает вдесятеро больше и даже не запыхается.

Проблемы, как всегда, возникают из-за лени. Тренировка – это хорошо, но тут ведь работать надо, а состояние человека, когда он тратит почти всю энергию, оставляет желать много лучшего. И восстановить энергию сразу не получается. В общем, болезненные эти тренировки. И что же делать человеку, если он хочет распоряжаться объемом энергии как архимаг, но не хочет утруждать себя тренировками? Вот так и появились те самые апостифики – подготовленные вещи, которые под завязку накачивают энергией и, когда нужно, берут ее оттуда. Проблема одна – апостифик не может быть очень маленьким, иначе много туда не закачаешь. Так что минимальный размер с два кулака взрослого человека. А если хочешь получить больше энергии, будь добр, бери предмет большего размера. И держать его всегда надо под рукой. Что толку от апостифика, если он дома, а на тебя в поле напали? С другой стороны, таскать такую каменюку – тоже удовольствие небольшое.

Но и здесь нашли выход. Оказалось, что если делать апостифики из обычных людей, то, во-первых, таскать его не нужно – сам ходит. Во-вторых, держать его подле себя постоянно тоже не нужно, километров с пяти энергию от него можно получить без особых проблем. В-третьих и, наверное, в главных, из апостификов-предметов прежде, чем что-то взять, надо сначала это туда положить. То есть предметы не умеют накапливать энергию – ее надо туда предварительно закачать, а вот апостифик-человек сам восстанавливает

потраченную силу. Конечно, если из человека забрать всю энергию – он умрет, но магов такие проблемы, как правило, не беспокоят. Сделать себе еще одного апостифика нетрудно, а вещи для того и нужны, чтобы их использовать по назначению. Бывает, что вещь ломается, тогда ее выкидывают и покупают новую. Или делают.

Стала мне понятна и причина, по которой Маренс выбрал меня. Маги ведь моего присутствия совершенно не стеснялись и говорили не таясь, из-за чего мой счет к ним вырос дополнительно. Дело в том, что лучшие апостифики получались из детей. У взрослых ауры уже сформированы, и большой запас энергии хранить в них не получится. Их, конечно, тоже можно тренировать, но возрастание объема небольшое и все равно в конечном итоге окажется много меньше, чем если начать тренировать ребенка. А Маренс, наказывая меня, извлекал и пользу для себя – тренировал мой резерв. Он опустошал мои силы практически в ноль, а потом заставлял восстанавливаться. И снова выкачивал энергию. Понятно, почему рядом в такие моменты присутствовал медик: терять по-глупому апостифика Маренсу не хотелось, вот и подстраховывался. А я, когда узнала про медика, подумала, что он обо мне волнуется, что скоро он подойдет и скажет:

– Ну вот, Лена, все и закончилось. Прости, что пришлось причинить тебе боль, но так надо для обучения, и теперь ты можешь поступить в школу магии.

Наивная! На что я еще надеялась? И правда, надежда уми-

рает последней. Но если такую боль испытывали все, кто тренировался для увеличения объема энергии, то понятно, почему маги искали другие, более легкие пути. Тренировки в магии вообще крайне болезненны, и только те, кто умеет терпеть боль, достигают вершин, мне это еще предстояло познать. Впрочем, в моих глазах это магов несколько не оправдывало.

Изначально Маренс не планировал использовать меня для создания апостифика, просто для возвращения искал ребенка с уже развитой аурой, бывает такое. Никакого преимущества такие дети перед другими в плане развития магических способностей не получают, просто тренировать их надо меньше. Ну а кто там попадется в его сети – мальчик, девочка, – ему было абсолютно все равно. Так получилось, что первой увидела мага и подошла к нему я... Дальше же разбитые надежды, слезы, ночные кошмары, сны о доме, маме, парочка истерик, месяц учебы и новая одежда, новая жизнь, начавшаяся с распахнутой двери в мою тюрьму.

Естественно, никто мне ничего не рассказывал, а за любой вопрос следовало наказание. Все это я узнавала постепенно, слушая разговоры магов между собой – иногда очень удобно, когда на тебя не обращают внимания. Ведь зачастую знания я получала по крупицам: там подслушала разговор, тут прочитала в книжке, что-то тайком подсмотрела в справочнике.

А потом началась полоса отчаяния... Раньше я плакалась, что Маренс меня много нагружает, но, оказывается, это для

меня было великим благом – некогда задумываться о своей судьбе. Как только Маренс решил, что я получила достаточно знаний, он перестал плотно следить за моими успехами или неудачами. Единственное, что оставалось неизменным, – полное выкачивание энергии и восполнение ее... тренировка, чтоб ее. Вот так вдруг оказалось, что у меня появилось свободное время, и я наконец задумалась над тем, что произошло. И появилось осознание, что это теперь навсегда, что я больше не увижу ни мамы, ни папы, не вернусь в свой мир! Вот тут-то и начался для меня настоящий ад. Были и истерики, и ночные кошмары, иногда вообще ночью уснуть не могла, только плакала. Маренс мое состояние видел, не мог не видеть, но относился к этому с полнейшим равнодушием, порой казалось, что он даже рад. И чем меньше чувств у меня оставалось, тем больше он радовался. Почему мне так казалось? А кто его знает – вот казалось и все. Однажды даже на коленях ползала перед магом, прося вернуть домой. Тот скользнул по мне взглядом, обошел и вышел из комнаты.

– Валяется тут всякое, – услышала я его бормотание.

И когда Маренс решил, что я готова, он снова отправил за мной слугу, который отвел меня в лабораторию, ненавидимую мной всей душой, и с поклоном удалился. Я замерла в центре под пристальным взглядом мага, уже наученная, что первой мне заговаривать ни в коем случае нельзя. Из окон на потолке лился мягкий свет, освещая как раз то место, где я стояла. Чувствуя себя товаром на базаре. А еще этот нари-

сованный вокруг меня круг с какими-то символами. Раньше его не видела.

Маренс довольно кивнул:

– Вижу, кое-чему ты научилась. Встань в центр круга.

Молча подчинилась. В тот же миг линии засверкали белым светом, обрели объем и сплелись вокруг меня в непередаваемый по красоте узор. Я даже рот открыла от удивления.

– Надо же, – хмыкнул маг. – Научилась видеть линии силы. Обычно такое доступно только после долгих тренировок. Все же не зря именно ты первой ко мне подошла.

А узор тем временем пустился в невообразимый танец. Линии переплетались, соединялись в фигуры, распадались и снова соединялись. Длилось это недолго, моргнуть пару раз – и все стихло, исчезли линии. Я зябко передернула плечами, создавалось ощущение, что кто-то прикрепил мне к спине поводок. Эта нить начиналась между лопатками и уходила в сторону мага.

Маренс чуть пошевелил рукой, и я с ужасом почувствовала, как цепенею, из меня словно выпивали жизнь, а нитка за спиной стала толще. Попыталась шагнуть, но колени подломились, и я рухнула лицом вниз.

– Замечательно! – довольно воскликнул Маренс, потирая руки.

Я же лежала, боясь пошевелиться и не понимая, что со мной происходит. Маг еще раз довольно хохотнул и вышел, даже не посмотрев в мою сторону. Снова появился слуга,

приведший меня сюда. Пожилой... лет шестидесяти и седой.
– Встань, апостифик.

Какой еще апостифик, хотелось заорать мне, но вместо этого медленно поднялась. Меня пошатывало, но помощь никто предлагать не спешил.

– Иди за мной.

Удивлялась я себе. Все чувства будто удалил кто. Они были, они присутствовали где-то там, в глубине сознания, но внешне никак не проявлялись. Один из побочных эффектов создания канала между апостификом и магом, как узнала позже. Чувства ведь мешают току энергии, создают помехи, но и избавиться от них невозможно – апостифика нельзя лишать воли, воздействовать на него магией, накладывать печать подчинения. Все это напрямую воздействует на ауру, переплетается с ней, подавляет ее потоки, после чего энергия от апостифика либо идет тонким ручейком, либо начинает так фонить, что ею вполне можно отравиться. Позже в библиотеке, куда дал мне доступ Маренс сразу после того, как сделал привязку, я читала о таких случаях, когда маги, желая облегчить жизнь, полностью ломали сознание апостифика магически, превращая его в куклу, и даже энергию от них получали. Вот только какая-то не такая энергия становилась. Незаметно, исподволь после каждого сеанса она что-то меняла в сознании мага, пока тот не превращался в полную копию апостифика – такую же куклу, лишенную воли. Несколько похожих случаев полностью лишили магов жела-

ния экспериментировать в этом направлении, и приходилось им мириться с тем, что воля и сознание апостифика неприкосновенны. Единственное, что им оставалось, — ломать людей без магии, и за столетия они научились делать это мастерски. Отсюда и обращение с апостификами как с вещами, нужными только, чтобы приносить пользу хозяину. Подозреваю, и меня оставили в покое специально, чтобы я осознала свое положение, прониклась отчаянием и сломалась. Почему так не произошло? Возможно, из-за злости. Когда я поняла, что вернуться домой не получится, вместе с отчаянием пришла и злость на всех магов скопом. Порой я представляла, что сделаю с ними, если обрету силу. Мечты ребенка, но они помогали держаться — хорошее воображение — это и дар, и проклятие, все зависит от того, как им пользоваться. Папа как-то сказал, что если представлять что-то хорошее, то можно побороть любые проблемы, ведь хорошее настроение уже почти победа.

М-да... как же меня довели, если мечты о мести поднимали мое настроение и помогали держаться?

После «привязки» к господину слуга отвел меня в другое помещение, в котором меня ждали маги Дома... точнее, ученики магов, судя по их одежде. Вот они и принялись нести какую-то чушь про ту честь, которая выпала мне, и что теперь я могу послужить хозяину. Кстати, позже выяснила, что воздействовать на сознание апостифика может только его хозяин или кто-либо с его согласия. Будь иначе, было бы слиш-

ком много покушений со стороны врагов. Сломал сознание чужого апостифика – и его хозяин медленно и незаметно умирает.

Я находилась после ритуала словно в полусне, а вокруг увивались эти типы и что-то там вещали про служение господину, о чести этого, о том, что я теперь очень нужная вещь и должна гордиться этим... Правда, порой несли такое, что я и понять не могла. Видно, не учли, что я человек другого мира, и те методы, которыми они старались промыть мне мозги – а они явно это и старались сделать, – не срабатывали. Я просто не понимала половины того, что мне говорили. Не знаю почему, но я прекрасно сознавала, что пытаются со мной сделать, но и не могла сопротивляться. Хотелось обо всем забыть и подчиниться. А еще был страх, что меня все-таки сломают. Очень боялась, что спросят, как хорошо я их поняла. Не смогу соврать.

– Ты должен служить господину. Это великая честь.

Служить, понятно, как слуги служат. Зачем такие сложности, чтобы донести до меня столь простую мысль? Ну не понимала я в этот момент отношения апостифика и хозяина, вот что хочешь со мной делай. Их слова очевидны и понятны любому, родившемуся в этом мире, для меня же служение значило максимум как отношение «господин – слуга». Еще читала в книжках про «хозяин – раб», но меня ведь в цепи не заковывали и на каменоломнях работать не заставляли, а именно такое отношение к рабам должно быть по

моим книжным представлениям. Так что не раб я, слуга. И чем больше «плясали» вокруг меня эти типы в красном, тем больше я убеждалась в том, что права.

– Это великая честь...

Вот заладили! «Великая честь», «великое призвание». Уже раздражать стало. Хорошо состояние заторможенное, так что раздражение только глубоко внутри появилось. Когда же это все закончится?

М-да, эти маги все же слишком самонадеянны, чтобы усомниться в проверенных столетиями методиках. А Маренс, который единственный знал, откуда я родом, ничего не объяснил – то ли посчитал неважным, то ли не счел нужным кого-либо посвящать в возможность путешествия между мирами.

Как же я позже радовалась этой непомерной самонадеянности магов, которая уберегла меня от превращения в послушную куклу! Разговор, конечно, не прошел даром, и в комнату я вернулась в полной уверенности, что так и должно быть, что мое истинное предназначение – служить хозяину, а моя прошлая жизнь – всего лишь ошибка, прелюдия к жизни настоящей. Однако и это пошло мне на пользу. Если бы разговоры совсем не подействовали, то маги это заметили бы и изменили подход и наверняка сломали бы. А так – вроде все идет как надо, все стандартно. Ну а то, что все эти внушения поверхностны и их снесет малейшим ветерком, так это без глубокого обследования не определить. Маренс же на такое

разрешения не даст, он еще не сошел с ума, чтобы допускать кого-то копать в мозгах своего апостифика.

Следующие дни я запомнила плохо. Меня дрессировали в прямом смысле этого слова. На этот раз не сам Маренс, а его ученик – викарус Жерис. Об иерархии магов я еще не знала и восприняла слово «викарус» просто как обращение к ученику магов. По сути верно, но не совсем.

Этот Жерис должен был обучить меня этикету. Точнее, поведению апостифика при важных встречах.

– Апостифик – это резерв мага, а значит, он всегда должен находиться поблизости, – вещал Жерис со скучающим видом. Ему было плевать, слушаю я или нет. Я слушала. Не потому, что Жерис интересно рассказывает, просто знала, что Маренс потом проверит и если обнаружит, что я что-то прослушала, то последует наказание. Так что интересно или нет, надо запоминать. – Если встреча в доме, то тут все просто и находиться рядом не обязательно, но если архимаг выезжает в гости, то там апостифик всегда должен быть подле хозяина. – Поняла я или нет, запомнила ли – Жериса не интересовало совершенно. – Всегда! В том числе и на встрече и на переговорах – слишком много в истории примеров нападений на таких вот встречах, а значит, лишний козырь не помешает. Твой хозяин всегда должен иметь доступ к твоей силе!

Ну и дальше в том же духе, дрессировка. Правильно сделаю – дадут пирожок в конце занятий, когда Маренс занимался проверкой усвоенного материала, нет – опять накаты-

валась боль. Первым делом разучили поклоны. Тут все просто – поясной поклон, шаг назад и в сторону, встать за спиной, чуть левее Маренса, замереть. Вот это самое сложное. Сколько бы встреча ни длилась – я должна все это время стоять за плечом мага, не шелохнувшись. Меня заставляли стоять почти весь день, а малейшая попытка пошевелиться причиняла дикую боль. С ужасом думала о том, что делать, если захочу в туалет.

Жерис, в общем-то, не был злым. Молодой человек, которому хотелось повеселиться, а на него повесили работу по обучению меня. Понятно, что это ему хотелось закончить как можно скорее и заняться своими делами. Впрочем, его отношение ко мне мало чем отличалось от отношения Маренса. Вещь и вещь, которую надо обучить быть полезной. Единственно, что тут мне разрешалось, – задать вопрос, но не больше одного в день. О туалете и спросила. Жерис долго смеялся, потом объяснил, что это невозможно, если я буду контролировать себя. В доказательство заставил дежурить три дня, давая только жидкую пищу. Когда в туалет хотелось уже нестерпимо, викарус посоветовал просто отвлечься, решив какую-то задачу. Как ни странно, помогло. В общем, три дня выдержала спокойно.

– Все равно так делать не стоит, – объяснил мне на следующий день Жерис. – Опасно. Может и мочевой пузырь лопнуть.

Вот козел!

– Но три дня подряд тебя никто дежурить не заставит, а сутки выдержишь спокойно, и никакой опасности в этом нет, – закончил он.

Первые дни выдерживать эти тренировки помогало мне отсутствие чувств. Если не бывает скучно, обидно, весело, грустно, то какая разница, чем заниматься? Почему бы и не постоять? Больно в конце, ноги гудят, но это вопрос привычки. А когда чувства стали все же пробиваться сквозь барьер – я уже втянулась. Кстати, спортом меня тоже заставили заниматься, чтобы я могла сопровождать мага в поездке. Он ведь может и уехать куда, а там кто знает, какой темп держать придется. Потому утром гимнастика: подтягивание, отжимание, бег, приседания. Все на полном серьезе, не побездельничаешь, занятия до изнеможения. Потом этикет, тренировки в языках, проверка знаний геральдики, истории, географии. Географией начал заниматься со мной Жерис. К обеду шла уже магическая тренировка – самая болезненная. Тут уже занимался лично Маренс в присутствии врача: выкачивал энергию до тех пор, пока я не падала. Потом меня относили в комнату и приносили обед.

Когда я приходила в себя – ела, а потом занималась самостоятельно, книг мне натаскали много. Вечером экзамен по прочитанному и снова наказание, если что-то не усвоила. И так день за днем, день за днем. Через месяц уже не осталось никаких посторонних мыслей. Все сосредоточилось на том, чтобы выполнять задания как можно лучше, избежав нака-

зания. Монотонность действий угнетала. Еще через месяц я уже рада была поверить в то, что единственное мое предназначение – служить хозяину, ибо это привносило хоть какой-то смысл в происходящее.

Наверное, я бы сломалась, если бы на третий месяц меня не начали учить ездить в седле. Все же не понимаю я этих магов. Я несколько раз находилась на грани, готовая смириться со своей участью, и всякий раз они не доводили дело до конца. Единственное мое объяснение – они не имели дела с жителями другого мира. Лошади для любого человека моего мира, кроме деревенских, – это романтика, приключения. Приключений мне и без лошадей хватало, а вот романтика... не говоря уже о том, что мне просто интересно. Вот этот интерес к лошадям и смел все воздвигнутые магами барьеры. Когда я впервые вернулась из конюшен – я буквально исхлестала себя по щекам, чтобы осознать, что я чувствую, что я – это я. Я не сдалась.

– Соберись, тряпка! Папа должен мною гордиться! Он говорил, что я боец! А я не боец – я мямля!

Может, у меня ничего и не получится, но вещь я не умру. Я не вещь! Я Лена Лаврова и не должна об этом забывать. Никогда и нигде! Я стала повторять себе это, когда стояла рядом с Ортенем Маренсом на приемах и когда занималась спортом, в перерывах между зубрежками, шептала, корчившись на полу от боли, и когда стонала на кровати от чрезмерных физических нагрузок, или когда лежала в больнич-

ном отделении, упав с лошади и растянув связки.

С проблемами здоровья от нагрузок маги справлялись быстро, и на следующий день все возвращалось на круги своя. После первой травмы я наивно надеялась, что в больнице отдохну... Ага, кто ж знал, что магия настолько эффективна в лечении травм? После больницы снова тренировка на лошадях. Меня готовили, словно на скачки. Я обязана была научиться ездить на любом самом своенравном коне, брать барьеры и выдерживать заданный темп.

Первые занятия проходили там же, где тренировались солдаты гарнизона. Я впервые увидела солдат мира магии, и их занятия меня, естественно, заинтересовали. Вот это зрелище, скажу вам, как увидела, так рот и открыла. Да, их вооружение примитивно: мечи, доспехи, щиты, но скорость! С какой они скоростью двигались! Я не смогла разглядеть ни одного движения. А схватки? Двое сходятся, миг – и один из них лежит, а второй победно поднимает меч, потом помогает товарищу встать. Чуть в стороне трое нападают на одного, и снова ничего рассмотреть невозможно. Вижу только, что трое лежат, а один стоит. Что он сделал, как? Ничего непонятно.

Тут мне весьма чувствительно напомнили, что я здесь вообще-то для тренировки и отвлекаться не стоит. Тем не менее я нет-нет да посматривала на тренировочное поле, пытаясь все же хоть что-то увидеть. А вот занятия по фехтованию. Солдат подходит к столбику, на который поставили

приличной толщины чурбан. Ничего себе, примитивное оружие! Удара я не заметила, но на земле лежали уже две половинки чурбана, разрубленного наискось. Идеально ровный срез.

Пока мы тренировались на замковом ипподроме, я могла постоянно наблюдать за тренировками солдат. Поняла, что дело в скорости, с которой они двигаются, но вот разрубленные чурбаки объяснить скоростью не могла. Это ведь и меч должен быть острейшим, а местные технологии я уже оценила – видела кузницу. Совсем как на картинке в учебнике истории. Единственное объяснение – магия. И чем больше я наблюдала за солдатами, тем больше меня охватывало отчаяние: у обычного человека нет никаких шансов даже против простых солдат, а уж против мага и подавно. Правда, солдаты – это совершенно отдельная категория, совсем не маги. Их обучали магии, но совсем не той, что обычных магов. Плести заклинания они не могли, зато собственным телом владели в совершенстве. Убить даже простого солдата – проблема еще та, живучесть у них благодаря магии колоссальна, даже удар в сердце не всегда смертелен. Такого уровня управления телом достигали только архонты. Тем не менее даже эти суперсолдаты без поддержки магов – всего лишь мишень. В бою такую поддержку им оказывают офицеры. Но это все из тактики, я там не все поняла. Знаю только, что есть какая-то связь между офицером и его подчиненными, которая их и защищает от магических атак. Все из подслушанных

мной разговоров были разговорами солдат, а не офицеров, так что насколько точно я все поняла, тоже еще вопрос.

Решимость не сдаваться заставляла искать хоть какую-то возможность что-то сделать. Так я стала собирать информацию. Слушала на встречах Маренса. Мало что понимала, но вечером записывала все разговоры, пытаюсь воспроизвести их как можно точнее. Главное потом не забыть уничтожить листы с записями – вряд ли магу понравится такое. Может быть, потом, когда-нибудь, эта информация пригодится.

А еще я пыталась подружиться со слугами. Я уже разобралась, что замок населяли два типа людей: маги и обычные люди, лишенные или обладающие минимальным уровнем магии. То, что Маренс при встрече назвал Домом, не совсем верно – это скорее клан. Но Дом так Дом, пусть будет так, дело не в названиях. Именно такие Дома и правили в империи Исмаил. Были Великие Дома, обладающие немалым влиянием и могуществом. Были и Малые Дома, находящиеся либо в подчинении Великих, либо в вассальной зависимости, либо сохраняющие независимость, но не играющие никакой роли в империи. Каждый такой Дом представлял собой строгую иерархическую структуру во главе с архимагом. Но архимагов в каждом Доме могло быть и больше одного, в Великих Домах много больше одного, тут и вставал вопрос выбора главы. С этим каждый Дом справлялся сам. Где главу выбирали голосованием архимагов, где главы, как такового, вообще не было и правил совет архимагов. Бы-

ли и совсем чокнутые Дома, например Скотад – Тьма. Великий Дом. Главой там становился тот, кто сильнее. Любой мог стать главой, победив главенствующего в поединке. Даже ученик имел право бросить вызов. Скотады, кстати, единственные из магических Домов империи, кто не накладывал печати подчинения на учеников или слуг, считая это проявлением трусости и слабости. Какой же ты маг, если боишься собственного ученика или тем более слугу? А если не способен справиться с ними, туда тебе, слабаку, и дорога.

Печать подчинения. Неприятная штука, хотя и не такая страшная, как кажется по названию. Такую печать можно поставить на любого человека, и тот окажется в полнейшей твоей власти. Ты можешь заставить его броситься с обрыва, убить своих близких... да что угодно. Эту печать маги накладывают на учеников, но она легко снимается либо другим магом, либо еще легче самим учеником, когда он достигает нужного уровня. В некоторых Домах снятие печати подчинения с себя служило доказательством готовности мага подняться на следующую ступень.

Ступени магов... Об этом Маренс рассказывал на самом первом уроке очень подробно и не любил, когда я их путала. Всего ступеней три, на каждой по три уровня. Низшая ступень, с которой начинается обучение: инферы. Вторая ступень – артифики, самая многочисленная, становой хребет магов. Именно они выполняют все работы за пределами замков Домов. И последняя – высшая ступень: архонты. Если

артификов можно сравнить со служилым дворянством, которое тянет основную лямку службы, то архонты – это уже высшая аристократия.

Каждая ступень, в свою очередь, имеет три уровня. Первый уровень, низший – неофит; следующий – ученик; и последний, третий уровень инферов – викарус. Так что викарус Жерис, который занимался со мной, занимал третий уровень низшей ступени, но уже готовый перейти на более высокую и стать доминатом. Доминат – четвертый уровень и первый на ступени артификов. Следующий уровень – мастер. Шестой и последний на ступени артификов – эксперт. И архонты: корифей, магистр и, наконец, последний, высший уровень – архимаг. Ортен Маренс занимал высшую ступень в иерархии магов.

В Домах, как в армии: лейтенант подчиняется майору, но командует сержантами. Если уровни магов одинаковы, старший тот, кто стал на этом уровне первый. Однако строгость подчинения разнится от Дома к Дому. Это особенно заметно на тех встречах, на которых мне довелось присутствовать. Например, в Доме Кайтаидов подчинение младших старшим соблюдалось постольку, поскольку это нужно для дела, вне работы они носили формальный характер. А в том же Доме Скотадов подчинение абсолютное. За малейшее нарушение субординации старший мог убить младшего на месте. Правда, младший имеет право сопротивляться и если побеждает, то занимает место убитого.

Как эти все Дома взаимодействовали на уровне империи, для меня оставалось загадкой, впрочем, не особо интересной. Все мои мысли занимали либо поиск способа побега, либо, если вернуться не получится, возможности отомстить. Для начала решила подружиться со слугами. Еще одни обитатели замка Дома, выполняющие все самые черные работы: уборка комнат, стирка, ремонт, готовка еды. По сравнению с ними самый последний неофит царь и бог. Бесправнее слуг в Доме нет никого. Хотя... были ведь еще и скулики – простые люди, живущие за пределами замка. Но о них я пока только слышала и ни разу не видела. А слуги – вот они. Вон какой-то ученик наказывает слугу за то, что тот, по его мнению, непочтительно поклонился. Много всего видела. Любой маг мог сделать со слугой все что угодно. Преувеличиваю, конечно, все-таки хороший слуга весьма ценен, но...

Однако все мои попытки познакомиться разбивались о полнейшее равнодушие. Если маги презирали слуг, то те отыгрывались на мне, существе гораздо более бесправном, чем они. Ни побить, ни обругать меня они не могли, но копировали поведение господ – не замечали. Если я что-то спрашивала, проходили мимо, словно не слышали. Пыталась задержать, останавливались и молчали, глядя куда-то вдаль, а как только появлялась возможность – шли дальше. Пыталась пинать их, но слуги пожаловались Маренсу, и тот устроил мне новое промывание мозгов лекцией на тему, как подобает вести себя хорошей вещи. Ну и наказание после лекции

для пушшего эффекта.

Долго боялась, что надо мной будут издеваться, а потом мне уже хотелось этого. Ведь издеваться можно только над теми, кого признаешь человеком. Даже ненависть – это чувство, направленное на людей. Нельзя ненавидеть или презирать шкаф или кровать. А я хотела получить хоть какое-то доказательство, что я человек. Но я вещь архимага Маренса, и относились ко мне соответственно. На меня даже не сердились, если я оказывалась у кого-то на пути, просто магией поднимали и отставляли в сторону, как стул, оказавшийся на дороге. Любого слугу наказали бы за нерасторопность, на меня не обращали внимания. Вскоре я сама поверю, что я вещь.

На пятый месяц жизни в замке Кайтаидов я заметила того самого седого слугу, который в первый месяц носил мне еду, а потом отводил к Маренсу, когда из меня делали апостифика. Он лежал в небольшом закутке коридора и тихонько стоял. Я осторожно подошла к нему и присела рядом, пытаюсь понять, что с ним.

– Вам плохо?

Мужчина со стоном повернул голову, и я заметила кровь на лице. Испуганно ойкнула и поспешно достала платок, аккуратно вытерла.

Слуга чуть приоткрыл глаза.

– Уйди, апостифик, – прохрипел он.

Я чуть не разрыдалась. Я же помогаю! Ну почему ко мне

так? За что? Что я ему сделала?

Видно, я все же не сдержала чувств, и слуга увидел слезы. Отвернулся.

– Уйди, – еще раз попросил он. – Я не могу на тебя смотреть и ничем не могу помочь.

Даже растерялась от такого признания.

– Можно просто поговорить. Мне будет достаточно...

Это был первый человек, с кем я начала общаться в замке. Его звали Лоренс, он служил в этом замке уже сорок лет, а пострадал за то, что перепутал парадные камзолы двух мастеров. Несколько следующих дней я была самым счастливым человеком в мире. Наконец-то хоть кто-то увидел во мне человека, а не вещь. Я разговаривала с Лоренсом почти каждый день, очень много узнала от него о жизни магов.

– Еще апостифик есть у сестры Маренса и внука. Сам Маренс не очень любил этого и потому никогда своего апостифика не имел. Не знаю уж, чем ты его привлекла. Видно, какая-то ты особенная.

Ну да, куда уж особенней.

– Он жалел детей?

– Маренс? Жалел? Он ради своей цели что угодно сделает. Нет, он просто не доверял таким вещам. Говорил, что если начнешь полагаться на что-то, кроме себя, то однажды этого чего-то может не оказаться рядом в нужный момент.

– Только ты сам не подведешь себя? – Это выражение я часто слышала от архимага.

– Ну да. Оно самое, – кивнул Лоренс.

Неудивительно, что мое появление обсуждала вся вер-хушка Дома Кайтаидов. Как мне рассказал Лоренс, сошлись на том, что Маренс обнаружил у меня возможность накапли-вать очень большой запас энергии, вот и изменил собствен-ным принципам. На спор даже проверили меня – действи-тельно большой.

А вот я даже вспоминать не хочу, чего мне стоило уве-личение запаса энергии до теперешнего уровня, – ведь тре-нировки Маренс не бросил. Сволочь! Этого архимага я уже ненавидела. И энергию он у меня забирал стабильно каждый день. Даже на тренировках неофитов так не делали, опасно. Узнала, когда присутствовала на экзамене, который прини-мал Маренс лично. Там я много всего о магии узнала. Не так они увеличивают свой резерв, совсем не так, как со мной, хотя, конечно, и успехи у учеников не такие, как у меня. Но мой способ врагу не пожелаешь, это скорее к пыткам мож-но отнести. Инквизиция ухватится за такую «тренировку», чтобы еретиков пытать. Все дыбы и каленое железо детски-ми шалостями покажутся.

Там же на экзамене увидела еще одного апостифика. Юноша старше меня года на три стоял почти рядом со мной, уставившись невидящим взглядом куда-то вдаль. А может, и не юноша, а так же, как и я, девушка. Попыталась заговорить с ним... или с ней. Сначала он никак не отреагировал, потом повернулся. Взгляд совершенно равнодушный, и в голосе ни

тени эмоции:

– Разве вещь вправе говорить без разрешения хозяина?

Я прямо там чуть и не умерла от этих слов. Неужели я тоже стану такой же? Неужели превращусь вот в это вот? Во рту пересохло, может быть, и упала бы, но вовремя оперлась о стол. Оглянулась, вроде никто не заметил – маги заняты экзаменом, на вещи ноль внимания.

Вечером, когда Лоренс менял постель, попыталась расспросить его о магах, а не магии. Но тот испуганно огляделся и прошептал:

– Не надо об этом. Маги – высшие существа, они по заветам богов правят нами. Что поделать, раз так заведено? Кто мы против богов?

В отчаянии прокусила губу, сдерживая крик. Неужели нет никакого выхода? Неужели я ничего не могу сделать? Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Праздновали день рождения Ортена Маренса. Впервые увидела всю его семью. Большая, но что ожидать от двухсотлетнего мага? Тут и внуки, и правнуки, и праправнуки, и... в общем, много всех. Скучнейшее мероприятие. Чуть не стошнило от лстивых речей, даже мне это видно, неужели маг не замечает? Или это со стороны только заметно? Или просто не реагирует? Впрочем, какая мне разница. Скучно. Рядом стоят три апостифика. Один из них мой ровесник... или ровесница, двое постарше. Глянула на них и даже не попыталась заговорить. Хотя на лице ровесника (ровесницы?)

на миг промелькнуло какое-то чувство, когда внесли торт. Наверное, очень хотел. Я тоже, честно говоря. С того момента, как оказалась тут, ни разу сладкого не ела. Интересно, а у меня при виде торта такое же выражение на лице было? Вот еще интересно, я уже знаю, что апостификов с собой берут, когда опасаются неожиданного нападения, а тут вроде как семейный праздник, но нас четверо. Взяли все, у кого апостифики имелись. Хорошенькое семейное торжество.

«— Не хотите ли отведать яду, благородный сэр?

— Благодарю вас, сэр, меня уже отравила ваша матушка».

Я чуть не рассмеялась, представив такой диалог. Ой, что бы началось, если бы не сдержалась... Даже страшно представить. Зато после праздника меня отпустили. Никаких проверок, никаких занятий. Весь вечер расспрашивала Лоренса, рассказывала ему про свой дом.

— Как нет магов? — Это обстоятельство удивляло его больше всего. — Быть такого не может. А кто же правит простыми людьми?

— Сами справляются, — отвечала я.

— Нет, все-таки не может того быть, что-то ты путаешь. А вот когда кто-нибудь нападет на тебя, к кому за помощью бежать, ежели нет сильного господина?

— В полицию бежать. Это служба такая.

— Ну вот, а говоришь, магов нет.

— Полиция не маги. Там тоже обычные люди служат.

— Ха. Да как они тогда тебя защитят, если на тебя маг на-

падет?

– Да нет у нас магов! Нет! Если кто на тебя нападет, то только обычный человек.

– Ну-ну, – Лоренс скептически покачал головой. – Ну и как эта твоя по... ци... поция...

– Полиция.

– Ну да, это самое. Ну и как она этих нападающих найдет без магии?

Понятия не имею. Но что-то отвечать надо, чтобы мой мир не ударил в грязь лицом.

– У нас техника есть. С помощью нее находят.

Тут Лоренс чуть не расхохотался.

– Техника? Ой, не могу. Да видал я эту технику. Катапульта на башне в замке стояла. Но я с трудом представляю, как с ее помощью можно отыскать грабителей.

– Берешь катапульту, – разозлилась я не столько на него, сколько на себя, что не знаю, как ищут преступников в нашем мире, и не могу ничего объяснить этому человеку, – сажаешь туда подозреваемого и пуляешь. Если живой остался, значит, невиновен.

– А говоришь, магии нет, – довольный, кивнул Лоренс. – Очень интересный способ. Я, правда, о таком не слышал, но, как мне кажется, он не очень надежен. Лучше мага пригласить.

– Ты прав, совершенно ненадежен, – сдалась я.

К следующему обеду Лоренс не пришел. Сначала я не вол-

новалась, мало ли по какому делу его могли отправить. А вот когда вместо него вошел Маренс, сердце ухнуло в пятки. Внешне я сохранила невозмутимость – выдрессировали, – но чувствовала, что произошло что-то неприятное.

– Кажется, моя вещь забыла, что ей позволено, а что нет? – зловеще спокойно поинтересовался он. – Следуй за мной. Если вещь забывает свое место, ей его надо указать.

На негнущихся ногах последовала за магом. Мои худшие ожидания оправдались: Лоренса я увидела на ристалище, прикованного за пояс к столбу. Длина цепи была достаточна, чтобы немного двигаться, но не более.

– Лоренс! – вскрикнула я, шагнула, чтобы броситься к нему.

– Стоять! – Мое тело после команды мага онемело. Вокруг сплелась энергетическая сеть и плотно облепила с головы до ног. Я не то что пошевелиться, даже моргнуть не могла. – Смотри! Хорошенько смотри и запоминай.

Напротив прикованного Лоренса, шагах в сорока от него, выстроилось пятеро учеников – я уже научилась распознавать уровни магов по деталям одежды. Рядом вышагивал преподаватель, мне было отлично слышно, что он говорил.

– Вы можете создавать самые убойные заклинания, но если неправильно запитаете энергией структуру, то результат окажется совсем не тот, какой вы ожидаете. Какая польза от мощного огненного шара, если он движется со скоростью хромой черепахи? Даже против крепости бесполезен – маги

другой стороны успеют его десять раз развеять прежде, чем ваш шар доберется до стены. Потому ключевой момент – баланс силы и скорости. Показываю.

Учитель наставил указательный палец на Лоренса, миг – и с его кончика сорвался небольшой сгусток энергии. Слуга взвыл от боли и задергал цепь, пытаясь вырваться.

– А теперь попробуйте вы, – продолжил учитель. – Только смотрите ограничивайте мощность, если убьете этого скулика, где потом еще такой материал найдем? А так у вас есть великолепная возможность потренироваться.

Потренироваться?! Это называется «возможность потренироваться»?! Я изо всех сил рванулась, пытаюсь разорвать энергетические нити, но куда там, даже не шелохнулась, мой крик замер, не родившись. Даже глаза закрыть не могу. Маренс же стоял рядом и наблюдал. За мной, не за обучением и даже не за Лоренсом.

– Смотри, – велел он. – Смотри и помни! – Он вдруг встал передо мной и заглянул прямо в глаза. – Хорошо запомни это – только я могу пользоваться своими вещами. И уж тем более вещь не вправе определять, кому позволено с ней общаться.

Я многое чего могла бы сказать в ответ, только кто будет слушать? Уж точно не Маренс. Он уже отошел в сторону, давая мне возможность «насладиться» зрелищем, как ученики-недоучки пытаются сплести заклинание, показанное учителем.

Вот уж, правда, недоучки. Один сформировал шарик энергии размером с голову и тут же рухнул без сил, а шар лопнул с оглушительным треском. Я даже пожалела, что он не взорвался. И новая лекция учителя:

– Вот типичный пример потери контроля над энергией. Бухнул в плетение все, что смог. И отправится наш юный ученик на дополнительные занятия по контролю. Следующий.

У кого получалось лучше, у кого хуже. Я же молилась, чтобы не получилось ни у кого. Да уж, не с моим везением. Как назло, среди этих учеников попалась троица талантливых, у которых получилось все правильно. При каждом попадании Лоренс стонал, пытался вырваться, но на него никто не обращал внимания. Только спокойный голос учителя, объясняющий ошибки учеников.

Какие же они гады! Гады! Когда же это все закончится? Экзекуция продолжалась уже часа два. На Лоренсе почти не осталось целой одежды, сплошные обгоревшие лоскуты вместо кожи ожог. Здесь отличные врачи, я видела, на что способны маги при лечении. Раны Лоренса не смертельны, день полежать, если им займется врач. По щекам катились слезы, а я не могла даже вытереть их.

– Надеюсь, ты все уяснила? – поинтересовался Маренс.

Неужели сейчас все закончится и Лоренса отпустят? Я готова была согласиться с чем угодно.

– И что тут происходит? – раздался голос справа от меня.

Голову я повернуть не могла и пыталась узнать говорившего на слух. Вроде бы голос мне незнаком, а я многих слышала. Кто мог так развязно обратиться к архимагу и главе Дома? Таких людей не так уж и много.

– Кларенс, – кисло отозвался Маренс и тут же добавил: – О, и Беатрис с тобой. Вас редко увидишь вдвоем. Какими судьбами?

– Послание главы клана сюзерену.

– От Ринальда? Что ему надо?

– Как обычно влез в разборки и теперь просит прикрыть, получив по мозгам.

– Этот Ринальдо, – Маренс прорычал имя.

Тут невидимый собеседник вышел вперед, и я сумела его разглядеть. Не из Кайтаидов – в одежде преобладает синий цвет. А еще у него накидка. Синяя. На ней изображен гейзер во льдах. И тут же вспомнились уроки геральдики: синий фон, гейзер и лед. Дом Нер – вассал Кайтаидов. На меня он даже не глянул, все внимание сосредоточил на процессе обучения.

Мимо меня прошла женщина в голубом длинном платье. Красивая, гладкая белая кожа... Всего мгновение видела, так быстро она прошла, а сейчас стояла ко мне спиной. Стояла спокойно, с видом человека, привыкшего повелевать. Если Кларенс походил на шалопая-повесу, которому только дай повод побалагурить, то женщина была похожа на королеву. Гербов на ее платье я не заметила, но, кажется, она то-

же из Дома Нер. Ага, в кружевах вплетен символ уровня... Плохо видно. Тут женщина чуть повернулась, и символ стал отчетливо виден – эксперт.

– Ринальдо, ты обещал меня научить тому заклинанию. Маренс недоуменно вскинул голову.

– О, это для путешествий, – пояснил ему посланец, на лице сияющая добродушная улыбка. – Немного модернизировал одну вещь, и теперь в дороге можно продукты сохранять сколь угодно долго. Беатрис, зачем тебе это?

– Есть кое-что, что я хочу сохранить, – а вот тут в голосе похрустывают льдинки. Причем она не сердилась, просто говорила так, это было понятно по реакции собеседников. Точнее по отсутствию реакции. Услышь я такой тон по отношению к себе, испугалась бы до смерти. – А ты, Ринальдо, все-таки будь серьезен. Ты же посланец главы Дома и его представитель.

– Только потому, что ты отказалась от этой роли.

– Расхлебывать последствия авантюры этого идиота? Увольте. Я вообще-то только в библиотеку приехала, хочу глянуть на одну книгу. Позволишь, господин архимаг?

– Ты же знаешь, Беатрис, для тебя все что угодно. – Маренс приложил руку к сердцу и чуть поклонился. – Так что там за заклинание, Кларенс?

– Хм... – Посланец задумался. – Просто так трудно объяснить. – Тут его взгляд упал на лежащего у столба Лоренса, и он улыбнулся. – Этот скулик вам нужен? Или...

Маренс махнул рукой:

– Делай что хочешь, все равно уже старик.

Лоренс словно что-то почувствовал. Он с трудом поднял голову и посмотрел прямо мне в глаза. Смотрел и улыбался. Чуть поморщился от боли, но взял себя в руки и снова улыбнулся. Подмигнул. И тут его всего окутал серебристый туман, сорвавшийся с рук добродушного и задорно улыбающегося посланца Дома Нер. Туман уплотнился, схлопнулся, плотно облекая фигуру человека, потом стал сжиматься. Еще мгновение – и вот на песке уже лежала вытянувшаяся колбаса, только большая.

– Я специально в таком виде сделал, – со смешком пояснил Кларенс. – А то фигура человека как-то аппетит отбивает. Но уже, в общем, все. Вот в такой упаковке продукты могут храниться года три.

Аппетит ему отбивает?

– Впечатляет, – заметил Маренс, изучая результат. – Можешь нарисовать узор?

– Конечно, – перед магом возникла сверкающая конструкция.

– Вроде бы ничего сложного, – задумчиво проговорила Беатрис.

– Конечно, нет – в том и прелесть. И еще это хорошая вещь для утилизации.

– Утилизации? – это Маренс.

– Да. – Посланец показал на «колбасу»: – Вы же не соби-

раетесь это хранить три года?

Беатрис передернуло.

– Нет, конечно.

– Вот и я про то. Смотрите. – Покрывающая Лоренса пленка вдруг стала малиновой, потом на мгновение вспыхнула и лопнула, а вверх взвился пепел, – все, что осталось от Лоренса. – Вот и все.

– Действительно замечательное заклинание, – согласилась Беатрис.

– О да. Кстати, ты слышала последнюю историю про Оралана?

– Нет. – Женщина явно заинтересовалась и даже улыбнулась: – Что еще учудил этот тип?

– Да как обычно. – Кларенс предложил женщине руку, а когда та оперлась, зашагал к замку. – Представляешь, его поймали, когда он выбирался из окна...

Маренс шагнул следом, но замер около меня.

– Надеюсь, ты запомнила этот урок? – Когда маг отвернулся, силовая сеть исчезла, и я рухнула на песок ристалища. Ученики, не обращая на меня внимания, прошагали мимо, обсуждая увиденное заклинание. Я сидела на корточках, опустив голову, и беззвучно рыдала, а сверху продолжал падать пепел... как снег.

Глава 3

День гибели Лоренса я запомнила на всю жизнь. Мне кажется, именно на ристалище я окончательно поняла, что детство закончилось, а за свои поступки несу ответственность не только я, но могут пострадать и совершенно посторонние люди.

А еще меня поразило отношение магов к произошедшему – они походя убили человека, но это не произвело на них никакого впечатления, словно муху прихлопнули, и вернулись к своим делам. Стали обсуждать интересные моменты из жизни, делиться новостями, а о Лоренсе забыли уже через несколько секунд, не успел еще пепел осесть.

Совершенно не помню, как оказалась в комнате. Муторно на душе, и никого рядом, кто мог бы хоть немного меня поддержать. Да теперь я и сама уже ни от кого не попрошу помощи, но как же тяжело переживать в одиночестве. Возможно, на это и рассчитывал Маренс. Опять я чуть-чуть не сдалась. Как же это просто – нужно всего лишь стать вещью и забыть обо всем, кроме блага хозяина. И сразу исчезнет боль, страх, сомнения. Теперь я понимала других апостификов и уже не осуждала, что они сдались, став ходячими куклами.

Что меня спасло от отчаяния на этот раз? Архимаг Ортен Маренс отправился в деловую поездку в Дом Тельм – болотников, для переговоров, пытаюсь перетянуть их на свою сто-

рону в каком-то мелком споре с другим Великим Домом. А раз переговоры не с союзниками и не с вассалами, то апостифик лишним точно не будет. Меня впервые взяли во внешний мир.

– Переодевайся, – слуга швырнул мне на кровать дорожную одежду и вышел.

Хм, ну хоть какие-то слова, но узнай Маренс, что он рот раскрыл у меня в комнате, достанется ему... Впрочем, я рассказывать никому не собиралась.

Я вздохнула и аккуратно разложила одежду. От моей те-перешней она отличалась только более плотным материалом и темными цветами. Хотя нет, еще дурацкий галстук отсутствовал, а куртка застегивалась до самого горла.

Этот галстук раздражал меня до крайности, а еще больше раздражало то, что я вынуждена держать свое мнение о нем при себе. Хоть тут его нет. Вместо туфель удобные сапоги, чуть-чуть не доходящие до колен, небольшие шпоры. Причем хоть и стояла довольно жаркая погода, но никакого дискомфорта в них я не ощущала. А еще накидка. Для путешествия предмет совершенно бессмысленный, но у нее другая функция: такие накидки носили все принадлежащие Дому при выезде во внешний мир, если ехали по делам, – она как паспорт. Эта накидка обязательно должна быть цвета Дома и с его печатью. На «моей» на красном фоне раскручивалась воронка вихря.

Накидку принес незнакомый мне неофит, кинул на кро-

вать и, насмешливо скалясь, остался у двери, наблюдая. Явно что-то замыслил, но ведь не ответит, если спрошу. Полная дурных предчувствий, я осторожно взяла ее в руки... В тот же миг вихрь на ней ожил, раскрутился, казалось, он вот-вот вырвется на свободу, захватив все и всех. Я вскрикнула и отшвырнула накидку в сторону под хохот неофита. Вихрь тут же остановился и снова превратился в обычную картинку.

— Этот вихрь оживает тогда и только тогда, когда накидку надеваешь ты. Печать привязана к твоей ауре и показывает, что ты принадлежишь Дому Кайтаидов.

«Принадлежишь» мне сильно не понравилось, но это мнение я оставила при себе, подозреваю, что оно, в свою очередь, не понравится неофиту. Тот же, заметив, как я кручу в руках накидку, не понимая, как ее надеть, даже помог. Все-таки не такой уж он и плохой. Еще повесил мне на пояс походный нож и флягу с водой. От ножа я даже обалдела немного. Мне так доверяют? Потом сообразила, что с ножом, что без, я против мага ничего не стою. Убить им кого-нибудь из магов — задача нереальная.

А еще Маренс наградил меня другим «украшением». Перед самым выходом, когда я уже стояла у ворот, держа вверенного мне коня за уздцы, архимаг подошел ко мне, неся в руке какой-то обруч. Наклонившись, он разъединил этот обруч, шириной где-то с два моих пальца, и застегнул его мне на шею. Заставил наклонить голову, сзади что-то зашипело, шею нестерпимо обожгло, но только на миг — боль тут же

пропала. Маренс чуть отошел и склонил голову, любуясь работой. Ощущения от ошейника не очень приятные, и в нем крайне неудобно. Даже голову низко не наклонить, в чем я сразу убедилась.

– Это чтобы у тебя не возникло никаких глупых мыслей, – пояснил маг, когда я закончила ощупывать «украшение». – Если ты удалишься от меня больше чем на пять километров, случится вот что...

Он щелкнул пальцами, и ошейник тут же начал медленно сжиматься. Сначала я почувствовала просто давление на шею, но оно становилось сильнее с каждой секундой, и вот уже я отчаянно пыталась сделать хотя бы один вдох. Схватила за ошейник в попытке разорвать его, но куда там. В голове зашумело, воздуха не хватало, я опустилась на колени... и тут же давление пропало, я снова могла дышать. Отчаянно кашляя, я медленно приходила в себя.

– Надеюсь, этого урока достаточно?

Да уж. Более чем. Пять километров... длинный поводок. И это не просто так. Я вспомнила, как на одном из тестов, которые периодически устраивают со мной, Маренс выяснил, что именно с такого расстояния он может получать от меня энергию.

– По коням!

Маренс отвернулся и забрался в карету. Вокруг пристроился эскорт, а паладины выехали вперед, проверяя дорогу.

Паладины... Долго не могла понять, чем паладины отли-

чаются от обычных солдат Дома, пока случайно не попалась книга в библиотеке. Поняла не все, но если просто, то солдаты – это самые обычные люди, которым с помощью магии увеличили возможности организма: скорость, восстановление от ран, сила, частичная защита от магии. Точнее, солдат делали из детей обычных людей, не иницируя их как магов. Каждому Дому принадлежали города и деревни, как в свое время в моем мире они принадлежали феодалам. Там они и пополняли отряды наподобие янычар. У людей отбирали детей в возрасте от трех до пяти лет и отдавали в казармы, где их и воспитывали в преданности к Дому, обучая и готовя будущих воинов.

А вот паладины – это уже непосредственно маги, проходящие военную службу, или, если короче и понятнее, – боевые маги. Возможность использовать в бою умения обычных солдат Дома плюс магия делали их по-настоящему непобедимыми бойцами. Паладины – это элита любого Дома и его гвардия. Солдат Дом мог набрать сколько угодно из подвластных земель, а вот паладины – товар штучный. Великий Дом Кайтаидов имел всего лишь восемнадцать паладинов, и это считалось очень много.

Паладины и составляли эскорт Ортена Маренса. Всего в охране ехало шестеро паладинов. Это много. Очень много. Известен случай в истории, когда четверо паладинов размятали двести напавших на них солдат вражеского Дома. Правда, не знаю, насколько тот случай реален. В книге еще много

всякого описывалось, и не все вызывало доверие.

Мое место в этом эскорте было слева от кареты и чуть сзади. Слева, чтобы пыль из-под колес не глотать, но находиться всегда рядом, если понадобится хозяину, не знаю уж, зачем могу понадобиться, — энергию он способен у меня взять, где бы я ни находилась в караване. Но место мне указали вполне определенное, и спорить с суровым полковником, командиром отряда паладинов, мне совершенно не хотелось.

Ворота замка распахнулись, раздалась команда, и отряд выехал на дорогу по подвесному мосту. Я оглянулась. Только снаружи можно по-настоящему оценить размеры замка. Да какого замка, это скорее город за крепостной стеной. Вообще замками называли города, где живут члены Дома, а город — это если там живут обычные люди. В центре города-замка на холме возвышалась центральная резиденция, где жили архимаги, руководители Дома, его глава. Величественное строение в готическом стиле.

От центрального строения спускалось несколько дорог к тем зданиям, что располагались у его подножия. Причем стояли они так плотно, что от них перебрасывали к резиденции либо подвесные мосты, либо крытые переходы. Большинство построек тоже выполнены в виде готики, но попадались и другие — здания с куполами, но таких я заметила всего два, основная же масса зданий самые обычные, с плоской крышей и минимумом украшений. Сначала мне казалось, что такое сочетание разных стилей сделает общую картину

уродской, но нет. Только издали можно было по-настоящему оценить величественность замка, оставлявшего впечатление чего-то огромного. Единого целого: с подвесными мостами, переходами, большими свободными пространствами, парками, фонтанами. По подслушанным разговорам я знала, что в замке живет чуть больше пяти тысяч человек. Дом Кайтаидов хоть и был Великим, но отнюдь не самым многочисленным. Из истории, которую Маренс заставлял меня зубрить, я знала, что самый многочисленный Дом – Фотье, огневииков больше десяти тысяч. Впрочем, сила Дома никак не зависела от его численности, только от количества в нем могучих магов, и все время Дома сражались за место под солнцем. Кто-то из них возвышался, иные уходили в небытие. Вообще вся история империи состояла из таких возвышений и обрушений магических Домов, случалось и полное уничтожение Дома. Уничтожение Дома Интерфектов объединенными силами нескольких Великих Домов – один из таких примеров. В книге писалось, что Дом Интерфектов, хоть и славившийся сильными магами, никогда не отличался многочисленностью. Почему так, в ней не объяснялось. Война случилась жестокой, это можно было понять даже по тем куцым хроникам, которые попались мне в библиотеке. Победители вырезали весь Дом до последнего человека. «И в империи Исмаил воцарился мир» – так заканчивалась глава про ту войну.

Странно, с чего это архитектура замка навела меня на воспоминания о прочитанных книгах, вот уж воистину непред-

сказуемы пути мыслей... Папа еще обязательно пошутил бы по поводу женской логики, а мама притворно возмутилась бы... Так, не думать об этом! Не думать!..

Мы пронеслись по мосту, спустились и выехали на главную дорогу, вопреки моим опасениям мощенную камнем, – значит, не придется глотать пыль. Первое время мне было не до любований красотами природы – все-таки моя первая дальняя поездка верхом. Но я даже гордилась собой – держалась в седле хоть и не великолепно, но уверенно, ехала вровень со всеми. Постепенно втянулась в мерное движение, и поездка даже стала доставлять удовольствие. Солнце, свежий воздух после надоевшей комнаты, ставшей тюрьмой. Что еще надо для счастья? Разве что от ошейника избавиться.

Стало понятно, зачем вообще этот ошейник Маренс мне надел, – рвани я куда по дороге, может, и найдут, но сколько времени на это потратят? Решил подстраховаться. Однако слишком уж плохого мнения о моем уме этот архимаг. Ну куда бы я побежала? Где бы стала прятаться? Я прекрасно понимаю, что никуда убежать не смогу – некуда, потому даже не обдумывала такой вариант, когда узнала о предстоящем путешествии. Но Маренс почему-то считал, что я идиотка, которую лучше держать на привязи во избежание проблем. Мне, конечно, не нравилось быть вещью, но мертвой мне нравилось быть еще меньше. Я надеялась убежать, но вовсе не собиралась делать это бездумно, а значит, нужна

информация. Вот и прислушивалась в дороге к разговорам паладинов, вертя во все стороны головой, рассматривая деревеньки, попадающиеся нам по пути, города в стороне. Но тут тяжело – видны только стены, иногда еще ворота. А вот люди нам не встречались. Я даже удивилась, вроде бы дорога важная, не в лес же ее замостили? И ни одного человека, ни одного обоза.

Впрочем, я очень быстро получила ответ на эту загадку, когда нам все-таки встретился обоз. Все телеги лежали, скособочившись на обочине, а то и опрокинувшись. Создавалось впечатление, что их настолько спешили убрать, что совершенно не разбирались, куда скидывать. А вот и люди – все выстроились за дренажными канавами, согнувшись в низком поясном поклоне. Мужчины, женщины, дети, все, кто находился в обозе. Маги на них не обратили никакого внимания, а я старалась разглядеть, насколько это вообще возможно на скаку: кто как одет, как выглядит. Но люди промелькнули быстро, и вот снова пустая дорога, и только наш отряд мчится вперед.

Когда новизна впечатлений пропала, стало откровенно скучно. Хотелось с кем-то поговорить, столько вопросов накопилось, но точно знала: никто не ответит. Да и уставать начала, все же первое путешествие верхом, а едем уже довольно долго. Слишком долго для меня. Когда подъехали к гостинице, я с коня свалилась. Мне помогать не стал никто, а вот коня забрали и отвели в конюшню, а я так и сидела на

дороге, пока все же не нашла в себе силы подняться и пройти внутрь. Как заботливый хозяин, Маренс велел накормить и меня, но совершенно не озаботился, чтобы мне помогли до еды добраться: захочу есть – доберусь.

Этот подход архимаг практиковал всегда и во всем. Он не был садистом, как могло показаться, чьи-то муки не доставляли ему никакого удовольствия, но если требовалось для дела, как он считал, мог быть и жестоким. Я вещь, и он старался всячески это показать: один из способов воздействия на личности апостификов. Мне нужно есть, в моем распоряжении отличные и полезные блюда. О сладком речи нет – это вредно для здоровья, а апостифик всегда должен быть здоров, но заботиться о себе я должна только сама. Не хочешь есть – не ешь, но второй раз никто тебе не накроет. Не можешь после путешествия добраться до тарелки – сиди в пыли на улице и отдыхай, поешь, когда сумеешь подняться. Приходилось скрипеть зубами от боли, но заставлять себя вставать и идти. Все тело ломило, но нужно стоять рядом с Маренсом с каменным выражением на лице, изображая предмет мебели, пока архимаг принимает посетителей. Мы все-таки находились на землях Дома Кайтаидов, и к главе потянулись с жалобами, прошениями, просто увидеть его. Крестьяне, купцы, ремесленники, бургомистры городов.

Началось это пришествие посетителей сразу, как только мы закончили есть, а из зала трактира вынесли всю мебель. У стены на возвышении поставили стул, на который Маренс

и сел, аккуратно расправив одежду. Я замерла у подножия чуть левее. Паладины выстроились слева и справа от «трона», а вдоль стен замерли солдаты. Каждый входивший в этот импровизированный тронный зал вынужден был идти в таком своеобразном коридоре. Люди проходили примерно половину расстояния до Маренса, опускались на колени, касались лбом пола, вставали, но головы уже не поднимали и так медленно подходили. Остановившись на четко определенном расстоянии, уже просто кланялись и замирали. В первый раз я даже растерялась, не понимая, чего посетитель ждет. Чуть скосила глаза, пытаюсь рассмотреть архимага за спиной. Не получилось, а головы повернуть не рискнула, вдруг он на меня смотрит, вмиг накажет.

– Говори, – наконец раздался приказ Маренса. Кажется, не только я не имею права говорить первой.

Ну а дальше каждый уже излагал свою проблему. Кто жаловался, что у него неправомерно отобрали имущество, кто-то на соседа. Вот дело о споре, который затеяли двое купцов, да так, что едва не поубивали друг друга. Дело обычное, как я поняла, но вот беда, в процессе выяснения отношений пострадал неофит дома Кайтаидов. Не умер, но руку ему сломали. Дело докладывал один из карающих Дома.

– Казнить обоих, – отрезал Маренс. – Члены Дома неприкосновенны, и любое покушение на них я расцениваю как измену сюзерену.

Я даже голову повернула от неожиданного приговора: до

этого маг судил достаточно объективно, а тут такой приговор. Ведь тот неофит не очень и пострадал, маги ему руку за день вылечили. К тому же каким олухом надо быть, чтобы позволить обычным людям сломать себе руку, пусть даже он всего лишь неофит?

– Смилуйтесь, ваше могущество, – бросился к архимагу один из приговоренных. Это и спасло меня от наказания, поскольку, когда я повернулась, Маренс смотрел на меня. Нарушение мною этикета ему очень сильно не понравилось, а тут этот несчастный. С трона ударил огненный шар, и на пол опустилась только горстка пепла...

Наверное, я уже привыкла к такому отношению магов к скуликам. Сейчас вот, грызя кончик пера берета, пыталась убедить себя, что думаю о несчастном, но нет, буду честной: первое, что я отметила и чему удивилась, – человек сгорел заживо почти мгновенно, а на полу и потолке не осталось даже копоти. Потом уже пришло осознание случившегося и ужас. Сглотнула, с трудом сдерживая позывы рвоты, и поспешно закрыла глаза, а потому только слышала хлопок еще одного огненного шара и оборвавший полный ужаса крик второго приговоренного. Маги за преступления против себя наказывали людей очень сурово.

После произошедшего дальнейший прием уже не был для меня столь интересен, все время подсознательно ждала, что вот сейчас казнят очередного посетителя и к двум горсткам пепла добавится еще одна. Да и усталость сказывалась.

Окончание приема я восприняла с огромным облегчением. Маренс задерживать меня тоже не стал, отправив в комнату отдыхать. Комнату, к счастью, мне выделили отдельную, хотя и самую маленькую. Кажется, все-таки Маренс по какой-то причине не хотел, чтобы кто-то узнал, что я не мальчик, но я слишком сильно устала, чтобы задумываться об этом, меня хватило только доползти до кровати и переодеться в пижаму, которую захватила с собой в дорогу.

А на следующий день я поняла причину, по которой люди так торопились уступать дорогу нашему кортежу. Выехали мы на рассвете, не задерживаясь ни одной лишней минуты. Возможно, из-за этого спешного отъезда встреченный нами обоз не успел убраться в сторону. Ни на секунду не задерживаясь, даже не сбавив ход, мы понеслись прямо на телеги. Я озадаченно покосилась на командира паладинов, не понимая, что они задумали и как собираются объехать препятствие, но тот оставался совершенно спокойным.

И вдруг задние телеги чуть приподняло и отшвырнуло с дороги вместе с людьми и грузом. Наш отряд мчался вперед подобно ледоколу, а с его пути в разные стороны летели вещи, люди, животные. Кажется, кого-то придавило телегой, кто-то плакал, ревели животные, но никто в отряде не повернул даже головы, чтобы посмотреть, что там с людьми, пострадал ли кто от их действий. Я с ужасом наблюдала за происходящим, не в силах ни на что повлиять и ничем помочь. Когда мы миновали последнюю скинутую телегу, я все-таки

не утерпела и оглянулась: на обочине стоял какой-то мужчина и смотрел нам вслед. Господи, какой ненавистью горел его взгляд! Никогда до этого я не видела ни в ком такой жгучей ненависти. Мне хотелось спрятаться, забиться в самую темную щелку, упасть на колени и умолять о прощении. Это не я сделала, я тут совершенно ни при чем! Я сама на положении пленника и такая же жертва! Отвернулась. Прости меня, человек, даже если я совершенно не виновата в происходящем. И ведь ни один маг не повернулся, а я точно знала, что многие отличные эмпаты. Не могли они не почувствовать такую ненависть к себе, но даже не отреагировали. Чувства скуликов никого не интересовали.

Да, маги тут воистину были всем, а люди лишь обслуживали их. А раз сами маги считали себя отмеченными богами, то к обычным людям относились как к скоту. Полезному и необходимому в хозяйстве, но скоту. Но ведь читала я, да и видела в Доме, как забирали у людей новорожденных детей и воспитывали их учениками. Так что абсолютно любой человек с рождения способен к магии, главное правильно его обучить! И чушь все это про избранность. Каждый человек, то есть абсолютно каждый может научиться магии. Она не дар, спущенный кем-то свыше, а результат тренировок и учебы. Почему люди не становятся магами, если это так легко?

Как там написано в книге? «Для того чтобы стать магом, нужен толчок, инициация другого мага или специальный амулет. В современном мире инициация обычно осу-

ществляется с помощью печати Дома, в которой собраны результаты экспериментов поколений магов, проводящих исследования и отбирающие лучшие заклинания, которые, по их мнению, должны пополнить копилку Дома».

Честно говоря, не все поняла, а потому просто заучила, чтобы потом, когда стану старше, разобраться. Вдруг удастся как-то инициироваться и стать магом? Уж тогда я им всем покажу!

Наш отряд благополучно покинул владения Дома Кайтаидов, и мы въехали во владения Дома Пагог, или, если перевести название на русский, Дома Льда. На границе нас встретил то ли почетный эскорт, то ли охрана, и дальше мы ехали уж под их присмотром. Судя по тому, что никто в отряде не нервничал, это все же эскорт.

О самой встрече в Доме Пагог рассказывать особо нечего. Скучнейшая церемония с оказанием всяких почестей, расшаркивание, разговоры. Я вынуждена была таскаться за архимагом. Пять километров? Ага, так он и оставит без внимания своего апостифика в недружественном Доме. Так что хочу или нет, но я посещала все торжественные церемонии, балы и даже присутствовала на переговорах. Только тогда, когда начали говорить о чем-то очень секретном, меня выставили за дверь, но рядом находились два паладина из охраны Маренса.

Балы... сколько я читала дома сказок о них. Действительность оказалась не совсем такой, как я представляла, хо-

тя блеска действительно много. Роскошные позолоченные люстры освещали громадный зал, лучи света, отражаясь в хрустальных украшениях, озаряли весь зал разноцветными сполохами. И в этом сверкании кружились в завораживающем танце пары. А какие наряды у дам... Я себе тоже такое платье хочу! Почему вместо этого великолепия глупый мальчишеский наряд, да еще и мои роскошные волосы обкорнали? Вот только никто меня не спрашивал. Стой в сторонке и смотри. И даже заговорить ни с кем не смей – глупое предупреждение. Кто тут вообще заметит чьего-то апостифика? А заметят, так тут же отвернутся. Неудержимо хотелось реветь. Уже думала, что научилась не показывать чувств, но нет.

Рядом со мной остановились две молоденькие девушки, лет по шестнадцать, и о чем-то защебетали. Я прислушалась, все равно делать нечего.

– Смотри, как здорово лучи солнца преломляются в витражах, и все они попадают на ограненные хрустальные шары. Видишь, как потом лучи по залу разбегаются?

Вторая девушка огляделась и благосклонно кивнула:

– Да, я заметила.

– Меня за эту идею наставница похвалила. Говорит, что я будущая звезда дизайнинга! Вот! – Девушку буквально распирала гордость за то, что ее идею приняли и воплотили. Она буквально светилась от счастья. – А мама сказала, что я молодец!

Сердце сжала тоска. Мама... Я хочу к маме! Хочу прине-

сти какую-нибудь поделку из школы, и чтобы она потрепала меня по голове и сказала:

– Хорошо постаралась, дочка.

Очарование залом пропало, осталась только тоска. Две девушки недоуменно повернулись ко мне, пожали плечами и снова вернулись к прерванному разговору, даже отходить никуда не стали. Какое им дело до моих чувств? Как я теперь понимала того мужчину на дороге. Захотелось заорать, разбить эти чертовы хрустальные шары, расколошматить роскошные витражи, оборвать шелковые занавески и пройти по ним прямо в сапогах. Но я стояла. Стояла и смотрела на чужое счастье, чужую счастливую жизнь. Впервые в этом мире я поняла, что по-настоящему ненавижу всех этих людей в роскошных нарядах, тех, кто походя лишил меня всего, что у меня было.

Девушки рядом испуганно вскрикнули и обернулись. Эмпаты? Ну конечно же, это вряд ли сложно. Значит, мои чувства оказались настолько сильны, что причинили им боль. Даже порадовалась. В глазах девушек ужас и непонимание. Они чувствуют, что моя ненависть направлена на них, но не понимают почему. Почему на них? И сама не знаю, наверное, потому что у них есть то, чего лишена я: любящие родители, любимое занятие, друзья, – моя же судьба вечно шататься за магом и служить ему батареей. А в один прекрасный день ему понадобится больше энергии, чем я смогу дать, и мое тело выкинут на помойку, как сломанную и отработавшую

свое вещь. Те маги, с кем я общалась по необходимости во время обследований, утверждали, что это для меня высшая честь – полностью послужить хозяину. Говорили про долг, как будто исполняли изрядно надоевший ритуал, иначе заметили бы кривую усмешку, появляющуюся на моих губах. Знала об этом и ничего не могла с собой поделать, как ни пыталась. Но могла и не стараться, все равно никому не было дела до моих чувств.

Девушки все-таки от меня убежали. Непонятно почему, но я сочла это своей победой – первой победой над магами. Я заставила их обратить на себя внимание, заставила отступить. Впереди наказание? Пусть! Ради этого сладкого мига победы я готова вытерпеть любую боль...

Победителем я себя чувствовала до вечера, когда вернулась к архимагу... и ничего не произошло. Словно и не было моей победы. Ее не заметил никто. Скорее всего, те девушки даже не рассказали никому о странном апостифике. Да даже если б и рассказали, им бы и досталось, что слушают чувства всяких там скуликов. Они промолчали, а моя победа осталась только в моих грезах. Маги просто не обратили на нее внимания, мимоходом глянули и занялись своими делами.

Как бы то ни было, но эта поездка в другой Дом многое мне дала. Во-первых, я хоть и краем глаза, но познакомилась со внешним миром и узнала, как живут люди. Во-вторых, намного ближе и плотнее, чем в Доме Кайтаидов (там меня просто никуда не пускали), познакомилась с жизнью са-

мих магов, многое узнала об их интересах и жизни, слушая разговоры окружающих. В-третьих, я все-таки сумела разобраться в своих чувствах и поняла, что не сдамся. Если уж совсем будет плохо и шансов вернуться не останется, попытаюсь хоть лабораторию расколошматить, где меня периодически осматривают, но вещью я не останусь никогда и ни за что.

М-да. О последнем легко думать, но как сделать? В голову ничего не приходит, и в очередной раз меня накрыла волна отчаяния. Я вернулась в Дом Кайтаидов вместе с архимагом Ортенем Маренсом. Вот он явно доволен и буквально светится от счастья, видно, переговоры прошли удачно. Как же мне хотелось испортить ему настроение, но ничего придумать не смогла.

Глава 4

Хотя ошейник по возвращении мне не сняли, как ни странно, это пошло мне на пользу. Пусть я и чувствовала себя в нем рабыней – меня перестали запира́ть в комнате, предоставив в пределах центрального дворца совершенную свободу передвижений. Ну... частично свободу. Нет-нет, никто меня ни в чем не ограничивал, да и как можно ограничивать того, кого НЕ ЗАМЕЧАЮТ? То есть совершенно не замечают. Просто если мне куда-то нельзя, ошейник немедленно предупреждающе сдавливал горло, дышать можно, но тяжко. Упорствовать желания не возникало.

Как я поняла, запирали меня не столько потому, что боялись побега, сколько для того, чтобы я всегда находилась под рукой у архимага, как только ему понадобится. Ошейник решал и эту задачу – каким-то образом Маренс, если я ему вдруг становилась нужна, подавал сигнал, и ошейник начинал пульсировать. Тут мне сразу надо было бросать все дела и бежать к архимагу, иначе очень скоро пульсация переходила в удушье. Карты дворца мне, естественно, никто выдавать не спешил, так что его я изучала самостоятельно, единственная проблема – быстро отыскать архимага. Впрочем, и тут ошейник помогал – если я сворачивала не в ту сторону, он слегка сжимал горло, приходилось возвращаться к перекрестку и поворачивать куда нужно.

Спортом по утрам со мной тоже перестали заниматься. Видно, довели до того состояния, которое считали приемлемым, и оставили в покое. Наверняка магию использовали при занятиях со мной, иначе как объяснить, что я за восемь месяцев умудрилась натренироваться так, что легко отжималась по сорок раз на каждой руке, а подтянуться вообще без особых проблем могла раз двести? Если магией апостифику в мозги лезть нельзя, то с телом запретов нет. Чертовы маги. Хотя за эти тренировки можно и поблагодарить, по крайней мере они помогли не впасть в уныние и укрепили тело и дух, правда, вряд ли они рассчитывали на дух.

Тихо и незаметно прошел мой одиннадцатый день рождения. Я даже забыла о нем, только спустя неделю вспомнила. Хотя о чем там вспоминать? День как день, ничем не отличался от остальных: та же утренняя пробежка, потом библиотека. Тут тоже ограничения – книги по магии мне недоступны. Сильно огорчилась, когда поняла это, я надеялась втайне прочитать учебники по магии, начать заниматься, а потом как дам им всем... Облом: стоит попытаться взять книгу по магии – и ошейник сдавливает горло. А вот книги по истории, географии, геральдике, истории Домов – пожалуйста.

Чтобы тренироваться, я брала книги на разных языках, уходила куда-нибудь подальше, забираясь в самый дальний угол, и читала. Заодно и дворец обследовала, оказывается, у него есть и подземные этажи. Как я выяснила, там распо-

лагались лаборатории, особо защищенная арена, где провоялись новые заклинания, хранилища – с чем именно, выяснить не получилось. Естественно, туда мне хода нет, зато я нашла неприметный коридор, уведший меня куда-то в сторону. Там обнаружился целый заброшенный этаж, совершенно непонятный. Зачем он тут? Фундамент? Я точно знала, что дворец стоял метрах в пятидесяти в стороне. Видно, хотели делать пристройку, а потом по какой-то причине отказались, а сам этаж забросили.

Какое же это удобное место оказалось, чтобы скрыться от всех надоевших магов мира! Судя по пыли, сюда годами никто не заходил, а раз так, то и никто из этих напыщенных самодовольных снобов сюда не заглянет. Лучше вообще не видеть никого, чем чувствовать себя пустотой среди людей.

Выбрала наиболее подходящее помещение, натаскала туда более-менее сохранившуюся там и тут мебель, вычистила, вымыла, и вот готов мой личный тайный уголок.

Хотя кого я обманываю? Тайный он постольку, поскольку никому не интересен. Захоти Маренс – и найдет его в два счета. Но хоть какая-то иллюзия свободы. Пропадала там все то время, пока не нужна главе Дома в лаборатории, где он разрабатывал мой энергетический резерв. Судя по той улыбке, с какой он наблюдал за мной, Маренс был чем-то очень доволен. Видать, мой резерв оказался намного больше, чем он рассчитывал, вот и радовался... сволочь.

Может, отравить его как-нибудь? Отравленную иголку в

трон воткнуть? Одна беда, не знаю, где яд взять, и готовить его не умею. Да и не подействует обычный яд на архимага.

Ортен Маренс уезжал. Причем уезжал не на один-два дня, а на три месяца и не брал меня. Наконец-то я узнала, почему все-таки в империи Исмаил правит император, который по силе вряд ли выше викаруса. То есть как маг он вообще никакой. До этого момента я вообще не слышала в разговорах упоминаний об императоре, зато сейчас столько наговорили про империю и ее устройство, что чуть голова не лопнула в попытке все запомнить.

Оказалось, что империей в реальности правит Общий Совет Домов, который собирается раз в год в столице для выработки политики по отношению к внешнему миру. А вот в дела своих владений ни один Дом никого не пустит, и никакой император или Общий Совет не вправе вмешиваться в то, что там происходит: пусть даже Дом всех скуликов уничтожит – в своем праве. Правда, я несколько раз слышала, как Маренс раздавал указания, какую вести политику внутри своих владений, вассальным Домам, хотя теоретически не имел на это права.

Отношения между собой Дома вообще старалась выяснять самостоятельно, привлекая союзников и вассалов, если начиналась война. Правда, последняя война, если верить книгам, случилась лет сто назад, но стычки между магами враждебных Домов, пересекаясь их дороги вне владений друг

друга, как правило, заканчиваются смертью одного из них.

И вот для того, чтобы все эти Дома: нейтральные, враждующие, малые, великие – могли собраться на Общий Совет, нужна нейтральная территория. Такой и являлась столица империи Исмаил, вот в ней власть императора, человека, не входящего ни в один магический Дом, была почти безгранична. Ему там подчинялись маги даже самых Великих Домов. Он и его палadini обеспечивали порядок на нейтральной территории.

Фламин вообще уникальный город, единственный в империи, где правит почти обычный человек. А поскольку маги понимали, что нейтралитет территории должен быть настоящим, а не показным, то и не вмешивались в политику императора внутри города. Жители же столицы имели особый статус – друзей магов – алламаг. В столице даже маг не мог избежать наказания, если нарушал закон в отношении скулика – жителя столицы, императорского алламага: нейтралитет Фламина превыше всего.

Кстати, печать императорского алламага защищала и за пределами столицы. Эх, вот бы мне такую печать, тогда Маренс ни за что не посмел бы превратить меня в апостифика... Мечты, мечты...

Есть еще алламаги магических Домов, но этот статус ниже императорского, и таких людей защищал только тот Дом, кто поставил печать. Если Дом Великий, то хорошая защита, а печать малого только в неприятности втрavит. Маги Вели-

кого Дома могут убить такого человека просто для того, чтобы показать свое презрение малому Дому.

– Вот бы разбойники на дороге попались, – мимо меня прошли два солдата, назначенные в сопровождение к Маренсу.

Помнится, сильно удивилась, когда услышала, что на дорогах есть разбойники. Для магов они так, развлечение. Любой солдат Дома их в порошок сотрет и не вспотеет, вот и мечтают о приключениях, как эта парочка идиотов.

Лично я полагала, что разбойники не дураки и магов трогать не будут. В моем прошлом путешествии вместе с Маренсом я слышала жалобы к архимагу на разбойников, но тот остался к ним совершенно равнодушен.

– А куда наместники смотрят? – только и поинтересовался он. – Набирайте стражу и разбирайтесь сами.

Тогда впервые узнала о страже – солдат в подчинении наместников Домов на подвластной территории. Самые обычные люди, проходящие военную службу, – против разбойников их вполне хватит, да и за порядком в городах они следят. Я-то ведь полагала, что этим солдаты Дома занимаются. Ага, будут они. Солдаты – это армия, а стража – скорее полиция. Есть еще пограничная стража, следящая за контрабандистами...

А еще в столице располагалась академия магии. Чуть не свалилась от удивления, когда впервые услышала об этом, ведь видела школы для детей-магов в Доме, полагала, что

каждый Дом своих магов сам готовит. А тут вдруг раз – и целая академия, куда каждый Дом направляет детей на обучение с тринадцати лет, где они учатся до семнадцати.

Случайно узнала, почему Маренс не берет меня с собой, – на нейтральную территорию запрещено брать амулеты большой силы, в том числе и апостификов. Так что я, оказывается, местный аналог оружия массового поражения. Загордиться, что ли?

Обычно Совет идет примерно недели две, но, насколько я поняла из разговоров, слишком много вопросов надо решить, да еще какие-то осложнения с Домами соседнего королевства возникли. В общем, в этом году решили собраться на месяц, который потом перетечет в месяц праздников и балов. Ну, еще плюс время, необходимое, чтобы собраться всем гостям, некоторым магам ведь издалека приходится добираться.

Архимаг вызвал меня к себе в день отъезда рано утром. От великого ума я сидела в самом дальнем конце замка, и, пока добралась до места, ошейник несколько раз чуть не задушил. Ему ведь не объяснишь, что я знаю более короткий путь через подвал, но для этого надо сначала немного удалиться от Маренса, а ошейник любую попытку идти в противоположную от объекта сторону воспринимал чуть ли не как попытку к бегству.

– Я уезжаю, – сообщил мне Маренс, едва я вошла в кабинет. А то я не знаю. – Я уезжаю, – повторил маг и задумчиво

покрутил в руке какой-то каменный шар. – Полагаю, ты не хочешь, чтобы твое украшение тебя задушило, едва я отъеду от замка на пять километров?

Во блин! Об этом не подумала. Неужели снимут ошейник?

– Потому я кое-что сделал, чтобы этого не случилось. – Ага, держи карман шире, снимут. Только вот с чего это Маренс меня предупреждает? Уехал бы – и все, ничего не объясняя, как это обычно и происходит.

Я чуть поклонилась, показывая, что поняла. Да уж, скоро совсем разговаривать разучусь – не с кем просто, а Маренс категорически против моих слов, пока явно не спрашивает о чем-то, а он не спрашивает. Вот уж чему мне хорошо удалось научиться за то время, что живу в Доме Кайтаидов, так это терпению. Мне только и приходилось, что терпеть – постоянную боль, полное игнорирование, усталость на длинейших церемониях, где постоянно стояла, не шелохнувшись, обиду.

– За время отсутствия я не смогу тебя тренировать. – Это теперь так называется? А я думала, что это тренировка палачей инквизиции. – Однако это не повод забывать занятия. Вот список книг, которые ты обязана прочитать до моего возвращения, когда вернусь – спрошу. И попробуй только что-нибудь не прочитать.

Я опять поклонилась и приняла небольшую тетрадь. В присутствии мага открывать не стала – нельзя демонстрировать нетерпение при разговоре со старшим по положению:

пункт третий, часть первая правил общей этики.

– Ничего не хочешь мне сказать или спросить?

Прямой вопрос.

– Если будет на то ваша воля, хозяин.

– Говори.

– Счастливой дороги, хозяин. – Чтоб ты провалился, старый пень, в выгребную яму и чтоб тебя оттуда спасали весь день.

Маренс чуть улыбнулся.

– Можешь идти.

Снова поклониться, два шага назад, не поворачиваясь спиной к собеседнику – пункт первый, часть третья правил общей этики, – снова поклон, развернуться на месте и неторопливо покинуть комнату.

– Хорошая дрессировка, – успела я расслышать за спиной, прежде чем дверь закрылась.

Была б моя воля, я бы тебя так дрессировала...

А на следующий день впервые никто не выкачивал у меня энергию почти до нуля и я не валялась на полу, постанывая от боли. Конечно, на меня по-прежнему никто не обращал внимания, но жить можно, хотя и тоскливо.

Событие, изменившее мою жизнь, случилось на третий день после отъезда Маренса, когда я сидела в своей тайной комнате и читала одну из списка хозяина (чтоб он сдох) книг.

– Объект в пределах доступа, – неожиданно раздался голос с небес, и только многомесячная дрессировка Маренса

заставила меня остаться сидеть на диване, а не подпрыгнуть с испуганным воплем. Да уж, этикет таких воплей категорически не одобряет, а апостифик должен оставаться спокойным в любой ситуации, даже если на него потолок падает.

Свет померк, а когда я снова смогла видеть, вдруг обнаружила себя в какой-то круглой комнате с несколькими дверями, в центре которой стояло кресло. Сработал вбитый занятиями рефлекс, и я замерла, осматриваясь. Ничего не происходит. Минут пять терпела, а потом все же подошла к стене и прошла вдоль нее, дергая на ходу за двери, – все оказались заперты. Где я и как сюда попала? И что дальше делать? Обернулась к креслу. Хм... не просто же так оно тут? Подошла и осторожно села. Может, и не стоило, но не думаю, что будет хуже, чем есть. Мне уже все маги настолько осточертели, что даже если кресло меня спалит, то и тогда я буду рада, хоть как-то насолю Маренсу. Этот чертов ошейник ведь и за моим состоянием следит, пресекая все попытки самоубийства. Попробовала однажды...

Меня окутал мягкий зеленоватый свет.

– Изучение, – раздался уже знакомый голос с небес. – Претендент Интерфект, не шевелитесь, пока вам не будет подана команда.

Претендент кто? И тут же в памяти щелкнуло – Интерфекты – магический Дом, существовавший около двух тысяч лет назад и полностью уничтоженный девятьсот тридцать пять лет назад. Те самые темные убийцы, которые на-

водили ужас на магов Алкены, уничтожая врагов вместе с семьями, не жалея никого. Первый порыв вскочить с кресла и бежать, вторая мысль – наводили ужас на магов? Я улыбнулась, меня захлестнул водоворот противоречивых чувств, а улыбка превратилась в хищный оскал, из чувств осталось только одно – всепоглощающая ненависть к магам, вырвавшим меня из моего мира, оторвавшим от семьи и лишившим всего. Что бы это ни было, чем бы это ни было, но если это поможет мне расквитаться с магами, я согласна на все.

– Пока же поведаю тебе, путник, историю Великого Дома Интерфектов...

Слушать мне надоело уже на второй минуте. Представьте себе синтезированный компьютерный голос, только более скрипучий, надиктовывающий набранный текст. Ужас. Да и вещал он часа три без перерыва, а все мои попытки задать вопрос игнорировались. Кажется, на разговор этот голос не программировали.

Когда он наконец замолчал, попыталась хоть немного разобраться в том, что услышала: давным-давно в далекой-далекой галактике... шутка. В общем, давным-давно существовал Дом Интерфектов – уничтожителей. Называли себя они грозно, но, по сути, ничего собой не представляли – так, мелкий Дом, занимающийся изучением магии и заклинаний. Но однажды один из учеников Дома решил не идти проторенной дорогой и выбрал себе более сложный, но, как он считал, более правильный путь. В чем именно заключа-

лось отличие этого пути от обычного, голос сообщил как-то очень невнятно и со множеством незнакомых мне слов. Ничего не поняла, короче. Из того, что поняла: подготовка Интерфектов базировалась на тренировке контроля, в то время как остальные маги шли более легким и понятным путем – тупо накачивали силу. И, похоже, результат превзошел все ожидания, ибо Дом начал стремительно набирать силу, хотя оставался одним из самых малочисленных.

«Стремительно» – это по меркам магов. Мне лично путь длиной почти в пятьсот лет стремительным не показался. Как бы то ни было, но маги Интерфекты вдруг оказались самыми сильными на Алкене, хотя по объему энергии уступали почти всем магам.

Как я поняла... или не поняла... Ну в общем, Интерфекты маленькие и юркие, а остальные маги сильные, но медленные. Нет, Голос, конечно, не так говорил. Он там разные умные слова употреблял: синхронизация, внедрение в плетение и разрушение, корректировка заклятий, власть над базовыми элементами. Порой все слова знакомы, а что значат вместе – совершенно непонятно. А иногда и слов таких не знаю. Ну, пусть будут «маленькие и юркие». Интерфекты, стремительно уходившие от атак «больших, сильных, но неповоротливых» магов, а потом быстрый удар – и нет большого мага. Причем сами маги так до конца и не разобрались, как это у Интерфектов получалось, что даже их мастер способен на равных сражаться с архимагом. Другой подход к ма-

гии, как утверждал Голос. Ну и всякие там внедрения, вpletения, контроль, что бы это ни значило.

А потом, в один далеко не прекрасный для магов момент, Интерфекты решили заняться «ликвидацией врагов прочих магов», как обтекаемо заявил Голос. Из следующих слов я поняла, что они превратились в обычных наемных убийц, выполняющих заказы всех, готовых заплатить. Причем специализировался Дом на убийствах не просто магов, а архонтов, но, беря такие заказы, они не учли, что все знают, где обитает этот орден магоубийц. Архонтам такое сильно не понравилось, и однажды этих убийц объявили вне закона, тут-то им и пришел северный пушной зверек. Голос про это невнятно сказал, но книг-то по истории в библиотеке Дома Кайтаидов я много читала, так что домыслила.

И началась Великая Война, как ее потом назовут в учебниках. Интерфекты устроили настоящий террор архонтов вражеских Домов. Их поголовье начало стремительно сокращаться (а вот об этом Голос рассказывал весьма подробно, с гордостью, а меня чуть не стошнило от некоторых подробностей). Ну а маги, в свою очередь, устроили охоту на Интерфектов, а поскольку их было намного больше, то Интерфектов просто задавили количеством и мощью.

Когда Интерфекты поняли, что надежды на спасение нет и их не пощадят, они решили отомстить своим врагам и провозгласили, что однажды Дом возродится из пепла и месть их будет страшна. В это, понятно, никто не поверил. Тут Го-

лос возвестил:

– Если ты, претендент, пройдешь испытания, дабы доказать достойность возглавить Дом, ты воспарிшь надо всеми!

Так и сказал, слово в слово. Я чуть не упала, хорошо, сидела. Вот что эта конструкция должна значить? Да и не хочу я никуда воспарить. И что значит «возглавить Дом»? Дом может только архимаг возглавить.

Хотя если меня выбирают Интерфектом, а, похоже, именно это Голос и делает, то я буду единственным членом этого Дома. Тогда понятно. Устроим тайное голосование, и со стопроцентным результатом побеждаю я.

Голос же пояснил: оказывается, Интерфекты не были сторонниками ждать у моря погоды и не стали доверять вопрос мести случаю или богам, а взялись за ее осуществление сами. В одном из ответвлений замка замаскировали лабораторию и защищенную арену, сделав доступ туда только через телепорты, перенесли библиотеку, спрятали амулеты и заклинания, а также подготовили специальные лабиринты-тренажеры, по которым должен пройти претендент, чтобы стать Интерфектом. Такая своеобразная полностью магически-автоматическая тренировочная и обучающая площадка. В подробности голос вдаваться не стал, пообещав все объяснить, если я пройду испытание. Условие же попадания в этот обучающий центр только одно – отсутствие печати магического Дома.

Печать дома... в свое время я на полном серьезе хотела

перерисовать ее, а потом тайком наколоть себе на руку – верила, что так можно стать магом. Слышала краем уха, что именно она инициирует мага. Хватило ума сначала собрать о ней информацию, а потом уже делать.

Конечно же, все оказалось не так просто. Внешний вид печати – а каждый Дом имел свое изображение – был всего лишь картинкой, ни на что не влияющей. Красивой, живой, но картинкой. На самом же деле печать представляла собой моток сложнейших заклинаний, которые последовательно проводили инициацию мага, изменяя его тело и ауру по мере готовности человека. Все то же самое можно проделать и без нее, в ручном, так сказать, режиме, но долго, муторно и очень сложно. Кроме того, печать – это еще и набор огромного количества заклинаний, разработанных Домом за тысячелетия и ставших его сокровищницей. В случае нужды эти заклинания вызывались из печати почти мгновенно, не тратя времени на плетения. Удобная, в общем, штука – печать. Ну, заодно это и паспорт, символ принадлежности к избранным.

Понятно, что у каждого Дома своя печать – уникальная. Она изменяет мага в соответствии с требованиями своего Дома, подстраивая ауру для максимально эффективной работы именно со своими заклинаниями.

Из-за печатей, точнее, из-за огромного набора лечебных заклинаний в ней, маг мог с пронзенным сердцем совершенно спокойно ходить и не волноваться – кровь потечет, минуя

сердце, пока то восстанавливается, раны затянутся быстро, наверняка много и других плюшек, о которых я могла просто и не знать.

Ну и плетения для работы со стихиями: огонь, вода, земля. И Дома, специализирующиеся на работе с ними: Дом Огня, Дом Воды, Дом Воздуха, Дом Бурь...

Правда, Голос, когда затронул в рассказе эти Дома, высказал несколько едких замечаний в адрес магов, которые сами не понимают природу той силы, которой пользуются.

– Нет никаких разделений на стихии, – пояснил он. – Это все придумали маги, чтобы облегчить себе жизнь, а на самом деле лишили себя потрясающих возможностей. В действительности же есть только энергия, которой и надо учиться управлять, но магам делать это слишком лениво. Им проще использовать силу и стихию как ее воплощение. Начав же работать с какой-либо стихией, они тренируются в основном с ней. Аура человека подстраивается под нее, а потом уже переучиться становится невозможно – это ауру ребенка легко поменять как хочешь, податлива как глина. А вот у взрослого она – затвердевший бетон.

– Понятненько, – пробормотала я, запоминая. Это что ж получается, мой хитрый план немного подождать, повзрослеть, разобраться и научиться магии никуда не годится? Как я вовремя отыскала загадочный Голос... «То, чего на белом свете вообще не может быть», – хихикнула, вспомнив прочитанного мамой «Федота-стрельца». Или это он меня на-

шел? Впрочем, неважно, мы друг друга нашли.

– А потому маги уже никогда не смогут пойти по пути Интерфектов. Они сами выбрали тупиковый путь. Возможно, ты сейчас спросишь, понимают ли это сами маги.

Не спрошу, все равно не ответит. Точнее, все равно сам ответит, спрошу его или нет.

– Понимают, только сделать ничего не могут. Ученики слишком торопливы и спешат получить могущество как можно быстрее и сами выбирают простой путь, а печать уже подготавливает их. Архонты понимают, что в тупике, потому что как ни старайся, но размер силы, которой может оперировать маг, не бесконечен. Наступает момент, когда уже достигнут предел, а контроля, того, чем маги пренебрегали на тренировках, нет, но и измениться архонты уже не могут. Это для них настоящий тупик. А если начать занятия с учениками по-другому, то надо отказываться от печати, в которой уже сконцентрирован тысячелетний труд магов. Это выкинуть на свалку весь опыт, все, что уже достигнуто. Еще и по этой причине маги возненавидели нас – они видели, что мы сломали этот тупик, и испугались нашего возможного могущества в будущем.

Ну и дальше в том же духе. Пафосно, много слов, мало информации. А если коротко, то Интерфекты подготовили училище будущего Интерфекта, закодировали телепорт, чтобы тот смог запуститься только через четыреста лет – спустя это время, по их мнению, о них забудут, – и поставили

условие: проходит только обычный человек, на ком нет печати Дома. После чего взорвали свой замок вместе с атакующими. Так закончился Великий Дом Интерфектов.

В книгах Дома Кайтаидов писалось, что тогда потеряли много знаний. Теперь понятно каких. Наверняка ведь планировали добраться до заклинаний, позволяющих быстро убивать архонтов. Не получилось, такой вот облом Интерфекты напоследок сделали. Только вот не учли они, что на месте их замка Дом Кайтаидов решит построить свой. Использовали имеющийся фундамент и отстроились. Расчистили несколько коридоров, а вот секретный не нашли – хорошо его спрятали. И получилось, что простые люди в зону действий телепорта попасть никак не могли – в замке все с печатями: либо с печатями Дома, либо с печатями слуги.

Мерзкая штука, кстати, эти печати слуг, через них любой маг Дома мог приказать что угодно, даже убить своих родных. Нет, печать волю человека не ломала, можно и не подчиниться приказу, только вот она постепенно давила на психику сильнее и сильнее, мешала спать, внушала кошмары. И чем дольше человек сопротивлялся, тем страшнее становилась эти пытки. Постепенно к кошмарам по ночам добавлялась боль физическая, потом начинали отниматься то руки, то ноги. Зато, если человек исполнял приказ, его тут же накрывало волной наслаждения – награда за исполнение воли господина. Вот и представьте, что чувствует человек, которому маг в качестве наказания приказал убить своих детей.

Либо терпеть все возрастающие муки, либо исполнить волю и в конце получить облегчение и награду... и трупы своих детей, когда поток наслаждения закончится.

Обычного же человека без печати в замок магов не пустят. Так что вместо четырехсот лет эта ловушка ждала посетителя почти тысячу. И тут появляюсь я, вся в красном и без печати. Конечно, Маренс не сошел с ума ставить печать слуги, воздействующую на разум апостифика, и уж совсем невозможно, чтобы он поставил печать Дома, признавая меня равной магу. Печать ведь дура, раз поставили, она начнет из меня мага делать, а оно Маренсу надо?

– И теперь ты должен стать неофитом Интерфектов, – закончил Голос. – Но прежде должен пройти тест.

– Должна? – Не то чтоб я сомневалась, но интересно, а если откажусь? Что будет?

Отказаться мне не дали. В чем заключается сам тест, я, честно говоря, не поняла. Я словно погрузилась в дрему, а кто-то показывал мне сны. О чем они – совершенно не помню. Помню только, что было очень радостно. И вдруг все разом оборвалось.

– Ты прошел тест. Возрадуйся, ты можешь стать членом Великого Дома Интерфектов.

Возрадуйся... гм...

– А если откажусь?

– Я сотру тебе память о сегодняшнем дне и отправлю обратно.

Хм... думала, убивать будут.

– Если согласен, протяни руку вперед.

Что раздражало еще в этом Голосе, он неизменно обращался ко мне в мужском роде, а сообщать об идиотизме этого чурбана бессмысленно. Вы пробовали переспорить компьютер? Это только в анекдоте сервер Пентагона взламывается из Китая и после сколько-то там миллиардной попытки соглашается, что пароль «Мао Цзэдун». Этот болван, боюсь, и после трехмиллиардного упоминания продолжит обращаться ко мне как к мальчишке. Чурбан магический!

Непонятно только, чего я завелась в ответ на такое обращение, ведь ко мне так и обращались в замке. Апостифик – вещь мужского рода, значит, я – он. Но, может, это и разозлило, хотелось, чтобы хоть кто-то признал во мне личность.

Я вытянула руку, и в тот же миг откуда-то сверху прямо в кисть ударила молния, потом еще и еще. Кругом засверкало, я очутилась словно в эпицентре грозы, когда молнии лупят не переставая вокруг и по тебе. Темно, и только отсветы молний. Но страшно, как ни странно, не было, было как-то спокойно, уютно даже. Вот блин! Стою в сполохах молний, а мне спокойно. И тут вдруг меня скрутило от дикой боли. Помню, орала что-то, пыталась вскочить с кресла. Закончилось все внезапно, как и началось. И даже боль отсутствовала, только на тыльной стороне кисти четко отпечатывалась картинка... И какая... очень темное сине-черное поле, на котором сверкал меч с направленным в сторону пальцев острием. В гарде

меча пламенел багровый глаз и, казалось, изучал меня, но завораживал в этой картине не глаз и не сам меч, а молнии, словно стекающие по клинку, обволакивающие его со всех сторон. Хотя почему словно? Именно и стекали по клинку – молнии двигались, искрились, переплетались, срывались с кончика меча и устремлялись к моим пальцам, но за пределы темно-синего фона, который образовывал овал вокруг меча, не выходили. Картинка медленно блекла, цвета исчезали, и вот уже никаких следов на кисти от печати не осталось.

– Да здравствует глава Дома Интерфектов! Готов служить, господин!

– Госпожа, – проворчала я, но тихо. – Что я должна делать?

– Перед вами дверь, господин. – Р-р-р-р. – Когда вы войдете в нее, попадете на самый первый, начальный уровень, и начнется ваша тренировка. Вы должны показать себя достойным Интерфектом.

Достойным ночным убийцей? Вдохновляет. Маме это точно не понравилось бы. Но если я хочу выжить, я должна научиться магии.

– А печать?

– Печать нельзя обнаружить никаким способом, если только вы сами не захотите ее показать, господин. – Убью. – Но пока вы не можете ее вызвать – это вне пределов ваших сил и умений.

Вот как? Занятно. И только тут до меня дошло, что Голос

уже довольно давно ведет со мной беседу и даже отвечает на вопросы. На миг растерялась, потом пожала плечами. Видно, раньше, пока я не дала согласия, со мной говорила одна программа, а сейчас уже другая. Все логично, если подумать. Хи.

Я вошла в открывшуюся предо мной дверь и... Ожидала увидеть лабораторию алхимика с зельями всякими или защищенную арену для заклинаний, как у Кайтаидов... Не-а, там стояли книжные шкафы, доска, почти как у меня в школе, и парта перед ней, на которой лежали тетрадь и учебник, а также приспособления для письма. Тысячу лет, что ли, тут все лежало? Но я не обиделась и не разочаровалась, наоборот, обрадовалась до слез – таким знакомым и домашним от всего этого повеяло.

Я осторожно села за парту, подвигала вещи, провела пальцем по поверхности стола и едва не разревелась. Домой хочу! Хочу снова очутиться в школе, послушать занудливую Зинаиду Павловну, поспорить с подружками, огреть портфелем Петьку.

– Первое занятие будет посвящено теории магии, – вывел меня из мечтательности раздавшийся Голос. – Прошу открыть учебник, господин. Начнем занятия.

– И когда же ты поймешь, дубина голосистая, что я госпожа, а не господин! – бурчу на автомате, а сама уже и учебник раскрыла, и тетрадь приготовила.

– Первая лекция, господин, будет посвящена отличию ма-

гии Интерфектов от магии остальных Домов. Заклинания представляют из себя силовые каркасы, которые маг формирует силой мысли и накачивает энергией. Маги стараются изучить готовые каркасы, выучить их, освоить, попутно тренируют свой резерв, чтобы иметь возможность напитать закливания как можно большей силой. То есть их ставка на готовые формы и силу. Подход же Интерфектов заключался в том, чтобы добиться абсолютного контроля над силовым каркасом, иметь возможность уже в момент создания изменить силовые линии, изогнуть по желанию, напитать энергией еще не оконченное плетение. Они добиваются полного контроля над энергией, чтобы иметь возможность питать только отдельные узлы, а в момент разворачивания закливания энергия, пусть с потерей, перетекала бы в другие узлы, в корне меняя саму суть созданного закливания.

После того как Голос перечислил те тренировки, которые нужно пройти, чтобы добиться такого потрясающего контроля, я, скажу честно, имей возможность, выбрала бы путь других Домов. Только вряд ли Голос согласится обучать меня чему-то другому, так что выбора особого нет. А ведь метод магов позволял в очень короткие сроки достигнуть потрясающих успехов. Недаром путь от неофита в ученики занимает не больше двух месяцев, а викарусом становятся через полгода. А с теми тренировками, что предложил Голос, хорошо если через полгода я стану неофитом. И то только в том случае, если буду очень сильно стараться. Обычным же спосо-

бом выучил плетения, влил энергию – и получи бабах. Причем чем больше энергии влил – тем сильнее бабах, а с моим резервом бабах получится о-го-го. Как заявил Голос после проверки, по нему я уже почти архимаг.

Так начались мои занятия магией... Первые уроки оказались самыми тяжелыми и выматывающими. Хотя за что-то можно сказать спасибо Маренсу – научил меня терпению. Выдрессировал, как он это называл. Дрессировщик недоделанный. Вряд ли Голосу удалось бы заставить меня что-то делать, если бы я взбрыкнула, но я в самые трудные моменты, когда, казалось, ничего не получается и все рассыпается в руках, только крепче сжимала зубы и вспоминала дом, школу, а потом архимага, который всего этого меня лишил. Поднимавшаяся волна черной ненависти сметала все остатки неуверенности, и я садилась за занятия с удвоенной силой. Учебник введения прочитан, перешла на начальный курс. Базовые элементы. Я думала о них и представляла их, когда бродила по коридорам замка, когда ложилась спать и вставала утром, когда забиралась под душ и когда ела. Как-то случайно глянула на себя в зеркало и ужаснулась – по внешнему виду я превратилась в копию других апостификов: такая же молчаливая, отрешенная от мира, ничего не замечающая, ничем ни интересующаяся. М-да, есть плюс в моем положении, эти маги все-таки получили, что хотели... внешне. Внутри же... я ничего не забыла и прощать не собираюсь.

Появившаяся цель и возможность вывели обреченность, которая до этого все чаще и чаще подтачивала мою решимость.

Через месяц я заметила первые признаки изменения в организме под действием печати. Случайно заметила, когда бежала по стадиону – Голос рекомендовал физические нагрузки – и повторяла базовые элементы, краем глаза наблюдая за тренировкой солдат. И тут поймала себя на том, что различаю их движения. Раньше они для меня казались смазанной чертой. Раз, и человек уже в другом месте. Сейчас же я могла эти движения отследить, еще плохо, не всегда уверенно, но они перестали быть для меня чем-то запредельно-скоростным. Еле дождалась, когда удастся выбраться в лабораторию и задала вопрос Голосу. Тот помолчал и отправил меня на обследование.

– Печать начала работать, господин, – наконец сообщил он. – Дальше будет еще быстрее. Но это самый простой и безболезненный процесс – подготовка вашего мозга к новому восприятию.

– Безболезненный? – зацепилась я за слово, хорошо, что Голос не умеет врать.

– Процесс перестройки сознания первичен и самый безболезненный, особенно в вашем возрасте, господин. Следом идет перестройка тела, чтобы оно могло выдерживать те нагрузки, с которыми ему придется справляться при движении в ускорении или при лечении понесенных повреждений. Это самый болезненный процесс.

Да уж... плохо, что Голос не умеет врать. А еще меня мучил один момент: когда вернется Маренс, моей свободе придет конец. Снова изматывающие тренировки по увеличению моего резерва, постоянно таскаться за ним на приемы, при посещении важных гостей. Единственный выход – ускорить обучение, чтобы как можно скорее избавиться от опеки архимага. Чем дольше я буду рядом с ним, тем больше вероятность, что он заметит изменения во мне. Напрасно Голос уверял, что печать Интерфектов отлично замаскирует все следы.

– Пробриться сквозь ее маскировку можно, только если искать специально, а это обязательное сканирование памяти, на что архимаг не пойдет без веской причины. И если вы, господин, не дадите ему ее, то ничего не случится.

Умом это объяснение Голоса принимала, а сердце подрагивало от ужаса. Значит, все-таки нужно ускорить обучение. И пусть Голос ворчит про опасность, боль, которую придется терпеть. Пусть. Я все выдержу! Я смогу!

И за месяц до возвращения Маренса Голос решил, что начальный этап подготовки меня как мага пройден и пора приступать к занятиям.

– Вы уверены, господин, что хотите пройти ускоренный курс?

– Уверена.

– Вы предупреждены о возможных последствиях?

– Да. – Эх, уверенность незнания. Ни за что не рискнула

бы согласиться, если бы знала, на что подписываюсь.

Глава 5

Я корчилась от боли на полу тайной лаборатории Интерфектов, крича во весь голос. Ощущение такое, словно кто-то внутри дробит все кости, а потом склеивает их заново. Это происходили те самые изменения в организме, о которых предупреждал Голос, но я не думала, что будет ТАК больно, – шло укрепление костей и перестройка всего организма: изменялась кровь, чтобы лучше снабжать кислородом новые органы, изменялись мышцы, приобретая невиданную для человека силу, а суставы становились очень гибкими и эластичными.

– Пока это все в будущем, а сейчас изменяется скелет и кровеносная система, только потом начнут изменяться остальные органы.

Голос хотелось убить. Он полагал, что успокаивает меня, что ли? Я надеялась, что вот боль закончится и станет хорошо, а это только основа менялась. Точно убью...

– А-а-а-а... – Как же больно! Почему так больно?

– Потому что дура я, – ответила сама себе, когда боль ненадолго спала, – вот почему.

Хочу всего и сразу, тороплюсь, спешу поскорее избавиться от опеки архимага, вот и осваиваю за месяц то, что другие маги учат полгода, за полгода пытаюсь выучить годовой курс, а за год пройти то, на что другие ученики тратят пять лет.

Прошел год, как я стала учиться магии, но что это был за год... Кошмар! И все равно пока изучаю только основы и базовые связи. Но зато могу воспроизвести их с закрытыми глазами в любой момент дня и ночи из любого положения.

Все же удивительно, как Маренс ничего не заметил. Самоуверенность или обещанная маскировка печати? Да какая разница! Главное, что не достает, даже доволен тем, кем я стала. Молчаливой куклой, семенящей за ним, куда бы он ни пошел. Всегда в опрятной одежде цветов Кайтаидов, всегда рядом, готовая исполнить малейшую волю хозяина. И все это время я тренировалась, тренировалась, подхлестывая себя ненавистью к магам. Все же здорово, что мои тренировки пока не требуют обязательного присутствия в лаборатории или в ученической комнате, а учиться сосредоточенности можно и на ходу, так даже лучше – чем больше отвлекающих факторов, чем сложнее задача, тем лучше усваивается материал. Даже тут Маренс мне помогал, хотя и сам не знал об этом.

Краешек сознания отслеживает внешнюю картину, ожидая команды архимага, а все остальное занято тренировками, потому, кстати, я такая молчаливая, ушедшая в себя кукла – это ведь правда. Весь этот год так продолжалось. Я тренировала память, училась уходить в транс, в подсознание и вспоминать, вспоминать всю свою жизнь – это тоже тренировка. Сначала я вспоминала ее по годам, потом по месяцам, потом уже тренировалась вспоминать каждый день своей жизни. Последовательно, шаг за шагом я заново пережи-

вала все счастливые и неудачные моменты. Первая пятерка в школе, первая двойка, воспоминания катились дальше назад, вот уже детский сад.

Голос говорил, что самое трудное – вспомнить те дни, когда я была еще совсем ребенком и не воспринимала внешний мир – сразу после рождения. Я и не пыталась, приближаясь к этому дню постепенно. Собранность, быть постоянно начеку...

Вот последнему меня заставлять учиться не надо. Сейчас любая ошибка может стать для меня последней. Слаба я еще, чтобы бросить вызов архимагу.

Еще обязательные тренировки с оружием. Тут и проще и сложнее одновременно: я отправляюсь на спортивную площадку и занимаюсь там, отслеживая занятия солдат, а потом последовательно, шаг за шагом, вспоминая все их движения и повторяю, пока тело не запомнит. Были и занятия в лаборатории, но из-за Маренса на них остается очень мало времени.

Занятия с Голосом немного другие, он ведь не материален, но древние Интерфекты предусмотрели и это. Надеваешь специальный медальон и повторяешь те движения, которые всплывают в голове, после чего тренируешься до потери сознания, чтобы они стали автоматическими. Ошибешься – и тебя скручивает боль, очень эффективный метод обучения. Правда, занятия специфические – меня учили сражаться не мечом, а ножом, метать все что можно, стрелять из

арбалетов, из духовых трубок, а также готовить всякие алхимические смеси. О! Оказывается, столько всего интересного можно приготовить из подручных материалов, если приложить немного магии!!!

В общем, прошедший год вышел познавательным во всех смыслах, и я с нетерпением ждала новой поездки Маренса на Совет, чтобы снова остаться хотя бы на месяц предоставленной самой себе. Голос предупреждал, что процесс перестройки организма может занять некоторое время и меня в этот момент лучше не беспокоить недели две. А пока в замке присутствует Маренс, на такую удачу рассчитывать не приходится.

И вот он уехал, как обычно выдав мне задания. Прочитать книги? Ха! Да теперь мне достаточно взглянуть на лист, чтобы запомнить его целиком, только вот сообщать об этом не стоит. С пустым выражением на лице кланяюсь. Маренс доволен.

– Настоящий апостифик! А брыкалась.

Эх, господин маг, мог бы ты преодолеть эмоциональную защиту и глянуть на ту бурю, что сейчас полыхает внутри... Но эмоции я уже хорошо маскирую. Вообще заклинания маскировки – это, по-моему, то, в чем Интерфектам не было равных. Там такие изощренные плетения попадались! Впрочем, с учетом их специфической деятельности в этом нет ничего удивительного, как я уже не удивлялась арсеналу смертоубийственных средств в загашниках тайной лаборатории.

А еще я научилась по желанию вызывать печать Интерфектов. В моменты, когда меня накрывала волна отчаяния или тоски по дому, я вызывала ее и любовалась на смертоносный блеск клинка и всполохи молний вокруг него, на огненное око в гарде. Жутковатый вид у этой печати. У Кайтаидов она угрожающая: разворачивающийся вихрь, – но она никогда не наводила на меня такой жути, как та, что у меня на руке. Если долго смотреть, то эти переливы молний завораживали, сознание, казалось, уплывало куда-то вдаль. Позже Голос объяснил, что это тоже один из приемов в арсенале Интерфектов. Против архонтов вряд ли сработает, а вот против обычных людей и инферов самое то. Даже против артификов может сработать, правда, лишь уровня домината или мастера, если маг стал им недавно. А вот против эксперта уже вряд ли.

Это сияние и переливы молний вводили людей в транс, позволяя до определенного предела управлять ими. Гипноз, в общем. Но у меня, как у члена Дома Интерфектов, иммунитет против такой магии, хотя я далеко не архонт и даже пока еще не артифик. Так, ученик, уже приблизившийся к уровню викаруса.

Вот отличие от обычной магии и разница в подходах: те за тот срок, что учу магию я, уже достигают уровня домината, а значит, и потери Дома восстанавливают быстрее. И быстрее готовят новых бойцов. Неудивительно, что Интерфекты проиграли свою войну – бог на стороне больших батальонов

и в этом мире.

Беда еще в том, что, как правило, сразу после выпуска магов других Домов по силе превосходили новичков Дома Интерфектов. Хотя в плане управления этой силы новички Интерфекты могли дать фору даже архимагам, опыта только не хватало. Да и против десяти пусть даже новичков не каждый артифик Интерфектов выйдет. Ну, уложит он девятерых камикадзе, но оставшийся добьет обессилевшего мага.

Но со мной такой номер не прошел бы, ибо я по объему силы превосхожу уже иного архонта – спасибо Маренсу, накачал. А уж как он радовался, когда мой резерв начал расти. Посчитал это следствием моего иномирянского происхождения, даже не задумался об ином варианте. Понятно, почему радовался, теперь его заклинания благодаря мне становились воистину оружием массового поражения.

Узнала я, почему апостификов так ценят. Оказывается, если брать энергию человека, то она усиливает собственную энергию мага. Что-то там, в книге, про резонанс было. В общем, силы апостифика и мага не складывались, а умножались. Какие по силе заклинания получаются в этом случае, трудно даже представить, потому и запрещали магам на совет в столицу брать с собой апостификов. Не дай бог, произойдет какая ссора между архимагами, и столицу придется заново отстраивать.

Архимага я проводила до ворот, и едва они закрылись, сразу помчалась в лабораторию, где Голос и запустил про-

цесс перестройки организма, я сразу оказалась на полу, подвывая от боли. Ну почему я еще в сознании?! Почему?!

– Дай по башке чем-нибудь, чтобы я вырубилась! – уже ору, не сдерживаясь. Терпела три дня этого ада, но уже сил никаких нет.

– Вы должны узнать свой порог боли, господин, – вещал Голос. – Терпите, господин.

– Господи, – сквозь сжатые губы – зубы выпали еще в первый день этой пытки – простонала я, – когда же ты заткнешься!

– Я полагаю, вам будет легче, если вы представите, что вас ждет дальше. Сейчас идет укрепление вашего скелета, кости получают дополнительные вещества, изменяются хрящи и связки...

– Прошу тебя, заткнись...

– Не могу, господин. У меня строгие инструкции. Сейчас перестройка уже почти завершилась. Когда у вас снова отрастут зубы, закончится первый этап.

Зубы выросли на следующий день, боль отступила. Я снова ревела, как когда-то сразу после похищения. Я не могу! Я не смогу этого вынести! Лучше умереть и ни о чем не думать. Больше не будет тоски и боли. Боль... такое впечатление, что в этом мире она преследует меня повсюду. Дрессировка Маренса, потом обучение магии, тренировки на арене, теперь это.

– Дальше станет легче, господин. Перестройка скелета –

самая болезненная и длительная процедура. Понадобится еще две недели, чтобы вы привыкли и все процессы окончательно завершились, а потом можно продолжить.

— А нельзя уменьшить скорость изменений? — с надеждой спросила я.

— Нет, господин. — Мне показалось, что в Голосе послышались нотки сожаления. — Я предупреждал вас о побочном эффекте такого ускоренного обучения, но вы настояли на нем. Теперь прервать процесс уже не получится, иначе произойдет рассинхронизация органов, а это чревато вашей гибелью, господин. А пока подкрепитесь, вам надо как можно больше есть.

Что имел в виду Голос по поводу привыкания, я поняла сразу, как только удалось встать на ноги. Из-за изменений работы связок мои шаги напоминали походку пьяного боцмана, возвращающегося вечером на корабль. Слышала однажды эту фразу от папы — сейчас она точно про меня.

Боялась, что мое четырехдневное отсутствие встревожит кого-то в замке. Ага, даже не заметил никто. С трудом добралась до своего места в столовой, поела и уползла, постоянно оглядываясь. Если кто и заметил мое состояние, то тут же пожимал плечами и отворачивался. Приедет хозяин — пусть разбирается. Или само пройдет. У меня в смысле. В такие моменты я всех магов просто обожала. Обожала их высокомерие и их самоуверенность, не позволяющую видеть угрозу в скуликах, а уж от апостификов и подавно, в восстание

мебели не верил никто. Непуганые. «Терминатора» не смотрели.

И вот я снова училась ходить, как в раннем детстве, – шаг, еще один.

– Очень важен, очень важен первый шаг, – напевала я за помнившуюся песенку из мультфильма. – Без него нельзя начать ходить никак. Даже если ты главнее всех, и то... и то за тебя его не сделает никто.

Добрела до комнаты и, тренируясь, бродила по ней, осторожно, вдоль стеночки, от одной к другой. Заново привыкала к работе рук и ног. Ноги при этом умудрялись сгибаться так, что раньше я бы точно вывих заработала. Все-таки маги не сумасшедшие и процедуру перестройки организма растягивают на недели, это я такая идиотка. Получите и распишитесь. Ну и урок на будущее – спешка хороша при ловле блох, а я еще думала, что научилась терпению.

Полагаете, на следующий день Голос дал мне отдохнуть? Как бы не так. Хожу еще плохо? Так не беда, ходи, деточка, ходи, но едва раздастся сигнал, надо замереть и не шевелиться, пока не разрешат. Никакая самая неудобная поза не оправдание. Пошевелилась – получай болезненную стимуляцию. Все-таки эти маги ненормальные – вся учеба у них через боль. Но, с другой стороны, сама учеба чрезвычайно утомительна и скучна, как еще ученика заставишь работать? Это у меня выхода нет и стимул хороший. Не будь этого – давно бы бросила все. К вечеру голова от всех упражнений

так пухнет, что вообще думать не могу. Приходится запоминать такой объем информации, что ой-ой-ой. Да еще навывк развития пространственного мышления. Сосредоточенности. «Не думай о белом кролике». Причем именно не думай. И пока не получится о нем не думать, никаких следующих этапов упражнений. Как контролировать, что я не думаю? Понятия не имею, но Голос всегда знал, когда я нарушаю этот приказ. На полигоне отработка базовых связок: две линии перпендикулярны, силой напитать, высвободить. Три линии, звезда, треугольник, куб, ежик: простейшие конструкции, любой человек представит их секунды за две, а мне надо моментально, без потери времени. Как только пошла сила, фигуры вспыхивает передо мной. Скоро эти фигуры мне в кошмарах сниться начнут.

– Медленно, господин. Очень медленно.

– Да они моментально появляются!!!

– Медленно, господин. Куб.

Вспыхивает треугольник, и по мне прокатывается волна боли.

Снова учебники, снова тренировки, снова записи в тетради. Блин! Их даже в комнату не возьмешь, не дай бог заметит кто из слуг, кто убирается там. Полагаться, что на них не обратят внимания, как не обращают внимания на меня, не стоит. А ведь мне еще тренироваться. Не запомню что – день потерян. Потеряю день – придется догонять, а значит, еще более усиленные тренировки и занятия. К обеду уже па-

даю от усталости и бреда на обед. К обновленным связкам уже привыкла и теперь иду нормально, если не считать усталости. Хм... еще год назад такие нагрузки меня убили бы, а сейчас только пошатывает. Выносливость тоже нужна магам, все-таки они свою энергию тратят, а сколько они смогут высвободить ее за раз, зависит от выносливости. Значит, беги, Лена, беги. А потом еще ножички покидай, потом теория магии, практика, контроль...

– Перейдем к амулетам.

Ненавижу этот Голос.

– Любое заклинание можно поместить в неодушевленный предмет, запитать его силой и снабдить механизмом срабатывания. Таким амулетом может воспользоваться даже обычный человек, но после срабатывания заклинание рассеивается. Амулет – одноразовый механизм.

Ага, значит, на арене мне надевают не амулет. Вообще с этими магическими предметами интересная история. Нельзя просто так сохранить в них заклинание, получится одноразовая штука, которая просто не может сработать в полную силу. Выход в том, чтобы магией изменить свойства предмета, вплетя силовые линии в его структуру, и это уже серьезно и надолго. Зато очень сложно, требует точности и большой сосредоточенности, зато полученный амулет останется только напитать силой и использовать, не задумываясь о структуре и сложности. Именно так маги делают особо сложные заклинания, вызывая их из амулетов. Например, можно из-

менить меч, вплетя в его структуру силовые структуры так, чтобы он стал очень прочным и очень острым. То же самое с доспехами или щитами. Все доспехи солдат Дома проходили такую модернизацию, а уж на оружие маги использовали лучшие из известных заклинаний. По той же причине не было смысла в защитных амулетах: одну атаку он отразит, а вот вторую уже нет. Амулеты сами по себе думать не умеют и защищают владельца от всех вредных заклинаний, даже если от него он только легкий ожог получит, но ведь это тоже вред. А то, что следом летит уже другое заклинание, не такое безобидное, – то ерунда, мелочи жизни... оборвавшейся. Иметь несколько защитных амулетов тоже смысла нет – все равно они сработают на угрозу одновременно. Да еще в процессе срабатывания, если их защита построена на разных принципах, могут и нейтрализовать друг друга. Маги обычно носят такие защитные амулеты, как сигнализацию. Как сработал, готовься к бою, кто-то идет по твою душу.

Так же маги имели крепко заученные конструкции заклинаний для таких амулетов, чтобы можно было в любой момент и относительно быстро снова восстановить их. Каждый маг имел такие заделы, которыми пользовался либо в критические моменты, либо в повседневной жизни, либо еще для чего. Ну а если спешить некуда, можно построить заклинание любой сложности и вложить в амулет. Только вот сложное заклинание недолго там пролежит, быстро рассосется. Чем сложнее – тем быстрее. Такие вот амулеты. Я как раз на-

чала проходить их свойства и основные заклинания на них. И снова я должна учить их так, чтобы воспроизвести мгновенно и в любое время.

– Повторите, господин, плетение.

Повторяю, хотя и медленно. Но и польза от таких занятий заметна: я научилась чувствовать любое заклинание. Часто ловила себя на том, когда наблюдала за магами в замке, что по начальным связкам уже вижу, чего они хотят добиться в конце. Как правило, угадывала, но опыта не хватало. Много неизвестных связок, а Голос, когда я ему демонстрировала запомнившиеся, отказывался отвечать.

– Это плетение вам еще рано знать, господин.

Через полтора месяца вернулся Маренс, и интенсивность занятий пришлось снизить. Нет, так дальше продолжаться не может. Сейчас самый ответственный момент, я наконец готова перейти на уровень викаруса, а значит, нужно целиком отдавать себя тренировкам. Отвлекаться на архимага некогда, да и невозможно. Решение пришло почти сразу – бежать. Куда, тоже понятно – в тайную лабораторию. Если ее не нашли за девятьсот лет, то есть шанс, что не найдут еще несколько лет. Но прошедший год не прошел для меня даром, и кое-какие весьма специфические знания, которые давал Голос и которым вряд ли обучают учеников других домов, подсказывали, что просто исчезнуть неправильно. Требуется какой-то отвлекающий маневр. Нужно что-то, что заставит Кайтаидов искать меня в другом месте, за пределами

замка.

Сама придумать мало что смогла и обратилась за советом к Голосу. Тот вместо помощи отправил штудировать учебник по заметанию следов и теории бегства. Надо же, какие учебники тут есть.

План я разработала за месяц и даже загордилась им, хотя получилось и не с первого раза, первые наброски Голос раскритиковал, над вторыми долго думал, но потом тоже разнес в пух и прах. А вот третий вариант плана ему понравился – вроде простой, но в то же время в случае успеха уводящий погоню в такие дебри Алкены, что искать там меня можно до второго пришествия и то не найдут. Ошейник? Это уже не проблема. Хотя снять его я пока не могу, но мой текущий уровень вполне позволит избежать удушения, а большего и не требуется. Приступаем к подготовке.

Никогда еще я не ждала с таким нетерпением очередных переговоров с каким-нибудь враждебным Домом. Обычно на них приходится скучать рядом с Маренсом, но сейчас...

Прибыли послы Огненного Дома Фотье. Огневики, ха. «Убогие маги», – так отзывался Голос о тех, кто посвятил себя какому-то одному направлению. Да, в управлении огнем они превосходят многих, но зачем с ними бороться огнем, когда есть множество других направлений? Вода, например, в которой они заведомо слабы. А вода ведь тушит огонь. Такие вот однонаправленные Дома, по сути, в открытую показывают свои слабые места – приходи и бей их. Впрочем, не

все так просто. Как вода тушит огонь, так и огонь в состоянии испарить воду. Все дело в объеме энергии противостоящих магов. И опять все упирается в силу... Там, где Интерфект делает легкий мазок, изменив заклинание, маги будут накачивать силу в плетения. Мне бы тренировки без отвлечений...

Ладно, сейчас не тренировки актуальны, а подготовка к побегу. Прежде всего, мне нужны простейшие части тел гостей: волосы там, отрезки ногтей. Это оказалось добыть труднее всего, все-таки послы находились во враждебном Доме и принимали меры предосторожности, но апостифика не опасались, потому мне и удалось стянуть немного волос с расчесок из комнат, где их поселили. Вопреки суевериям, распространенным среди людей (сама слышала такие сплетни от слуг, а уж если в это верят слуги магов, то...), причинить вред никому через кровь, волосы или другие какие части тел нельзя. Не будем говорить о частном случае, когда люди сами наносят себе вред, искренне веря в эту белиберду.

Проще всего добыть волосы Маренса, я же постоянно рядом с ним. Но тут другая сложность: если украденные волосы и подстриженные ногти гостей из Дома Фотье я просто перемешала в кучу, то волосы архимага пришлось спрятать в тайной лаборатории, причем так, чтобы я могла до них быстро добраться. Потом, под руководством Голоса, изготовила амулет. Тут никаких ошибок быть не должно, а потому я пошла по хоть и самому сложному и неудобному пути, зато са-

мому надежному – в своих силах я еще не настолько уверена, чтобы доверять им жизнь, – затем смастерила еще один амулет и замаскировала его. В качестве основы для амулета использовала кусок засохшей грязи, куда вложила волосы и ногти гостей. Подкинула его первому попавшемуся слуге из тех, кто имеет право покидать замок и кто должен выйти из него сегодня. Проследила, чтобы амулет благополучно покинул пределы крепостных стен. Теперь осталось надеяться, что слуга скоро обнаружит в кармане комок грязи и выкинет его, решив, что над ним кто-то пошутил.

Чтобы обошлось без накладок, я терпеливо дождалась возвращения слуги на следующее утро и проверила его – амулета при нем не обнаружилось. В плане тщательности подготовки и терпения Голос всегда оставался непреклонен и вбивал в меня именно эти качества как основу основ работы Интерфектов.

– Не уверен – не спеши, – постоянно повторял он. – Действуй наверняка. Даже если понадобится ждать год – жди, но сам удар должен быть подобен удару молнии.

Конечно, Голос не совсем так говорил, ко мне он обращался только на «вы» или «господин». Это я так коротко изложила основную суть его занятий со мной. Да уж, эти специфические занятия... как убить человека одним пальцем. Как причинить максимальную боль, как взломать магически запертый замок, чтобы никто этого не заметил, тысяча и один яд и их действия, тысяча и два противоядия. Хотя с ядами

интересно.

Поскольку мне постоянно приходилось скрывать от архимага новые умения, а заниматься в тайной комнате не всегда получалось, то все-таки я вынужденно брала к себе лекции, но куда их потом девать, когда выучу? Сжигать негде, рвать и бросать в слив? Но кто знает, где конечная остановка всего того, что сливают в канализацию? Вдруг оно просматривается? Зная магов, не удивлюсь, если у них есть такой вид наказания для провинившихся слуг. Значит, только кушать. Противно и горько. Голос пообещал, что желудок мне изменят сразу, как только появится возможность. И после очередных изменений я могла питаться даже травой. Подозреваю, любыми ядами тоже, – какая разница, что этому «реактору» переваривать. Так что яды против архонтов не очень эффективны, даже с магической составляющей. Опасны, но при правильных действиях выживут. Правильные действия в случае моего отравления такими ядами Голос заставил меня заучить, как обычно, до автоматизма. И даже траванул чем-то, а потом смотрел, как я оказываю себе первую помощь, и советы подавал, сволочь. Обещал, что занятия продолжит, заодно, мол, выработается у моего организма иммунитет.

Переговоры с Фотье подходили к концу, и вскоре мой план должен был вступить в финальную стадию, когда едва не произошла катастрофа. С утра все шло как обычно, я даже сходила на лекцию и теперь читала про очередное плетение, повторяя урок, когда за дверью раздались шаги. Съесть

листы с записями по магии времени уже не оставалось, и я сунула их под тетради на столе, схватила первую попавшуюся книгу и сделала вид, что читаю. Вошел Маренс, я неторопливо встала, вытянулась перед ним, преданно глядя на хозяина.

– Чем занимаешься?

– Читаю историю Дома, как вы велели, хозяин. Освежаю в памяти некоторые даты из войн Дома Кайтаидов и Дома Фотье. – Действительно, был такой приказ.

Маренс взял книгу, глянул на обложку и с легким презрением изучил меня.

– Ну да, вам же, людям, надо несколько раз прочесть, чтобы запомнить. У земляных червяков памяти совсем нет.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Чему-чему, а выдержке я научилась. Почти год ходила по лезвию и сейчас все еще на нем балансирую. Тут неверный шаг – и о быстрой смерти можно будет только молить. А архимаг взял листы со стола и начал просматривать. Мое сердце ухнуло в пятки. Вот сейчас он доберется до лекции, поймет, что я занимаюсь магией, и тогда... Каким чудом мне удалось сохранить на лице маску полнейшего равнодушия, и сама не знаю. Молитвами и чудом разве что. Маренс глянул на меня.

– Что это?

– Делаю выписки важных событий, хозяин, чтобы лучше запоминалось, – голос спокойный, чуть отстраненный, и в то же время готовность услужить.

– Пфе, – маг презрительно швырнул листы на стол. – Какая чепуха. Слушай сюда, завтра наши гости покидают замок, с утра ты должна быть в парадном костюме, который доставят сегодня вечером.

Почтительно склоняю голову. Маренс еще раз изучает меня с ног до головы и удовлетворенно кивает, слегка приподнимает лицо за подбородок, всматривается в глаза. Видно, остается довольным и улыбается.

– А казалось, что тебя не удастся выдрессировать, – замечает он. – Такой упрямой была. Возможно, стоит подумать о том, чтобы еще раз навестить твой мир.

Маг вышел, а я бессильно опустилась на кровать. Последние минуты маску равнодушия я удерживала только чудом и с помощью какого-то святого, иначе не объяснить. Еще бы чуть-чуть, и все. Только спустя некоторое время до меня дошли последние слова архимага. Мой мир! А ведь он знает, как можно пройти в мой мир, значит, может вернуть меня домой! Или может научить меня. Пока это невозможно, но я ведь учусь и обязательно достигну того уровня, когда такое заклинание станет мне по силам. Уровень энергии у меня и сейчас достаточный. Только вот как заставить его научить? То, что маг отправится в мой мир за вторым апостификом, меня не очень встревожило, после моего побега он вряд ли уже будет так уверен в послушности «вещей» из другого мира.

– Чтоб тебя прихлопнуло, – пробурчала я.

Потом задумалась. Итак, завтра послы Дома Фотье уезжают. Еще раз мысленно пробежалась по всем частям плана. Вроде бы нигде ничего не пропустила. Самое слабое место – амулет, который вынес из замка слуга. Где он его бросил? Дорога до города одна, а Маренс вряд ли разрешит Фотье телепортироваться так близко к замку. Собственно, неважно, откуда Фотье вернутся к себе, главное, чтобы их со стен не видели, а там уже мой амулет должен сработать на магию перемещения. Сложная это штука и требует стационарной установки на месте приема, например, такой, как у меня в тайной лаборатории. Теоретически, зная ее код, я могу вернуться в лабораторию откуда угодно. Практически же... гм... вечно с практикой сплошные проблемы. Короче, просто не рискну попробовать. Да и процесс подготовки очень долгий.

Стою в парадной форме Кайтаидов, надеюсь, сегодня в последний раз, позади архимага, провожающего гостей. Те, важные как индюки, неторопливо выезжают за ворота. Замечаю всполохи защитной магии вокруг створа – вот почему близко к замку телепортироваться нельзя, и Маренс не отключит защиту ради Фотье. А вот внутрь замка попасть через телепорт можно, зная код приемного устройства.

Эх, хорошая диверсия могла бы получиться. Отсюда мораль: нефиг строить свой замок на бывших чужих владениях, если не уверен, что знаешь все тайны древних развалин. Кайтаиды, сами того не зная, сделали такую брешь в защите, что в самое сердце их владений я, как глава Дома Интер-

фектов, смогу армию провести. Может, так и сделаю – проведу кого из врагов Кайтаидов, пока еще не решила. Стараюсь поменьше думать о таком отдаленном будущем, сейчас бы выжить.

Откровенно говоря, я и не уверена, стоит ли такое делать. Заманчиво отомстить, но это ведь означает открыть тайну второго телепорта другим. Нет, все-таки не стоит. Сама со всем разберусь, а надежная база, расположенная к тому же в самом сердце территории врага, где тебя никто и никогда искать не будет, никогда не лишняя.

Последний из Фотье покинул замок. Я огляделась, не смотрит ли кто, и шагнула назад и в сторону, вошла в Тень... и вот это заклинание у меня получается хорошо, его Голос заставил отработать на пять, да я и сама старалась, очень удачным оно мне казалось.

Вот Тень словно натянулась на меня, я затаила дыхание, как можно сильнее замедлила сердце, теперь кровь внутри тела разгоняли сами сосуды. Не спрашивайте как, говорю то, что сказал Голос, а я не уточняла детали, работает – и ладно, а от подробностей может и стошнить.

Тень почти идеальная маскировка, только изнутри все кажется черно-белым, но это не смертельно. Для обычных людей обнаружить кого-то прячущегося в Тени почти нереально. Для магов – только если специально искать. Меня может выдать дыхание или стук сердца – еще несовершенны мои умения, в идеале я ведь вообще дышать не должна и сердце

нужно остановить, но пока это для меня слишком сложно. Однако надеюсь, хватит и того, что есть.

Прикрыла глаза и замерла. Вот сработал амулет, что я подбросила гостям, и Маренс мгновенно уловил мою ауру со стороны ушедших Фотье. Пожертвовала целым клоком волос. Вот для чего я добывала волосы и ногти гостей – они несут в себе отпечатки ауры владельца. Недолго, правда, если не принять специальных мер, но об этом я позаботилась.

Архимаг нервно заозирался, увидел на земле, где я раньше стояла, еще один мой подарок. Схватил и заревел разъяренным быком.

– В погоню!!! – Никогда не видела мага в такой ярости, чуть не поседела от страха. – Эти дети навоза похитили апостифика!!!

Что тут началось! Сразу ведь не кинешься догонять. Но вот отряд во главе с архимагом выскочил из ворот. Теперь главное, чтобы Фотье убрались к себе раньше, чем их настигнут. Ага, сработал телепорт, и тут же второй мой амулет. Пусть теперь маги Кайтаидов разбираются в оставшихся следах аур, в которых обязательно найдут и мою.

Теперь второй этап – как-то пройти в замок и остаться незамеченной. Не так просто, как кажется. Тень – это хорошо, но ведь Тень не бесконечна, да и перемещаться по ней трудно. Здесь пригодится заклинание отвода глаз. Простенькое и против архонтов не сработает, но все архонты сейчас либо с архимагом, либо дома, либо на местах, где им поло-

жено находиться по тревоге. Вокруг носятся в основном ученики.

Я добралась до тайника, откуда достала приготовленную форму неопита Кайтаидов, быстро переоделась, свой парадный костюм спрятала в мешок, закинула его за спину.

– Главное, не оставь улики, что ты еще в замке, – наставлял меня Голос. А то я сама не знаю, что у магов возникнет куча вопросов, если найдут мой парадный костюм у стены. Зачем Фотье понадобилось бы меня переодевать? А с амулетом иллюзии неплохо получилось. Теперь архимаг уверен, что рядом с ним стояла не я, а «кукла». И ведь стояла, я отошла в сторону раньше, оставив подарочек. Теперь самые непредвзятые маги заявят, что есть следы иллюзии. А то, что апостифик, вещь, скулик способен применить магию, никто не поверит. Даже не задумается о такой возможности. Нет, люблю я магов с их высокомерием и самоуверенностью.

Так, заклинание, проверить, как работает, и вперед, уверенной походкой человека, спешащего по важным делам. Если какой маг меня и сумет разглядеть, то, во-первых, увидит кого угодно, кроме апостифика Маренса (да помнят ли они вообще мое лицо), а во-вторых, форма неопита Дома Кайтаидов сама по себе делает меня невидимкой. Тут столько таких неопитов бегают кругом, что один лишний никого не заинтересует.

А вот пробираться по коридорам уже сложнее – народу на порядок меньше, но тут уже есть тени, так что можно в

любой момент спрятаться.

– Главное не спешить, – как заклинание повторяла я наставление Голоса. – Терпение и еще раз терпение.

Потому я замирала от каждого шороха, пряталась, иногда по часу стояла неподвижно, убеждаясь, что тревога ложная, или дожидаясь, когда мимо протокает отряд магов. Однажды на паладинов нарвалась. Вот когда можно сказать Голосу спасибо за учебу. Ведь уже несколько раз порывалась идти дальше, но каждый раз оставалась в своем уголке из-за легкой неуверенности. Хороша бы я была, отправившись дальше и нарвавшись на этих грозных рыцарей.

Только когда оказалась в тайной лаборатории, расслабилась и со стоном рухнула в кресло. Но расслабляться рано, нужно срочно заняться еще одним делом – ошейником. Быстро достала волосы Маренса, приготовленный амулет. Сначала подготовка. Парочка плетений на волосы, заставить их соединиться для увеличения силы ауры, теперь амулет, а волосы поднести к ошейнику, подошла к зеркалу, чтобы видеть происходящее, и запустила амулет. Теоретически теперь волосы архимага должны стать единым целым с ошейником и тот постоянно будет ощущать ауру архимага – своего хозяина. Таким образом, где бы ни находился настоящий архимаг, ошейник будет чувствовать его рядом, а значит, нет причин для моего удушья. Так ли это, может показать только время: если останусь жива через месяц, значит, все сделала правильно. Если где ошиблась, очень скоро

это почувствую у себя на шее.

Жаль, надолго такой обманки не хватит, и как ни сохраний ауру в волосах, но через восемь-девять месяцев она исчезнет. К этому времени с этим украшением на шее нужно будет разобраться раз и навсегда. Да, еще не забыть отрезать канал перекачки энергии от меня к архимагу. Перекрыла я его сразу, как только вошла в тень, но теперь нужно окончательно избавиться от связи. Это уже не сложно.

– С удачным окончанием дела, господин.

– Насколько оно удачное, покажет время, – буркнула я. – Если нас не найдут через несколько дней, соглашусь с тобой.

Чтобы хоть немного отвлечься и сбить тревогу, я отправилась в библиотеку и достала первую попавшуюся книжку. Да уж, библиотека Интерфектов отличалась от библиотеки Кайтаидов. Здесь маги погибающего дома собрали самые ценные книги, содержащие все их знания и разработанные ими заклинания. Правда, не все книги мне пока доступны.

– Незачем вам еще знать то, что применить не сможете, господин. Двигаться по пути учения необходимо шаг за шагом, не торопясь.

Да уж, на счет «не торопясь» – это про меня. Угу.

Неделю я провела как на иголках. Убивало то, что я не могла получить никакой информации о происходящем в замке. Голос же учудил – выдал мне официальную форму главы Дома Интерфектов. Дескать, успешно решив задачу, заслужила эту честь. Форма оказалась красивой, в ней пре-

обладали черный, темно-синий и серебряный цвета. И снова рассчитана на мальчишку. Ну что б вас всех!!! Почему нет парадной юбки? Голос моей эмоциональной речи не понял и заставил переодеться. Покрой чем-то напоминал одежду архимага, только цвета другие. Штаны и куртка темно-синие, рубашка тоже синяя, но посветлее, серебряные пряжки на туфлях и черная накидка за спиной, на которой зловеще сверкала печать дома. Когда я смотрела на нее, меня пробирала дрожь. Счастье, что, когда накидка на мне, печать за спиной и я не могу ее видеть.

Минут тридцать крутилась перед зеркалом, размышляя, чем бы можно украсить костюм. С сожалением пришла к выводу, что украшать его – только портить. В нем не было ничего выдающегося, но именно в этом и состояла его красота. Ничего лишнего, все строго функционально. Чуть подтянул завязки – и костюм превращается в нечто, подобное костюму ниндзя, а с учетом магических изменений, которым подверглась ткань, это скорее костюм спецназовца. А уж сколько смертоносных штучек прячется в его потайных карманах... Пару раз чуть не порезалась, когда обшаривала. Вот только ошейник портил картину, но с ним я пока ничего не могу сделать.

Странный костюм. По улице ведь в таком ходить не будешь, это все равно что повесить на себя плакат: «Я Интерфект – убийца магов». Хотя ночью я бы от такого костюмчика не отказалась. Оказалось, это такой парадный мундир!

Чуть не упала от удивления, когда Голос озвучил. М-да, все-таки эти Интерфекты чокнутыми были. Но могла бы и сама догадаться, что в такой одежде на дело те ходить не станут – убийцы эти вообще крайне не любили вещи, которые могли бы их выдать.

Как-то попалась мне заметка в книге Кайтаидов, что Интерфекты использовали специальные мечи, переделанные с помощью жутко тайного заклинания. Мол, только с их помощью они могли так легко убивать архимагов. Так вот, чушь полнейшая. Не используют Интерфекты ничего необычного в оружии. Ведь переделанный магией предмет любой маг определит без труда, задача же Интерфектов приблизиться к объекту охоты так, чтобы не вызвать никаких подозрений. А специфическое оружие сразу привлечет внимание.

На самом деле Интерфекты сумели добиться того, что они сами по себе превратились в оружие, все остальное – только приложение к ним. В этом смысле совершенно неважно, что у них в руках: меч или столовая вилка, и тем и другим можно легко убить кого угодно, главное держать нужное заклинание под рукой.

Стараясь забыть о тревогах, я ушла в тренировки с головой. С утра тренировка на арене, потом теория в классе, после – практика в лаборатории и отработка прошедшего. Базовые элементы у меня уже выходили совершенно естественно, как дыхание. С базовыми связками сложнее, но и здесь добивалась результатов. Даже Голос один раз похвалил, не

знаю, насколько искренне.

Сама же я считала свой прогресс крайне медленным, хотя сравнивать не с кем. Этот момент Голос тоже тревожил, он постоянно говорил, что мне нужен спарринг. Пока я жила в замке, я хоть иногда могла наблюдать за занятиями Кайтаидов и смотреть на плетения учеников, а сейчас что? Конечно, у Голоса в амулетах хранилась куча заклинаний, которыми он и запускал в меня, но это почти компьютерный симулятор. Играла я в такие игры, но ведь полет на «Ил-2» в симуляторе не сделает из меня пилота. Так же и тут. Зато наловчилась заряжать эти самые амулеты... Вместо отдыха... Сотни, которые использовались за день. Впрочем, неплохая тренировка, заодно научилась быстро составлять заклинания для амулетов – ведь во время зарядки волей-неволей разбираешься и в их плетениях. А повторяя одно и то же раз за разом в течение недель, я все их выучила наизусть. Теперь при случае смогу повторить любой амулет из тех, что прошли через мои руки. Хотя, в отличие от здешних, они будут одноразовыми, но это не всегда плохо.

Прошло три месяца, и, судя по тому, что я еще жива, с ошейником я нигде не ошиблась. И раз пока все равно не могу покинуть тайную лабораторию, надо продолжать занятия и ни о чем не думать. По крайней мере, до тех пор, пока не избавлюсь от ошейника. Только после этого можно думать о разведывательной вылазке в замок. Как снять его, я

уже знаю, не хватает пока умения, но в последние дни только нужное заклинание и отрабатываю. Возможно, через месяц наконец-то избавлюсь от него, а еще через месяц, если я не ошиблась в счете времени, Маренс должен отправиться на совет во Фламин. Как раз тогда и можно совершить вылазку. Необходимо только подналечь на разные маскировочные заклинания. На этот раз все должно быть серьезно, задача ведь – не скрыться в поднявшейся суматохе, а провести планомерную и как можно более полную разведку. Значит, вперед на полигон, отрабатывать все до кругов перед глазами и полной потери энергии, не жалея сил, пота и крови. Ну почему нельзя получить могущество по взмаху волшебной палочки? Да и от самой волшебной палочки я бы не отказалась...

Глава 6

Эти два месяца ожидания оказались худшими в моей жизни. Как все-таки в мире все относительно: еще недавно худшими днями я считала жизнь в замке, а вот теперь время, проведенное взаперти в тайной лаборатории Интерфектов. И ладно бы взаперти – это бы я пережила, благо скучать некогда с той интенсивностью занятий, которую определил Голос, но так ведь еще и голодная. Я уже по теоретическим знаниям на уровне мастера, вот только практики не хватает. Именно этот момент больше всего тревожит Голос.

– Поймите, господин, никакая теория не заменит опыта. Та имитация заклинаний на полигоне – жалкое подобие реальных схваток. Придется уделить больше времени на отработку базовых связок.

Да они у меня уже на уровне рефлексов получаются! Порой даже невольно. Нужно что-то взять, только хочу встать, как предмет сам ко мне подплывает. Впрочем, это тоже не нравится Голосу.

– Вы должны контролировать силу, а не следовать за ней. Никакое действие не должно происходить против вашего желания.

Мы как раз приступили к контролю, и я всю старалась создать силовые линии будущего каркаса заклинания, а потом для начала хотя бы изогнуть их каким-нибудь причудли-

вым образом. То есть сделать то, что недоступно ни одному обычному магу Алкены и чем славились маги Интерфекты: полный контроль над заклинаниями и энергией. Теперь утро начиналось не с зарядки, а с медитации, во время которой я постоянно воспроизводила различные элементы плетения.

– Почувствуйте текущую через каркас энергию, – говорил Голос.

В общем, скучно не было, даже спать приходилось по пять-шесть часов в сутки. Почему же я с таким нетерпением ждала вылазку в замок? Ответ прост – закончились украденные запасы еды, которую я натаскала сюда перед побегом. Интерфекты – предусмотрительные люди, и они подготовили гигантские запасы еды, защищенные от порчи магией, вот только время... Сами продукты не испортились, и Голос уверял, что они содержат все необходимые для жизни элементы. С учетом того, сколько времени я уже ими питаюсь, и питалась еще до того, как перестроился мой организм, без всяких последствий для себя, он говорит правду. Одна беда: эти продукты совершенно потеряли вкус. Фрукты, запасы мяса, яйца, различные сорта сыров, хлеб – абсолютно все было совершенно безвкусным. Видно, не рассчитывалось заклинание сохранности продуктов на такой длительный срок. Мальчишки у нас в классе любили рассказывать про какие-то курсы выживания, которые должны проходить спецназовцы. Якобы там их заставляют есть личинок, гусениц, червяков... Согласна! Даже на... брр-р-р-р... пау-

ков согласна, только бы у еды был хоть какой-то вкус!

Продукты из тайника мне пришлось попробовать практически сразу, как попала в лабораторию, и потому я позаботилась о создании запасов, но как ни сэкономила их, они закончились через три недели. С тех пор пришлось сидеть на оставленном Интерфектами рационе. После перестройки организма даже бумагу начала есть, лишь бы только хоть какой вкус почувствовать. Когда поймала себя за жеванием черновика, где решала задачу расчета узловых параметров заклинаний, поняла, что или я добуду еду, или скоро переключусь на книги в библиотеке. А может, попробую переварить бронзовые столовые приборы. Голос утверждает, что не получится, хотя и вреда от этого не будет.

Голос настаивает на построении каких-то планов по возрождению Дома Интерфектов, но думать ни о чем, кроме жареного бифштекса или яичницы-глазуньи, я не способна в принципе. Занятия отвлекали, но только до перерыва.

Тем не менее Голос прав – стоит задуматься о будущем. Чего, собственно, я хочу? Восстановить Дом Интерфектов? Честно, не думала об этом. Пока с собой бы разобраться. Хорошо еще, Голос понимает... хм... ляпнула. В общем, не знаю, чем он там думает, но знает, что с моими силами пока рано тягаться даже с малыми Домами, не говоря уже о Великих, потому и настаивает на практике. Прямо не говорит, но прозрачно намекает на выход в мир. Я и сама уже думала об этом, потому и штудировала атласы по географии, также

выкраденные из библиотеки Кайтаидов, – такая литература не помечалась печатью Дома, и я могла спокойно ее читать, в отличие от тех книг, на которые печать ставилась. Любой посторонний, взявший такую книгу, мог получить весьма болезненный удар по нервам, повезет, если не выживет. Сейчас-то я смогла бы обойти эту защиту, точнее, временно блокировать ее, но зачем? Подходы в магии Кайтаидов и Интерфектов настолько различны, что знакомство с теми заклинаниями может скорее помешать мне в тренировках, чем помочь. Точнее познакомиться с вражескими заклинаниями не мешает, чтобы понять, как они работают и как против них сражаться, но это лучше пока делать, наблюдая за тренировками магов. Стоп!

Где можно спокойно наблюдать за тренировками магов? В академии!

Именно там проходят обучение дети магов, там дают знания общедоступных заклинаний. Секретные-то уже позже они изучают в самих Домах. Никто же из магов, находящихся в здравом уме, не передаст такие разработки конкурентам. С чего бы им делиться тем, над чем они работали годами?

Хотя тут у меня сразу вопрос возник: зачем тогда вообще нужна академия?

– Не совсем так, – ответил Голос. – Базовые знания общие для всех, и есть множество общедоступных заклинаний, которые не изучают в самих Домах, чтобы больше времени вы-

делить на изучение заклинаний Дома. Впрочем, это тоже не главное, тут вы правы, господин. Просто учатся в академии представители практически всех Домов. Наследников туда никто не пошлет, а вот детей аристократии Дома или просто отпрысков значимых семей отправляют. Расчет здесь не столько на обучение, сколько на установление контактов детей между собой. Таким образом завязываются связи между Домами, происходит знакомство врагов и друзей. И самое важное – это знакомство с магией других Домов.

– Не поняла? Ты же сам говоришь, что секретными заклинаниями никто не делится?

– Заклинания – это всего лишь вершина магии, конечное применение полученных знаний. А вот базовые элементы общие, и их все знают. Из них и плетутся заклинания.

– Ага, – пробормотала я. – Это как ноты. Все их знают, но мелодию складывают единицы.

– Простите, господин?

– Ничего-ничего, продолжай.

– И стиль плетений у каждого Дома свой, уникальный. Это как почерк. И зная стиль чужого Дома, можно по начальным связкам с большой вероятностью предсказать, какое именно заклинание будет сплетено.

– Звучит логично, – покивала я, задумавшись.

– Это еще не все, господин. В самом начале зарождения академии, когда стало ясно, что нельзя Домам изолироваться внутри самих себя, иначе развитие останавливается и, соот-

ветственно, возвышаются другие страны, где какое-никакое, но сотрудничество налажено. Тогда и заключили договор. По нему каждый Дом предоставлял по собственному выбору несколько эксклюзивных заклинаний в академию. Там создали отдельную библиотеку с книгами, на которых не ставилась печать Дома, а значит, доступными всем учащимся. То есть академия – это еще и своеобразный обмен идеями между Домами, который предотвращает застой в развитии.

– И все с этим согласны? – удивилась я, уже успев познакомиться с эгоизмом и самоуверенностью магов.

– Находились, конечно, особо умные Дома, которые отказывались делиться заклинаниями, но таких просто не допускали к общей библиотеке, и вскоре эти находчивые вдруг обнаруживали, что безнадежно отстают от конкурентов в плане новых заклинаний. Это стало лучшей рекламой для такого пусть и ограниченного, но сотрудничества. Там ведь ученики изучают заклинания других Домов, разбирают их, анализируют. Частенько на основе этого изобретают что-то новое.

– А кто преподает? – При таком отношении между магами мне трудно представить кого-либо, согласившегося на эту работу.

– Преподавателей в мое время набирали из малых Домов, остающихся нейтральными. Скорее всего, так и сейчас. А вообще деятельность академии и взаимоотношение учеников и преподавателей регулируются специально разработанным сводом правил, достаточно простым и четким. Любое нару-

шение сильно не приветствуется, а преподавателям предоставлены очень широкие полномочия, чтобы избежать всяких несчастных случаев среди учеников.

– Несчастных случаев?

– Конечно. Там ведь учатся и дети враждующих Домов, битвы между которыми не утихают столетия. Потому и поместили академию в столице на нейтральной территории, а виноватых в смерти других учеников наказывают сразу после короткого разбирательства, магия же позволяет установить виновника со стопроцентной вероятностью. Только так можно сдерживать ненависть представителей враждующих Домов. И каждый поступающий в академию приносит клятву соблюдать нейтралитет, а любые вопросы, касающиеся задетой чести, решать только через преподавателей. В особых случаях они могут и разрешить дуэль под присмотром преподавателей, но ни в коем случае не до смерти.

Голос еще много говорил про академию, но суть понятна и с первых слов. Я была почти в восторге – разве есть лучшее место, где можно столько узнать о магии Домов, причем совершенно разных?

Понятно, что учеником мне не стать, для этого надо принадлежать к какому-нибудь Дому. Я вроде как принадлежу к Интерфектам, но заявиться туда в таком качестве равносильно тому, чтобы в рейхстаг сорок первого года зайти в буденновке и автоматом ППШ через плечо. Но ведь академии наверняка нужны слуги, особенно когда начинается на-

бор студентов после каникул. Правда, тут никаких планов не построишь, я просто не знаю, как происходит набор слуг и кто им требуется, и требуется ли вообще. В библиотеке Кай-таидов эти сведения мне не попадались, а данным из библиотеки Интерфектов я не очень доверяла, они уже плесенью покрылись.

Решено: как только закончу теоретическую подготовку – отправлюсь в путь... Хотя бы ради того, чтобы есть нормально.

Этими планами я поделилась с Голосом. Думал он долго, а потом выдал:

– Это самое лучшее решение из возможных. Я поражен, господин, вы научились анализировать ситуацию и выбирать из разных возможностей наилучшие.

Спасибо, что тут скажешь. Только если целыми днями все мысли заняты одной проблемой – как выбраться домой, – то рано или поздно что-нибудь обязательно в голову придет. А именно о возвращении я и думала, даже магов готова простить вместе с Маренсом, если тот отведет меня домой. Но что-то мне подсказывает, что если я заявлюсь к нему с таким предложением, то он просто приберет меня. К таким типам, как Маренс, надо являться во всем великолепии магоубийцы Интерфекта, чтобы у того колени тряслись и голос пропадал от ужаса. И пока я такого ужаса внушать не научусь, нечего и думать о какой-либо сделке с ним. Итак, решено, в планах – стать самым могущественным магом Алкены, чтобы иметь

возможность диктовать свои условия одному хаму, который выкрал меня из родного мира. И если он вернет меня домой, готова даже оставить его в живых.

Размечталась по полной. Особенно понравилось, когда представила, как Маренс ползает передо мной на коленях, а я, гордая, стою во всем блеске Интерфекта, в развевающейся накидке, на которой сияет меч, окруженный сверкающими молниями. Они срываются с клинка и лупят по ползающему архимагу, а тот умоляет пощадить его.

Снова тренировка. Отрабатываю бег на повышенной скорости. Мышцы стонут, кости трещат, ноги впустую молотят по полу, но проскальзывают, и я лечу в стену. Если бы не смягчающая магическая подушка, то либо проломила бы стену, либо голову. Второе вернее. Ранение в голову – верная смерть даже для мага. Никакой архимаг не в состоянии залечить такое. Вернее, залечить, может, и в состоянии, но смысл? В результате получится растение, которое проще убить из человеколюбия. Именно потому очень много отрабатываемых мной ударов направлялись в голову мишени. В этом случае даже обычный меч несет смерть архонтам. Другой вопрос – попасть. У магов очень хорошая реакция и острое чутье. Не попадешь с первого раза, второго они тебе не дадут.

Ноги в очередной раз потеряли сцепление с полом, и я кувырком полетела по арене, сдирая кожу с рук. Больно. И почему эта печать не убирает боль?

– Это опасно, господин, – отозвался Голос, когда спросила. – В свое время такие эксперименты ставились и боль убиралась. Это приводило к быстрой смерти по непонятной причине.

Ну, еще бы они поняли. Попалось мне как-то описание экспериментов, так потом всю ночь не спала. Все улучшения, которые маги вносили в человека, подбирались ими методом научного тыка. А почему бы нам не попытаться создать человека-невидимку? Проще простого: сделаем его прозрачным. Сделали. А человек неожиданно возьми и умри. Не годится для внесения в печать Дома. А теперь уплотним кости. Что? Мышцы не справляются? Укрепим и их. Теперь легкие не могут снабжать их кислородом? Не успевают? Улучшим. Накопленный удачный опыт в печать для изменения всех магов Дома.

Удачные эксперименты по пальцам пересчитать можно, опыт накапливается тысячелетиями. Потому другие Дома и охотились за наследие Интерфектов, пытаясь завладеть печатью для исследования и включения их заклинаний в собственные печати. Потому последние Интерфекты так старательно заматали следы, подстраивая общее уничтожение всего хранилища знаний, чтобы оно никому не досталось.

А теперь вопрос: догадайтесь, кто выступал в роли подопытных мышек в экспериментах магов по улучшению себя, любимых? Добровольцы маги? А вот и не угадали. Зачем нужны добровольцы, когда есть скулики? Сколько по-

гибло людей, когда маги добивались положительных результатов своих исследований, остается только гадать. И если кто подумает, что нынешние Дома прекратили эту практику, советую еще раз подумать над тем, как разрабатываются новые заклинания. А о научности подходов я уже прочитала в книгах. Да, им около тысячи лет, но что-то мне подсказывает, что и сейчас не очень много изменилось в этом плане. Теперь мне ясно, зачем каждый месяц в замок Кайтаидов приводили по десять-пятнадцать связанных людей под охраной солдат Дома, не наместников и не карающих. Тогда думала, что преступники, и иногда удивлялась, видя там детей. И ведь знала уже натуру магов, но все равно не верила.

– Скажи, чем эти Интерфекты лучше других Домов?

Этот вопрос, который я задала Голосу после прочтения журналов опытов, остался без ответа. Голос его просто не понял и надолго завис. Наконец выдал ответ в том смысле, что они лучше тем, что сильнее. Ну конечно, кто бы сомневался: кто сильнее, тот и прав. Было очень паршиво. На эмоциях подумала даже бросить изучать магию, но все же решила продолжить обучение. Отказом от магии тех жертв не вернешь, а так хоть мне выжить помогут. Возможно, и отомстить. Теперь на печать я смотрела совсем по-другому и во всполохах молний на лезвии мне виделись лица тех тысяч людей, которых принесли в жертву ради того, чтобы в этот красивый рисунок добавился новый узор, делающий его обладателя еще более могущественным.

Куда ни посмотри, везде одно и то же. Со злости я каким-то образом сумела пробежать стометровку за несколько секунд... за три? Э-э-э...

– У вас получилось, господин. Просмотрите воспоминания.

Просмотрела. Оказывается, в момент бега магически цеплялась к поверхности, увеличивая трение. Песок арены не помеха, просто магическая хватка уйдет глубже. Отдышалась и покосилась на содранную с руки кожу. Кровь течь уже перестала, а рана отчаянно чесалась – заживление шло полным ходом, выкачивая из меня энергию. Все-таки иногда Маренса хочется поблагодарить. Например, за мой запас силы. Одна из причин моей быстрой учебы как раз в этом и заключается. Ученик ведь развивает свою силу вовсе не тем способом, который применял архимаг, потому на это у него уходит значительно больше времени. Почему не тренируется, как я? А потому, что процент выживших после таких тренировок очень мал, так что меня можно считать везунчиком. Но, может, тут мне помогло мое иномирянское происхождение. Должно же это хоть немного мне помочь? А может, мое упрямство и желание выжить любой ценой, чтобы иметь возможность придушить этого долбаного архимага! Сказать спасибо или придушить? Сначала скажу спасибо, а потом придушу. Нет! Сначала вытрясу из него заклинание для возвращения домой, потом скажу спасибо, а потом придушу. Нет, лучше сначала скажу спасибо, чтобы не подумал,

будто я благодарю его за предоставленное заклинание, потом вытрясу путь домой, а потом придушу. Особо зверским способом. А потом, когда домой вернусь, сделаю из Маренса чучело и поставлю в комнату. Буду пыль с него стирать, пылесосить, чистить и приговаривать:

— А помнишь, господин маг, как ты обещал меня в магическую школу отдать? Так вот, я научилась магии. Да-да, конечно, ты ведь это уже знаешь. Правда, неплохо научилась?

Безвкусная еда и, как следствие, нездоровые фантазии. На всякий случай, пока фантазии не перешли в попытку воплотить их в реальность, решила ускорить подготовку по вылазке в замок, тем более, по всем расчетам, Маренс уже должен уехать на Совет. Сдерживал меня только ошейник, который никак не поддавался. Что-то там архимаг недоделанный намудрил с ним, и открываться он никак не хотел, а плавить его на своей шее мне тоже не хотелось. Сейчас я усердно укрепляла и утоньшала нитку, которой решила перерезать проклятую железку, уже успевшую мне надоесть. Идею с ниткой я придумала сама, а вот ее реализация... несколько попыток уже провалилось. То я нитку сделала недостаточно прочной, и она порвалась, то слишком увлекалась, делая ее тоньше, но забыв приделать хоть какие-то ручки, так что утоньшенную нитку я даже в руки взять не смогла. Так и валяется где-то на полу.

Гм... Интересно, а есть слово «утоньшенная»? Или «утоньшала»? Да уж, многое есть в библиотеке Интерфек-

тов, а вот словаря по русской грамматике почему-то нет, вот и не спросишь ни у кого. Но, с другой стороны, а как еще можно сказать про процесс делания нитки более тонкой? Утонышение! Логично? Логично. А в результате получится более тонкая нить по сравнению с оригиналом, значит, нить утонышенная. Вот. Недаром у меня всегда пятерка была по русскому.

В общем, это уже четвертая попытка изготовить нужную нитку. Даже утонышала ее только в центре, а с краев упрочняла, чтобы можно было ее взять. Еще дня два, и будет готово. Голос меня за эту работу хвалит, говорит, что я уже начинаю понимать, что значит контроль. И еще говорит, что другие маги не смогли бы воздействовать на предмет так неравномерно, они работают только с целым.

Пока готовилась эта «пилка», я тренировалась в использовании телепорта. Сил отнимало уйму, расстояние прыжка мизерное, а Голос говорит, что улучшить это вряд ли удастся. И зачем тогда я тренируюсь, если все равно пользы нет? Но Голос настаивает, утверждая, что это лучшее упражнение для тренировки контроля. Я бегаю и прыгаю на несчастные пятьдесят сантиметров вперед. Бегаю и прыгаю. Бегаю и прыгаю.

– Ускоренно, господин, – предлагает Голос.

Машинально подчиняюсь, и тут случается чудо – я оказываюсь на другой стороне арены меньше чем за секунду. Но это же просто невозможно! Устала, конечно, но скорость!

И Голос молчит, зараза, считает, что лучше, если сама разберусь. Разбираюсь, куда деваться. Сажусь на песок арены, тем более ноги все равно не держат, вхожу в транс и начинаю прокручивать в голове все события. Ух ты, оказалось, что я не бежала, а совершила серию телепорт-прыжков, каждый из которых был на те самые несчастные пятьдесят сантиметров, но моя скорость повторения заклинания превратила их в мерцание. Как отдельные кадры на киноплёнке превращаются в движущиеся предметы, так же получилось и у меня. Почему я сама об этом не подумала? Правда, трата энергии... ну, как последний шанс для побега сойдет, нужно только тренироваться. И потом, не обязательно ведь бежать только прямо, можно при телепортировании повернуть в другую сторону и даже...

Проверю мысль. Встаю, мгновение... эх, еще медленно заклинание получается, надо бы подтянуть его. Вроде делаю шаг вперед, но шагаю совершенно в противоположную сторону. Ух ты, прямо разворот на месте. А если не делать шаг? Получается. Хм, а ведь это самый лучший способ поворота на высокой скорости – никакой тебе инерции. Теперь понятно, почему Интерфекты перемещались быстрее других магов. Не быстрее на самом деле, просто им не было необходимости гасить инерцию. А прыгать не обязательно на пятьдесят сантиметров, можно и на пять всего лишь, если желаешь только повернуть или развернуться на месте. Вроде бы разница в расстоянии не очень велика, зато какая экономия си-

лы! Решила посчитать, уселась прямо на песок, разровняла его и принялась считать. Оказалось, что экономия составит пятьдесят семь раз по сравнению с прыжком на максимальную дистанцию. Великолепно! Еще один прием в арсенале, нужно только отточить его до автоматизма, чтобы само получалось, когда надо. Значит, опять сон по три часа в день, а все остальное время прыжки, пока без сил не свалюсь. Только отложим тренировку до возвращения из вылазки.

С ошейником, вспоминая, сколько он мне крови попортил, разобралась до обидного просто. Когда моя нитка-пила была готова, я с ее помощью разрезала металл за полторы минуты. Вот почему Интерфекты не позаботились о наличии в их библиотеке обычной ножовки по металлу?! Как было бы проще, и мне не пришлось бы после побега почти восемь месяцев в ошейнике щеголять, всю шею натерла.

После этого я с чистой совестью начала готовиться к вылазке. Достала костюм неофита, в котором бежала от Маренса, и неожиданно оказалось, что костюм мне слегка маловат. Подросла, оказывается. Слегка всплакнула, вспомнив, сколько времени я уже в этом мире, – скоро три года.

Потом разозлилась на магов, взяла себя в руки и села перешивать костюм, сердито дергая иголкой и постоянно обрывая нить, – меня никто не учил шить, только мама когда-то. Пришлось вспоминать и тренироваться, прежде чем что-то стало получаться. Когда закончила, Голос посетовал на потерянное время и сообщил, что магией соединить швы

быстрее и удобнее... чуть не прибила.

Эх, как я готовилась к вылазке в замок, так готовилась, столько маскировочных заклинаний довела до автоматизма в выполнении, а все прошло обыденно и неинтересно. Даже обидно – почти ничего из освоенного не пригодилось, но по здравом размышлении решила, что так оно и лучше.

Внутри замка старалась двигаться, не отходя далеко от Тени, и чуть что, сразу ныряла туда, натягивая ее на себя. Теперь уже даже архимагу надо сильно постараться, чтобы обнаружить меня, по крайней мере, так утверждает Голос. Но архимаги просто так по коридорам не шастают, мне встречались только инферы и артифики. Впрочем, похоже, могла бы и не маскироваться, тут столько неофитов, что на меня вряд ли обратили бы внимание, но рисковать не стала. Хотя кое-где встречались патрули паладинов, не очень много, но раньше, когда жила в замке, и такого не видела. Очевидно, остатки следов бывшего шмона, устроенного магами внутри замка. Патрулям я старалась не попадаться и сразу пряталась в Тени, хотя вряд ли они обратили бы внимание на очередного неофита.

Пробралась в столовую. Кто говорит, что я проголодалась? Ничего подобного – это у меня такая стратегия. За едой люди всегда расслабляются и менее внимательны, а значит, меньше шансов, что меня заметят, к тому же: слушая болтовню какой-нибудь дружеской компании, можно узнать столько тайн... Ну а еда – это уже побочный эффект страте-

гии. Не могла же я зайти в столовую и не есть? Это было бы подозрительно...

Эх, кого я обманываю?

Ух, наелась от пуза! Даже о делах забыла. Столько времени питалась безвкусными запасами Интерфектов! На неофита и правда никто не обратил внимания, главное, держаться подальше от артификов. К счастью, проверять печати Дома в столовой никто не собирался, и обед прошел вполне спокойно, после чего я спряталась в Тени и приготовилась слушать. К столам артификов не пошла, осталась у инферов – молодежь более болтлива и более эмоциональна. Язык без костей – эта поговорка верна и для магов. Не прогадала. В общем-то, разговоры инферов совершенно пустые. Мальчишки обсуждали учителей и жаловались на тяжелую учебу. Нытики! Позанимались бы по моей методике, посмотрела, как бы они взвыли тогда. Старшие обсуждали какую-то местную красавицу и спорили, кому первому из них удастся пригласить ее на танец на праздничном балу. Тоже неинтересно. Думала уже, зря стою, но тут услышала разговор о пропавшем апостифике архимага.

– А что там про Фотье слышно? – поинтересовался высокий юноша лет семнадцати, судя по костюму, уже викарус.

Его сосед равнодушно пожал плечами:

– Отец мне не очень много рассказывает. Слышал только, что Фотье вроде как сами в недоумении, чего это мы на них взъелись.

– Ха! Похитить апостифика главы и думать после этого, что мы ничего не предпримем, – верх глупости.

– Да зачем им это надо было?

– Да мало ли. Воздействовать через него на главу.

– Конечно, глава не такой идиот, что станет пополнять энергию от апостифика, который находится у врага. Сразу разорвал с ним связь – и все дела.

– Да кто их знает. Может, был какой план.

– Вероятно, только не думаю, что это Фотье сделали. Кто-то их подставил, а значит, имелись шпионы других Домов. Отец вроде бы склоняется к этому варианту.

– Может, и так, – согласился первый.

После этого разговор свернул на обсуждение коней, и мне стало скучно. Перешла к другому столу, потом к третьему. Из обрывков разговоров узнала, что после моего побега внутри замка перевернули все вверх дном и даже разоблачили среди слуг шпионов других Домов (а может, назначили). Их обвинили в соучастии в похищении. Много гадали, зачем кому-то понадобился чужой апостифик, и сошлись на том, что хотели похитить тайно, что-то с ним сделать и вернуть, пока не разоблачили, подставив главу. Но что-то с планом пошло не так, и похищение открылось раньше, чем они успели апостифика, то есть меня, вернуть. Это объяснение казалось самым логичным. Идея, что апостифик сам все это подстроил и сбежал, в голову не пришла никому. Хотя кто знает, спустя столько времени после побега остались ведь самые

«разумные» версии, а так, в горячке, может, кто и высказал правильную, но сомневаюсь. Слишком самоуверенные люди эти маги, чтобы предположить, будто вещь может взбунтоваться и пойти против хозяина.

Побродила еще по замку, слушая разговоры, старалась держаться подальше от магов и толкалась в основном рядом с учениками. Что бы там ни говорил Голос, но уверенности в собственных силах я еще не имела, а потому предпочитала осторожничать. Да и вряд ли серьезные маги начнут обсуждать событие больше чем полугодовой давности и строить предположения. Это молодежь даже спустя столько времени продолжала гадать и предполагать. Глядя на этих шестнадцати– и семнадцатилетних ребят, я чувствовала себя старухой, настолько они мне казались несерьезными и взбалмошными. Одним словом, обычные дети. Настроение упало. Побродив еще некоторое время по коридорам, отправилась обратно. Когда вернулась, сразу завалилась спать, отказавшись отвечать на вопросы Голоса.

– Все завтра, – отрезала я. – Сил нет, почти всю энергию потратила. Но можешь успокоиться, внутри замка меня не ищут. Предполагают, похищение совершено непонятно кем, а Фотье просто подставили.

– Хорошо, если так.

– Все так, – отрезала я. – А сейчас дай поспать. Расспросы завтра!

Единственный вывод, который я сделала из вылазки, ко-

гда обдумала все услышанное: меня бросили искать и теперь стараются понять, кто похититель. Маренса напрягало не столько само похищение, сколько причина его. Апостифик совершенно бесполезен для всех, кроме владельца. Переназначить его на кого-то другого невозможно, это убьет либо апостифика, либо мага, когда тот попытается им воспользоваться. Навредить через него владельцу тоже можно только в одном случае: если его хозяин не подозревает о нанесенном вреде.

Следы былых сражений по этому поводу я и слышала в разговорах неофитов и учеников. Если взрослые уже бросили гадать, не имея информации, то эти еще вовсю строили предположения. Иной раз хотелось подойти к какому-нибудь особо умному и дать хорошего пинка, заорав что-то типа:

– Я тоже человек и имею свои желания, на которые вы наплевали! Я сама сбежала от вас, таких многомудрых и могущественных! Сопливая девчонка надула весь ваш великий магический дом!

Индюки!

Примерно так я и высказала все Голосу. Тот ничего не понял, а подумав, пришел к парадоксальному выводу:

– Пора тебе отправляться на практику.

Не знаю ничего по поводу практики, но сидеть в этой дыре мне уже осточертело. Впрочем, сразу выгонять меня Голос не стал, признав, что я еще не готова к самостоятельному путешествию.

– Маловата теоретическая база.

Чего?! И это при том, что я целыми днями только и делаю, что отработывала все те теории, которые заставлял учить меня Голос? Тот, видно, печенкой... или что там у него... почувствовал мой гнев, потому пояснил:

– Обычный маг, когда переходит из группы инферов в артифика, знает намного больше заклинаний. Другой вопрос, что заучил он их чисто механически, не понимая сути и не зная тех связей, которые действуют на силовые решетки заклинаний. Ты же изучала базовые связки и можешь заклинение любой сложности разбить на такие базовые элементы. И если подумаешь, поймешь, как оно станет себя вести, если убрать тот или иной узел или, наоборот, добавить. Для Интерфектов такие фокусы в порядке вещей. Тебе же не хватает опыта. Пусть и в лабораторных условиях, но мы постараемся тебе его хоть немного предоставить. Теорию ты уже знаешь на уровне мастера, остальное придет со временем. А сейчас практика, и только практика.

С этого дня занятия стали не то чтобы интересней, но занимательней точно. Тут уже не надо зубрить связки и до упора создавать их на полигоне. Нудно и скучно, хотя Голос и говорил, что именно в этом заключается мастерство настоящего мага – в нудной и скучной учебе. Зато сейчас Голос создавал плетения, а моя задача заключалась в том, чтобы внести в них изменения и заставить сделать нечто другое. Первые задачи достаточно просты: заставить файербол раз-

дуться до размеров, когда он уже перестанет быть угрозой, рассеять иллюзию, увеличить пламя. В общем, сделать что-то, что уже заложено в заклинании, но чуть изменить параметры. Но первое время все равно приходилось задумывать-ся, изучать силовые линии, выискивать знакомые узлы, отвечающие за нужные связи.

Прав Голос, если я выйду сражаться с магом и столько времени потрачу на изучение заклинания, он пришибет меня и пойдет дальше, по своим делам. Не просить же его:

– Эй, дядя, не кидай так быстро свой шарик, дай изучить его внимательно!

Смешно? А мне нет, поскольку именно моя жизнь зависела от этого. Впрочем, с этим я разобралась быстро: базовые связки мне в свое время во сне снились. А потому, когда я поняла, где обычно располагаются нужные мне узлы, я их стала находить влет. Порой даже раньше, чем заклинание сформировывалось до конца. После этого задача усложнилась, и теперь Голос требовал уже вносить более сложные изменения. Высший пилотаж для Голоса – это превратить магическое пламя в магическую воду, плетения, по своей сути, противоположные друг другу.

– На моей памяти такое могли проделать только семеро Интерфектов за всю историю Дома, – сообщил Голос. – Так что тебе есть куда стремиться.

Снова начала усердно заниматься с мечом и шестом. Голос считает, что в жизни может пригодиться все, потому из-

влек из своей гигантской базы некоторые техники, подходящие мне, продемонстрировал и заставил выбрать одну, после чего начались занятия в привычной манере, то есть доведение до автоматизма связок и движений. Причем все это он заставлял меня проделывать на максимально доступной для меня скорости. Без удивления заметила, что техника приспособлена для действий в безынерционной манере. Значит, я была права и Интерфекты действительно применяли микропрыжки для гашения инерции. На очередной тренировке, в момент, когда требовался резкий разворот, телепортировалась на сантиметр вперед и чуть в сторону, сразу разворачиваясь в нужную сторону, и тут же продолжила исполнение связки.

Несколько раз просматривала запись: Голос записывал все мои тренировки, а потом демонстрировал, указывая на ошибки. Впечатляет, однако. Даже описать не могу, как это выглядит со стороны. Вот двигается человек вперед, движется рука с мечом, и вдруг раз, словно мигнул. Перемещение настолько стремительное, что разглядеть исчезновение и появление человека невозможно, да и само мигание только маги и разглядят, и то не все. Для остальных человек просто продолжит движение совершенно в другую сторону, можно даже и в прямо противоположную первоначальной. Кто сможет сражаться с таким противником, если его движения совершенно непредсказуемы и никакие законы инерции на него не действуют? Двигался вперед и вот уже бьет снизу, а в

следующее мгновение заходит сбоку. Вот так со стороны это и выглядело. Пинаю воображаемого противника по колену, и тут же нога сносит ему челюсть.

Что? Почему невозможно? Ах, мелкая! Так и противника я себе по размеру подбираю. Кто сказал, что мой воображаемый противник должен быть двухметровым гигантом? А если серьезно, то это еще одна проблема. Из-за постоянных физических нагрузок и не очень качественного питания в свои тринадцать лет я выглядела одиннадцатилеткой. Потому и все зеркала либо занавесила, либо спрятала. Смотреть на себя тошно. Короткие светлые волосы, мальчишеская фигура, вся в синяках и царапинах, худющая, как жердина, осунувшееся лицо алкоголика со стажем (опять выражение папы) и глаза... Их ненавижу больше всего, такие глаза могут быть у старухи столетней и многое пережившей. И волосы... хорошо, что светлые и в них не так заметна седина. Пусть ее немного, но она есть. То еще удовольствие – рассматривать собственные седые волосы.

Зеркала-то я убрала, но куда от реальности спрятаться? Как мне путешествовать в таком виде? Хотя, может, в таком и надо. Как раз сойду за сироту, бредущую куда глаза глядят в поисках пропитания. Возможно, эту легенду и стоит отрабатывать, когда отправлюсь в дорогу.

Тренировки шли одни за другими, и порой, с моей точки зрения, совершенно бессистемно. Иногда Голос перескакивал с одного на другое, совершенно непонятно зачем. Вот мы отрабатывали маскировочные заклинания, еще далеко до автоматизма, как вдруг перескочили на занятия по созданию амулетов. Пусть это искусство Голос считает для меня самым важным и жизненно необходимым, но зачем перескакивать с одного на другое?

– В жизни не всегда все идет линейно, – отозвался Голос на прямой вопрос. – Тебе надо научиться быстро перестраиваться с одной задачи на другую, если она окажется более важной, но при этом не терять из виду предыдущую.

– Ладно, – бурчу я. – Готова слушать лекцию.

– Незаряженный амулет ничем от обычного предмета не отличается, если особо не присматриваться, а зарядить его можно очень быстро и тут же применить. Одноразовый? Ну и что? Кто мешает тут же еще один сделать? В амулет можно ведь вставить очень сложное плетение, на подготовку которого в обычной обстановке приходится тратить несколько минут. Такая роскошь не всегда доступна.

Звучит логично. У Голоса все звучит логично и просто, а на деле... Нет, на деле тоже все логично, но вот насчет простоты...

Особо Голос заставляет учить меня телепортирующее заклинание, чтобы иметь возможность возвратиться в замок в любой момент. Правда, это остается как крайняя мера: защита Кайтаидов хоть и не остановит перемещение внутрь Дома, но наверняка засечет несанкционированное применение телепорта. Обратят маги на это внимание или нет, неизвестно – это ведь на помеху похоже, которые часто возникают в эфире, но рисковать не хотелось. Зачем давать магам повод задуматься? Потому и телепортироваться из замка я собиралась не прямо в столицу, а в пределах охраняемого периметра Дома, то есть недалеко от стен с той стороны. Помнится, гости замка в свое время не могли сразу при выезде из него телепортироваться домой из-за защитных заклинаний, так вот их радиус ограничен. При перемещении внутри него защитные заклинания гарантированно меня не видят. Стоит пересечь эту незримую черту, как мы их потревожим. Вряд ли на это обратят внимание, как я уже говорила, это похоже на легкую помеху, но к чему лишний риск?

Есть и более важная причина того, что я отказалась от перемещения сразу в столицу. Изучать жизнь Алкены по книгам Интерфектов тысячелетней давности – это очень разумно, в них так подробно о ней написано... Это я так издеваюсь, кто не понял. Впрочем, будь даже иначе, но изучать жизнь чужой страны по книгам все равно не очень умно. У меня ведь и книги Кайтаидов есть, но на что маги обращают внимание? Точно не на житейские мелочи. Вот появлюсь я

перед столицей, вооруженная такими важными и подробными сведениями, а меня спрашивают там:

– Откуда ты, девочка?

– Из такой-то деревни.

– А вы уже закончили обмолот торжа?

– Ага, закончили, совсем недавно.

А торж – это такой сорт капусты, выведенный магами. Вы себе хорошо представляете обмолот капусты? И это еще самые мелочи, вряд ли меня так проверять будут, но в беседах на знании таких мелочей я точно засыплюсь и быстро стану **КРАЙНЕ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ**, ничего не знающей о жизни и непонятно с какой целью пытающейся проникнуть в столицу.

Справедливости ради надо сказать, что на эту проблему мне указал Голос, когда я еще только обдумывала маршрут путешествия. Так что прежде чем лезть в столицу, надо как следует узнать о стране и людях, а потому пешее путешествие от Дома Кайтаидов до Фламина как раз то, что доктор прописал. Далеко, правда, и идти придется пешком, но какой выход? Запереться в секретной лаборатории и не вылезать? Так я никогда домой не вернусь. И о путешествии с комфортом придется забыть. Золото у Интерфектов есть, причем монеты разных магических домов, но одинокий путник с золотом – очень подозрительная фигура, не говоря уже о том, что притягательная для всяких разбойников. Разбойников я не боялась – маг как-никак, но зачем лишние слож-

ности? А остановит меня патруль магов? Что им сказать? В общем, богатый путешественник привлекает слишком много внимания, которое мне совершенно не нужно. Вот и остановилась я в конце концов на варианте сироты, ищущей пропитание. Причем сирота не девчонка, а мальчишка, так намного безопаснее. Насколько я узнала из книг, в моем возрасте уже многие родители отправляют сыновей на поиски подработки для семьи, и я на дороге буду не одинока, а значит, не привлеку внимания. Вряд ли на таких бродяг кто смотрит. Потому в последнее время я тренировалась в маскировке, накидывая на себя личину, чтобы никакая случайность не разоблачила мой пол. А что касается поведения, так Голос уверял, что я и так почти мальчишка и веду себя как они. Убила бы за такой «комплимент»! Но ведь он и правда хвалил. Оказывается, он потому и обращается ко мне в мужском роде, что считает, будто оказывает мне честь. Во как! Ретроград недоделанный. Женщина, видите ли, для него низшее существо, а меня как главу Дома он возвысил до мужчины! Точно убью! Но если и во внешнем мире такое же отношение, то путешествовать мальчишкой действительно безопасней.

Наконец закончены последние приготовления, вещи собраны, одежда готова. Одежда... да уж. Домотканые штаны с разлохмаченными внизу штанинами, рубашка из того же материала и пеньковая веревочка, чтобы подпоясаться. Все потертое, кое-где видны заплатки. Обувь? А обувь нарядом

не предусмотрена. На это я обратила внимание еще при путешествии вместе с Маренсом, все дети в деревнях сверкали босыми пятками. Ну, оно и понятно – обувь слишком дорогое удовольствие для крестьян, а уж тем более для нищих сирот, кого я и собираюсь изображать. Заранее представляю сбитые в кровь с непривычки ноги. За всю свою жизнь я без обуви только дома и на пляже ходила. Но к боли я уже привычная, переживу как-нибудь, плохо только, что под маскировкой Интерфектов магией пользоваться нельзя. В этом ее и преимущество и недостаток. Преимущество, что она действительно маскирует от всех видов сканирования, как магического, так и... хм... обычного. Недостаток... ну потому она так и хороша, что магия не проникает за маскировку, но, как следствие, не может она и выйти из-под нее. Так что пока я в виде мальчишки брожу по дорогам, то о магии придется забыть. Конечно, можно снять маскировку, вылечить, но, как говорил Голос, именно на таких мелочах шпионы и прогорают. Так что в дороге я буду самым обычным человеком. Единственное, о чем позаботилась заранее, – сделала кожу на ступнях более грубой и плотной, опять Голос немного помог с изменениями. У магов такое заклинание не подготовлено, видно, не бродят без обуви почему-то, а говорят, это для здоровья полезно.

Котомка... потрепанная и тоже из серого мешковатого материала, что и одежда, в швы зашито несколько медных монет, чтобы по прибытии в столицу иметь возможность пере-

одеться во что-нибудь более приличное. Почему не золото? Нет, Голос не жадный, это я не взяла. Нищий с золотыми монетами привлекает много внимания и пробуждает в человеке низменные чувства о несправедливой зарплате. Зачем мне это? Золото хорошо, когда может помочь, но когда польза от него сомнительна, а неприятности в случае его обнаружения гарантированы, то лучше его вообще не брать. Медные монеты не так приметны и не вызывают вопросов. Да даже если я их своровала, кому какое дело? Кто-нибудь стражу позовет, что ли?

И снова тренировки. Голос вообще озверел при приближении дня отправления. Он словно экзамен мне устроил по всему изученному материалу. Понять его можно, не хочет терять главу Дома, обретенного спустя тысячу лет, но легче мне от этого не стало. Потому день ухода я восприняла чуть ли не как избавление от мук.

Я стояла посреди комнаты, где жила последний год, в наряде, который отныне мне предстояло носить все время путешествия... по крайней мере, до столицы точно. Сомнения. Нестерпимое желание плюнуть на все и остаться, прожив всю жизнь в этом склепе. Да, еда не очень вкусная, ну так можно вылазки делать и покупать ее.

Так, прочь все негативные мысли! Я Интерфект, я глава Дома, который в свое время наводил ужас на магов Алкены! И я выхожу в мир! Маги еще услышат обо мне и проклянут тот миг, когда одному из них взбрела в голову мысль похи-

тить девчонку с Земли! Я иду, господи магии!

Решительно кивнув своим мыслям, шагнула в телепорт.

Часть 2

Дороги Алкены

Глава 1

Едва появившись недалеко от стен замка, я стремительно рванула по склону к видневшейся внизу реке, не обращая внимания на сучья под ногами и ветки, хлеставшие по лицу и рукам. С ходу бросилась в воду и переплыла на ту сторону, высоко подняв над головой котомку, благо река так себе, ручей, а не река, всего плыть шагов восемь, не больше.

На том берегу забралась в самые густые заросли травы и растянулась на ней, вдыхая полной грудью свежий воздух и ни о чем не думая. Мокрая одежда? Какие пустяки! Смотрите, солнце! Облака! Поймала себя на том, что глупо улыбаюсь, наблюдая за небом. Посидите больше года в подвале, не видя света, не выходя на улицу, посмотрю я на вас. Хорошо еще, магия позволяет искусственный загар делать, иначе точно была бы белой вороной, в прямом смысле этого слова. Кто видел незагоревшего нищего мальчишку, у которого дорога позади, дорога впереди, а крыша над головой небо? Опять Голос подумал об этом. Эх, жаль, по дороге общаться с ним нельзя, но придумать, как разговаривать друг с другом

за пределами лаборатории, ни он, ни я так и не смогли.

Это единственный минус, а все остальное плюс: я опять вижу солнце, траву, реку! Опять дышу свежим воздухом! Отмахнулась от прожужжавшего жука и села, оглядываясь. Господи, сколько звуков! Какие краски! Весна, оживающая природа, радостный гомон птиц, грозное жужжание насекомых, пьянящие запахи зацветающих трав. Хотя Голос выбрал именно весну для начала моего путешествия из чисто практических соображений: больше теплого времени мне на осваивание в мире, много работы в полях, а значит, каждые рабочие руки на счету и, следовательно, мне легче найти приработок и пропитание, но и мне это в радость. Когда расцветает вся природа, трудно предаваться пессимизму. В конце концов, у меня получилось то, что считала невозможным, – я сбежала от мага и даже сама научилась магичить!

Жаль только, долго разлеживаться нельзя. Со вздохом поднялась, сняла одежду и тщательно все выжала, оделась. Брр-р-р, влажная, ну да ладно, на ходу высохнет. Теперь определить стороны света, вспомнить карту, изученную мной перед походом, и вперед. Карту я изучала, понятно, украденную в библиотеке Кайтаидов, не подумайте, будто я маршрут прокладывала по карте Интерфектов. Представляю, куда бы зашла по ней.

Начальный отрезок пути самый легкий – я уже выезжала по этой дороге с Маренсом из замка и окружающие места пусть и не очень хорошо, но знаю. Сейчас главное выйти на

дорогу, а там уже по ней пешочком, понемногу и вперед, хотя лучше с той дороги свернуть поскорее. Все-таки это центральное шоссе, проходящее мимо замка Кайтаидов, и маги по нему шастают постоянно, потому лучше лишний крюк сделать, чем попасться какому-нибудь сучающему магу, который решит позабавиться с нищим мальчишкой. Приходилось слышать рассказы молодых остолопов в столовой, с хохотом вспоминающих, какую шутку придумал кто-нибудь из них и сыграл со скуликом, в недобрый час попавшимся ему на дороге.

Ругаясь сквозь зубы на всякие острые камни и сучки, я выбралась из зарослей на дорогу, огляделась, закинула котомку за спину и зашагала навстречу солнцу.

Хорошо под небесами,
Словно в лодке с парусами,
Вместе с верными друзьями
Плыть куда глаза глядят.
По дороге с облаками,
По дороге с облаками,
Очень нравится, когда мы
Возвращаемся назад.
По дороге с облаками...

Мурлыкала я тихонько под нос, не забывая прислушиваться к посторонним звукам. Встретаться меня пока ни с кем не тянуло.

Хм, а помогает песенка и настроение поднимает. Хорошо обладать абсолютной памятью, а также иметь возможность вспомнить любую деталь из прошлого. Песенка из просмотренного когда-то давно, век назад, мультфильма здорово помогала. С друзьями, правда, тяжело, и возвращалась я не назад, ну да ладно. Зато весело.

Сорвала большущий лист лопуха, смастерила из него шапочку от солнца и зашагала дальше.

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда,
И любят песню деревни и села,
И любят песню большие города.

Нам песня жить и любить помогает,
Она, как друг, и зовет, и ведет,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

Вот! Это совсем другое дело. Главное, намного веселей. Что бы еще вспомнить? Стук копыт прервал размышления и заставил броситься в придорожные кусты. Мимо пронесся маг в форме гонца Дома Кайтаидов. Определенно лучше поскорее убираться с дороги, кстати, очень хорошей. Идти

по ней одно удовольствие, так бы и шагала, пока не привыкла бы, но, если хочешь долго жить, не стоит искать легких путей. Потому едва показалась неприметная тропинка, уходящая в сторону от дороги к лесу, я, не колеблясь, свернула туда, не забыв посыпать за собой прихваченным перцем. Может, и паранойя, но, говорят, параноики дольше живут.

В лесу не так празднично и весело, но весна ощущается и тут, и идти не так плохо, как ожидала. Хотя что в этом странного? Если есть тропа, значит, люди по ней ходят. Единственное, что мешало наслаждаться путешествием, – камешки и ветки на тропинке, постоянно попадающие под ноги, все-таки лесная тропа не наезженная дорога. Так что мое продвижение сопровождалось ругательствами сквозь зубы, возгласами типа «ой», «ай», «чтоб тебя», «куда ж ты, сволочь, лезешь». Последнее – это уже жуку, нагло ударившему меня в ухо, а потом еще и попытавшемуся туда залезть. За душло принял, что ли? Но даже эти житейские неурядицы не заставили меня растерять хорошее настроение – все равно это лучше, чем в лаборатории. Солнце, пробивающееся сквозь листву, сверкание искорок на паутинке и голоса птиц, устроивших бурное обсуждение наглеца, посмевавшего вторгнуться в их владения... Что может быть прекрасней? Вот застучал дятел, что-то проорала сорока. Хм... Дятел? Сорока? А они тут есть? Ну, стук похож на стук дятла, а вот кто стучит, не видно. Ладно, я сказала дятел, значит, будет дятлом. Если на клетке с тигром написано заяц, значит, там заяц, а

кто не согласен – получит в лоб! И не надо мне предлагать войти в клетку и покормить «зайчика» морковкой. Если понадобится, войду и покормлю. И будет этот «зайчик» жрать морковку, иначе усы оборву, хвост узлом завяжу, лапы поотрываю. Маг я, в конце концов, или погулять вышла?

Блин, ну и чушь в голову лезет. Свежий воздух после годового затворничества действует не хуже наркотика. Неторопливо иду по тропе, поминутно вертя головой во все стороны, пытаюсь рассмотреть птичек, заодно высматривая подстерегающие опасности.

Никогда не думала, что ходить босиком по лесу так больно и утомительно, потому, кстати, и неторопливо шла, а во все не потому, что не спешила. А если еще пальцем по корню въедешь... у-у-у. Есть желание плюнуть на все, сбросить маскировку и залечить царапины со ссадинами, появляющиеся несмотря на все предпринятые меры. Отказалась от этого не потому, что опасно, кто тут увидит? Из-за того, что дорога впереди длинная и ситуации могут возникнуть разные. Если я не смогу перетерпеть такой пустяк, то не смогу выдержать и сдамся в более сложной обстановке. Тогда уж лучше сразу вернуться в подвал и не вылезать. Строга к себе? Может быть, но чтобы выжить, только так и надо. Никто меня в этом мире жалеть не станет, а любая ошибка может оказаться последней, и винить в ней некого, она только моя. Значит, надо быть сильной. А потому заткнуться и забыть про то, что ты маг и что все царапины можно залечить, стоит

только сбросить маскировку.

С этой маскировкой недоработали что-то древние Интерфекты, а мне приходится страдать: не получается при маскировке колдовать. Не получается, и все. Маскировка супер! Даже сама уверена, что я мальчик, в том числе и когда раздеваюсь... хм... Ладно, не будем о грустном. В конце концов, жизнь хороша, если не учитывать корни и ветки под ногами.

Вдали послышался стук топора.

В лесу раздавался удар дровосека и крики кассира: не дам кошелек!

Дальше не знаю. Не «не помню» (это я-то не помню?), а именно не знаю, точнее, Петька не знал дальше, который этот стих мне и рассказал. Криков кассира слышно не было, а вот стук топора раздавался с каждым шагом все отчетливей. На всякий случай свернула с тропы, выругалась тихонько и дальше старалась идти как можно тише. Выглянула из-за дерева. Могла бы и не подкрадываться – дровосек так увлекся делом, что ничего вокруг не замечал.

Я невольно залюбовалась его работой. Мужчина с густой, но короткой бородой, скинув рубашку, оставшись обнаженным по пояс, ритмично махал топором, выбивая щепки из дерева. Замахивался не руками, а всем корпусом, резко поворачивался, погружая топор все глубже и глубже в ствол дерева. От удара бисеринки пота, посверкивая в лучах солнца, слетали с его волос и рук. Дровосек мотнул головой, стряхнув пот с лица, но ни на секунду не прекратил ритмич-

ных махов. Казалось, он не работал, священнодействовал, так всегда кажется, когда наблюдаешь за настоящим мастером, который весь целиком ушел в дело, ничего не замечая вокруг. Налипшие на спину листочки и веточки, солнце, уже начавшее основательно припекать, беда любой весны, когда по утрам еще прохладно, а днем уже жарко, – ничего из этого не могло отвлечь мужчину. Прервать его сейчас мне показалось чуть ли не кощунством, так что я тихонечко вышла из кустов, устроилась в тенечке, вытащила из котомки краюху хлеба с сыром и принялась неторопливо жевать.

Есть что-то в наблюдении за тем, как работают другие люди. Затягивает. Знала, что захоти я – и свалю это дерево одним ударом, но никогда не смогу сделать этого с помощью топора и так ловко. Лесоруб выпрямился, расправив плечи и невольно поиграв впечатляющими мускулами. Интересно, этого мужчину можно считать маминой мечтой? Она всегда говорила, что неправильно выбрала мужчину своей мечты. Тогда еще мала была и не понимала, что она имела в виду, а вот сейчас задумалась, точнее, залюбовалась.

Дерево вдруг затрещало, накренилось и сначала медленно, словно нехотя начало падать, но постепенно скорость падения возрастала, оставшийся неподрубленным ствол еще пытался удержать его, напрягая все силы, но хруст с каждым мгновением усиливался, и вот треснули последние веточки, дерево на миг словно застыло и обреченно рухнуло вниз, ломая ветки соседей.

– Мамочки!

Дура городская, выбрала самое безопасное место – там, где лесоруб рубит, ну кто знал, что именно в ту сторону дерево падать начнет? Лесоруб-то что, отошел чуть в сторону и все, а мне каково?

Схватила котомку и кубарем покатила в сторону, пытаюсь одновременно отбежать и вскочить, в результате мое перемещение напоминало галоп бешеной обезьяны на четвереньках. Для скорости я чуть приподнялась и бежала, упираясь и руками и ногами, этакой буквой «Л». При этом выпустить котомку мне мешала жадность, и я волочила ее за собой.

– Куда ж ты... – Что там дальше лесоруб сказал, я не поняла, таким словам Маренс меня не обучал. «Непереводимая игра слов с использованием местных идиоматических выражений». Но мне сейчас не до анализа. Где моя телепортация?! А-а-а!

Отбежать я успела, но не до конца, дерево хоть и накрыло меня, но легкими ветками, не сучьями, иначе мое путешествие тут бы и завершилось. Убить не убило бы, все-таки в этом плане я уже маг и сумела бы вылечиться, даже если сердце пробыет, но путешествие пришлось бы отложить – сколько я там лечиться буду?

А лесоруб уже пробивался ко мне, отсекая топором мешавшие ветки. Вот наверху показался просвет, отлетела еще одна ветка, и я сумела высунуть голову.

– Жив, парень?

Я хлопнула глазами. Видать, видок у меня тот еще – торчащая из веток взъерошенная голова, хлопающая глазами. Мужчина замер на миг, разглядывая, потом, словно очнулся, подхватил меня под мышки и как морковку выдернул из западни, отнес в сторону. Я болталась в его могучих ручищах, прижимая котомку к груди, и испуганно хлопала глазами, с трудом понимая, где я и кто я.

Лесоруб ощупал меня со всех сторон и, убедившись, что все кости целы, сплюнул.

– Ну, куда ж ты полез, чурбан незрелый!

Интересно, а бывает зрелый чурбан? Наверное, бывает. Это я. Уже созрела. В том смысле, что теперь знаю, в какую сторону падают деревья, когда их рубят. Ну что ж, пословицу про одного битого за двух небитых я прочувствовала на собственной шкуре: не всегда безопасно там, где я думаю.

– Даже младенцы знают, где опасно стоять, а где нет! Эх, горе.

Я хмыкнула, а потом не выдержала и расхохоталась. Это уже нервное, а ведь думала, что научилась держать чувства под контролем, и вот, в первый же день путешествия их сорвало. Видно, слишком много впечатлений за день, а тут еще это. И вот результат. Дровосек глянул на меня, хмыкнул и отошел, давая мне возможность прийти в себя. Понимает, что «мужчину» лучше с его срывом оставить одного – не надо посторонних свидетелей. Но я-то не мужчина! Я хочу,

чтобы меня утешили, по головке погладили!

Ага, конфеточку дали, молочко подогрели. А ну заткнись и взять себя в руки!

Помогло. Нервный смех прекратился. Еще немного времени понадобилось, чтобы окончательно взять под контроль чувства. Так ведь и не дойти можно до конца путешествия, если любой пустяк меня из равновесия вышибет. Будем надеяться, что это благодаря сюрпризу первого дня и моей неопытности.

Лесоруб же тем временем старательно осматривался, но, убедившись, что я одна, расслабился и направился ко мне.

– Здравствуйте. – Не знаю, как тут положено здороваться, но, если верить книгам, общество людей в Алкене очень патриархальное и нравы простые: младший всегда должен оказывать уважение старшему и здороваться первым. Правильно сделала или нет, сейчас видно будет.

Лесоруб одним движением вскинул топор, проверил заточку, словно меня на мясо отправить решил. Это он напрасно, во мне мяса-то всего ничего, только небольшая подкладка между кожей и костями. Даже не наешься.

Нет, с моим черным и циничным юмором пора завязывать, а то еще ляпну что-нибудь подобное не в том месте и наживу себе огромную кучу неприятностей, и чудом будет, если их потом переживу. Впрочем, если я чему и научилась лучше всего в этом мире, так это умению держать язык за зубами. До сих пор все тело ныло, вспоминая наказания ар-

химага, когда я что-нибудь говорила без его разрешения.

– И тебе не хворать. – Лесоруб проверил топор, оставил его в сторону и огладил бороду, вытряхивая из нее щепки и листья. – Откель такой взялся, отрок?

– Оттуда, – неопределенно махнула я рукой. – Иду в Горноул. Вы не подскажете дорогу, дядечка?

Горноул – это первый город, который стоял на пути в столицу. Его миновать никак не получится, хотя и заходить пока в города мне очень не хотелось, но тут уж ничего не поделаешь. Самый короткий путь в него лежал по той самой дороге, с которой я сошла, но идти там что-то не тянуло. Лесоруб, похоже, меня в этом поддерживал.

– Вижу, куда ты идешь, башка дубовая, хоть и везучая. – Он задумчиво глянул на меня и продолжать тему моего умственного развития не стал, видно, понял, что я уже все усвоила. – Ты ведь с центральной дороги сошел? Так?

– Это такая, где центр мощеный? Ага. Но там магов полно ходит, лучше оттуда подальше держаться.

И опять насторожилась. Магам, в общем-то, плевать, что там скулики о них говорят и думают, но мало ли. Люди могут и по-другому считать, опасаясь говорить что-нибудь плохое про магов.

– Это проклятое отродье, – лесоруб сплюнул.

Ага, ну, по крайней мере, говорить о магах все, что думают, никто не боится. Маги не дураки и понимают, что надо оставить хоть какую-то отдушину людям, иначе непонятно,

к чему все может прийти. Вот и оставили такую – говорите все, что хотите, нас, великих, болтовня земляных червей не трогает, как вас не трогает карканье вороны. Если уж и это запретить, то обычным людям останется только удавиться.

– Я случайно на ту дорогу вышел... – «Вышел», «вышел», «вышел», ни в коем случае не «вышла», запомнить, зазубрить, зарубить на носу и других частях тела. – Сначала по ней шел, а потом мага увидал и свалил.

– Это ты правильно, – согласился лесоруб. Он уже успел достать откуда-то корзину с едой и теперь раскладывал нехитрую снедь на постеленную тряпицу. – А что тебе в городе?

Интересный интерес. А что его волнует?

– Да так, – пожала я плечами. – Думал устроиться учеником к кому-нибудь из ремесленников. У меня ни родителей, ни дома. Недавно только отца схоронил, вот теперь и ищу занятие.

– А-а-а. – Кажется, ничего необычного не сказала, мужчина воспринял все совершенно спокойно. Даже отломил немного от своего каравая и подвинул мне пару яиц.

– Спасибо, дядечка, – не стала я отказываться. Да и странно будет, если нищий мальчишка начнет жеманиться и отказываться от халявной еды.

Пока я торопливо хрумкала яйца и хлеб – вот уж не думала, что так проголодалась, – лесоруб о чем-то задумался.

– Скажи, а ты с лошадьми умеешь обращаться?

– С лошадьми? – Вот уж чему-чему, а ухаживать за лошадьми маги меня обучили. – Приходилось. Я частенько ухаживал за деревенскими.

– Отлично, отрок. – Лесоруб чему-то сильно обрадовался. – Ежели ты в свой Горноул не слишком торопишься, не хочешь на время задержаться у нас, в Чистых Ручьях?

– А что делать надобно, дядечка?

– Эм, видишь ли... – Мужчина усиленно зачесал затылок, видно, мысль оказалась слишком сложной для формулировки. У меня, кстати, такая же проблема, только наоборот: приходилось прикладывать усилие, чтобы разговаривать в его манере и не сорваться в «высокий стиль». Как бы то ни было, но я явно образованней этого человека. Приходилось контролировать каждое слово, не забывая использовать простецкие выражения, и вставлять слова-паразиты в речь, чтобы иметь возможность обдумать, как я буду говорить следующую фразу. – Конь заболел, – лесоруб вздохнул, переживая. – Ведунья говорит, выздоровеет, но ухаживать надо. А кому? Я рублю, жена в поле, а у меня еще дите малое, за ним тоже пригляд нужен. Ежели ты согласишься остаться, пока коняка не выздоровеет, за дитем присмотришь... Денег не обещаю, но сыт будешь, и в дорогу соберем.

Хм... а почему бы и нет? Так и так придется останавливаться в деревнях и подрабатывать.

– Согласен я, дядечка.

– Вот и отлично! – лесоруб поднялся, отряхиваясь. – Зови

меня Прохом. Дядька Прох я.

— А я... — А кто, собственно, я? Ау, Голос! Имя, так вас растак! Ну как же так можно?! Обо всем подумали, а об имени нет! — Э-э-э... — Надо что-то говорить. — Лан.

— Лан? — удивился дядька Прох. — Это откуда ж такое имя?

— Не имя это, дядька Прох, — принялась на ходу сочинять я. — Тятка так меня прозвал. Не знаю, откуда взял. Я и привык. Да меня в деревне все так звали, я лучше имени знал.

— Пушай будет Лан, — согласился лесоруб. — А пока помощи-ка мне с дровами, надо бы вязанку загрузить.

Пока пронесло, но с именем надо что-то делать. Присмотрюсь в деревне к парням, а там возьму понравившееся. Кстати, по поводу погрузки дров, а куда, собственно? Прислушалась. Сейчас, когда дровосек не стучал топором, а я все-таки соизволила обратить внимание на окружающую обстановку (нет, таким образом я точно никуда не дойду, либо разбойники пришибут, либо сама шею сверну). Чуть дальше изредка слышалось негромкое ржание. Ага.

Прох заметил мой интерес.

— У соседа лошадку взял, — снова вздохнул он. — В обмен на дрова. Эх, тяжело без своего.

Вот он поплевал на ладони, ухватился за топор и сноровисто взялся за ветки упавшего дерева. Я, следуя его указаниям, оттаскивала отрубленные ветки в сторону и увязывала их веревками. Блин, как же босиком неудобно и больно. И это я еще в лаборатории ступни магией обработала, страшно

подумать, что было бы, если бы не сделала этого! И как местные почти всегда босые ходят? Хотя у них есть время для тренировки. А я натура чуткая, впечатлительная. Может, ну его на фиг, это путешествие? Как подумаю, сколько мне еще идти...

Молчать, тело! Я тебе поскулю! Заткнуться и не тявкать! Это разве боль? Боль – это когда маг тебя учит или когда Голос тренирует, а тут массаж обычный! И для здоровья полезно.

Специально уперлась ногой в самые сучковатые ветки и потянула концы веревки, стягивая их в вязанку. Тренироваться. Тренироваться для дальнейшей дороги. Тренироваться и терпеть. Что-что, а это у меня лучше всего получается. Особенно терпеть.

Когда Прох закончил с поваленным деревом и пришел ко мне на помощь, дело двинулось живее. Он с какой-то кажущейся легкостью увязывал вязанки и играючи укладывал их в ряд.

– Ну вот, шас подводу подгоню и загрузим.

Непонятно каким образом, но дровосек таки сумел подогнать телегу с лошадыю, хотя мне казалось, это невозможно. Наверное, заранее присмотрел путь и где надо его расчистил. И вязанки ведь уложены так, что можно быстро и без труда их загрузить, только телегу чуть подправляй и знай себе кидай.

Кидать пришлось мне, а Прох укладывал их и крепил, по-

могал, если ему казалось, что я не подниму вязанку высоко. Мне-то что, я не спорила, хотя могла бы и просто закинуть, особо тяжелыми они мне не казались, но... контроль и еще раз контроль. Господи, сколько же всего контролировать приходится: слова, манеру держаться, силу, выдуманное имя, реакцию окружающих на мои слова. И это только первый день! Что дальше будет? Ладно, для того все и затеяла, чтобы врат в этот мир и постараться не выделяться. Неужели у меня не получится уверенно сыграть бродяжку?

– Н-но, пошла. – Прох стеганул поводьями и зашагал рядом с груженной телегой, держа в руках вожжи и закинув топор на вязанку.

Я пристроилась рядом, хотя в лесу так идти не очень удобно. Впрочем, из леса мы быстро выбрались на хоть и не очень хорошую, но наезженную и достаточно широкую дорогу. Кажется, она идет параллельно центральной и ею весьма активно пользуются. Хм... а люди не дураки, просто параллельно шоссе проложили другую дорогу, только чтобы поменьше с магами пересекаться. Теперь понятно, почему в той поездке мы так мало путешественников встретили. Это у больших обозов выбора особого нет, по этой они не пройдут, а так все предпочитают пусть менее удобную, зато дорогу без магов. «Любят» магов на Алкене. Так любят, что предпочитают дорогу новую проложить, только чтобы с ними не встречаться. Вот и первый сюрприз, а сколько их еще будет. Разве узнаешь все это, сидя в библиотеке или прыгая через те-

лепорт? Ради таких мелочей и стоило затевать путешествие через полстраны.

Деревенька Чистые Ручьи оказалась не слишком большой, домов на двадцать... да каких домов, так, то ли мазанки, то ли сараи с окнами, затянутыми чем-то мутным и полупрозрачным. Когда-то читала, что в старину окна закрывали бычьим пузырем, может, это он и есть. Но даже такие заменители стекол имелись не во всех домах, где-то окна вообще ничем не закрыты. То ли сняли после зимы, то ли никогда ничем и не закрывали, а на зиму просто заколачивали.

Зима... зима... все понятиями своего мира думаю. Зимы на Алкене – так, одно название, немногим холоднее лета. Климат тут вообще на удивление ровный, и снег если где попадается, то только высоко в горах. Не знаю, на всей Алкене так или только в империи Исмаил. Но все равно все еще привычно полагала, что зима – это ух! Морозы, снег...

Деревня нас встретила гомоном домашней птицы, мычанием коров из некоторых дворов и почти полным отсутствием людей, только дети в возрасте до шести лет иногда мелькали за частоколом того или иного дома. Вот и гадай, что это значит: попрятались при постороннем или в деревне действительно никого нет.

– Не вернулись еще с поля, – вздохнул лесоруб. – Плохо без коня, приходится раньше возвращаться, Рыська и в поле нужен. – Мужчина ласково потрепал коня по загривку.

Миновав несколько домов, мы вышли к более-менее при-

личному строению – бревенчатому сруб. В общем-то, все дома в деревне сделаны очень похоже, наверное, срубы – очень удобная вещь, если таким образом собирают дома даже в другом мире. Только непонятно, зачем дом вкапывать, а не приподнимать, ведь внутрь вода натечет. Конечно, я вижу, что вырыты ямки, отводящие воду, но зачем себе лишние сложности создавать?

Спрашивать не стала, вдруг есть какая-то причина, о которой все знают, а я тут вылезу со своим вопросом. Сейчас мне надо меньше говорить и больше слушать. Как ни странно, но, слушая, порой получаешь больше информации, чем спрашивая. Это я узнала, еще когда на разведку в замок выбиралась. Главное уши держать открытыми.

– Папка пришел! – Нам навстречу выскочил мальчонка лет восьми и прыгнул отцу на шею.

– Ох, осторожнее. Как там Мирра?

– Спит. – Тут мальчишка увидал меня и замер, не зная, как реагировать.

– Вот, помощника привел тебе. Теперь маме не придется одной в поле выходить.

– Привет. – Тут я посчитала вежливость излишней. – Я Лан, а тебя как зовут?

– Конрес. А ты работник новый?

– Ага. – Конрес? Нет, такое имя я себе точно не возьму. – За конем буду ухаживать. Мне дома приходилось это делать.

– Конрес, проводи парня к Чернышу.

Заболевший конь стоял в конюшне, по внешнему виду мало отличавшейся от дома. Не знала бы, где что, точно перепутала бы. Черныш свое имя оправдывал, весь черный, только белая звезда во лбу. Как я и предполагала, неказистая рабочая лошадка, не скаун, но точно выносливый. Я осторожно приблизилась к нему, протянула руку с небольшим кусочком хлеба – ради того, чтобы подружиться с коньком, не пожалела. Тот покосился на хлеб, но брать не стал.

– Не ест, – вздохнул мой проводник. – Даже у папки не берет, а папку он любит.

Совсем плохо. Меня учили ухаживать за конями, но здоровыми. Для лечения специальные люди есть, хотя мне приходилось помогать им. Точнее, как помогать, присутствовать. Кто попросит о помощи апостифика? Вспомнила, как проводил доктор осмотр, и его слова, которые он бормотал себе под нос – была у эскулапа такая привычка. Все же хорошо, когда есть возможность вспомнить любой момент из прошлого со всеми подробностями.

Похоже, пакостей от Черныша ждать не приходится, несчастное животное совсем ослабло. Осмотрела. Понятно, что коняшка просто простудился, но как лечить, я понятия не имею.

– Эта, што ль, работник новый?

На пороге стояла дородная старушка в теплой куртке и длинной, до самой земли, юбке из какого-то темного и плотного материала. И не жарко ей? Старушка, прищурившись

со света, оглядела меня с ног до головы, ничего не сказала и прошла мимо к коню.

– Госпожа ведунья, – мальчишка явно обрадовался. – Со всем плох Черныш, не ест ничего.

– Плохо, – прошамкала старушка. – Надо его заставить, иначе помрет.

– Совсем плохо тогда будет, – мальчик чуть не плакал.

Старушка повернулась ко мне:

– Прох говорил, что ты ухаживал за конями, сможешь накормить Черныша?

Как-то я видела, что в таких случаях делал в замке ветеринар, но не уверена, что у меня получится. Но ведь не показывать страха тут? Уверенно подошла к коню, погладила его, взяла те травы, которые принесла старушка для лечения, после чего выклянчила торбу овса. Вот, блин... крестьяне. Конь болеет, а им овса жалко, все сеном кормят, потому, наверное, и есть не хочет. А вот овес схрумкал с удовольствием, даже на травы ведуньи, которые я туда кинула, предварительно измельчив, внимания не обратил.

Минут за десять, в общем, мне удалось справиться и заставить Черныша поесть. Вся взмокла, пока старалась. Вот тут и пожалеешь, что нельзя магию использовать, как бы просто с ней было: подчинил разум коня – и заставляй делать его что хочешь.

Фантазии-фантазии. Не умею я пока подчинять столь высокоорганизованных животных, хотя и тренируюсь. Вот на-

секомых сколько угодно. Однажды даже для пользы дела паука использовала... Я коснулась веревки на поясе. Пригодится это или нет, но совсем безоружной я выходить не рискнула, а утоньшенная нитка, которую я использовала, чтобы избавиться от ошейника, натолкнула меня на одну мысль.

И чего это старуха так подозрительно посматривает на меня? Вроде бы справилась с ее заданием.

Мы вышли из конюшни, и ведунья рассмотрела меня уже более внимательно. На всякий случай постаралась с ней взглядами не встречаться. К счастью, в этот момент подошел Прох, обрадовался, узнав, что Черныш поел, потом попросил помочь с разгрузкой дров. Конрес убежал домой, приглядывать за больной сестренкой, а я отправилась вместе с лесорубом, почти физически ощущая сверлящий подозрительный взгляд старухи. И чего она ко мне прицепилась? Я безобидный бродяжка, нищий мальчишка без гроша в кармане.

Дрова мы сгрузили в соседнем дворе, как я поняла, это и есть обещанная плата за коня, а теперь Прох собирался снова ехать в лес, уже за дровами для себя. Предложила помощь (все подальше от этой слишком уж осторожной ведуньи).

До вечера успели сделать еще два рейса, вымоталась с непривычки так, что с трудом передвигала ноги. Думала ведь, тренировки помогут освоиться, но куда там, крестьянский труд оказался тяжелее тренировок. Ну, не совсем крестьянский, однако легче от этого не стало. Зато поближе по-

знакомилась с Прохом и стала для него «своим малым». Он хоть и не любил болтать во время работы, познакомил меня заочно с жителями деревни и рассказал, чем они занимаются. Ну, тут как обычно: растят хлеб, недавно вот капусту еще посадили. Сейчас самая горячая пора полевых работ, дома остаются только совсем маленькие или те, кто должен приглядывать за малышами. Конрес обычно отправляется вместе с матерью в поле, невелика от него помощь, но есть, а тут младшая сестренка заболела, будто коня мало. Потому и понадобилась моя помощь, что Прох не успевает везде и не справляется.

Решили, что раз я смогла заставить коня есть, то мне за ним и ухаживать, заодно за Миррой присмотрю. С ней ничего серьезного, главное отдых и еда, но больную пятилетнюю девочку без присмотра не оставишь.

В деревне первой, кого увидела, оказалась ведунья. Вроде бы и не обращает на меня внимания, но нет-нет да глянет. Даже Прох удивился, чего она за нами по пятам ходит, а мне уже надоедать это стало. Ну вот чего прицепилась? Может, она маг? Да даже если и так, моя маскировка совершенна, и никакому магу через нее не пробиться, она ведь рассчитана архимагов обманывать, а не деревенскую ведунью-травницу. Ладно еще в дом Проха не потащилась.

За столом познакомилась с женой лесоруба, оказавшейся невысокой и не очень красивой женщиной лет двадцати пяти. В моем мире это еще молодость, тут же считается зре-

лым возрастом. Тридцать – уже старуха. Вот и эта женщина... моя мама старше, но выглядела намного лучше этой уставшей женщины. Чертовы маги! Я видела в Доме Кайтаидов женщин, которым больше двухсот лет, но выглядели они при этом лет на восемнадцать. И их руки не знали тяжелой работы. Я ведь не могла не обратить внимания на руки женщины, когда она положила передо мной деревянную ложку.

– Кто работал, тот и ест.

– Я не лаботала, – высунула голову из-за стола девчушка. Я улыбнулась.

– Будешь работать, когда выздоровеешь, – серьезно ответил ей отец.

– Буду, – согласилась та.

Рилла, жена Проха, за столом почти не разговаривала, и даже присутствие незнакомого человека не вызвало ее интереса, а после еды она сразу отправилась спать: видно, совсем вымоталась. Но чем я могу ей помочь? Вот разве что хорошо делать то, ради чего меня наняли, это и будет лучшей помощью.

Со следующего утра я и приступила к своим обязанностям. Как я уже узнала, фамилий у крестьян нет и семья называется по имени главы. Прох и Проховы дети. Причем жена Проха тоже была Прохова дочь. Запутано немного, и я пока не до конца это поняла, а спрашивать, понятно, не рискнула.

Мирра оказалась непоседливой девчушкой. Вчера ей ста-

ло получше, а сегодня вообще носилась по двору не останавливаясь, от недавней болезни и следа не осталось, я только и успевала отлавливать ее – то в дровяном сарае, то в конюшне, то на крышу дома заберется, а у меня сердце в пятках: не дай бог свалится. Еще дать сена коню, убратся в конюшне, подмести двор. За всей этой суетой мне было не до ведуньи, хотя иногда я видела ее то бредущей мимо куда-то к лесу, то сидевшей на лавочке у дороги.

– Лан! Лан, а мона мне каску?

– Потерпи. – Едва успела поймать руку неугомонной, уже было сунувшейся в горшок. Повар, конечно, из меня тот еще, особенно на печи, но кое-что сделать получилось. Все Рилле меньше работать, когда она вернется. – Скоро отец твой приедет, ему тоже кушать захочется. Вместе поедите.

Несмотря на очень примитивный и бедный быт, особо голодающих я в деревне не видела. Ходят в откровенных лохмотьях, из обуви какие-то тряпки, и кора вместо подошв, дети поголовно босые, а мальчишки порой и без рубашек носят. В домах грубые скамейки, стол и кровать. Дети обычно спят либо на полатах, либо на сеновале, где и меня, кстати, поселили вместе с Конресом. Мирра, по причине болезни, спала вместе с родителями. Но при этом запас еды в доме хороший и еда разнообразная, потому и рискнула сварить кашу. Дома-то я частенько сама себе готовила, только там плита электрическая, всякие специи. А тут прежде, чем что-то варить, надо костер развести, котелок пристроить. Хоро-

шо я с отцом в походы частенько ходила и сумела справиться. К печи в доме я и подойти не рискнула, на улице все варила. И вроде бы даже получилось, мне понравилось. Мирре, которой я дала на пробу, как местному индикатору, тоже. По крайней мере, она тут же попыталась залезть в котелок за добавкой. Не очень, хороший, кстати, котелок. Очень грубая работа и кривая. Да, всем хороша магия, но вот ничего с ее помощью создать не получается. Ни хлеб вырастить, ни одежду смастерить, ни котелок сковать. Только презирать людей маги и умеют. Ненавижу! Тут разница даже не между дворянами и крестьянами в моем мире, много хуже. Я могу оценивать – видела разницу в жизни магов и обычных людей. И маги еще смеют презирать тех, чьими трудами живут? А что они сами смогли бы сделать, без этих вот обычных людей? Скуликов, как они презрительно их зовут. Ради всей их роскоши Прох и его жена вынуждены горбатиться с утра до вечера, дети с семи лет начинают помогать родителям.

Под рукой хрустнула жердина изгороди. Я вздрогнула, надо быть все же сдержанней в чувствах. Оглянулась, и, кто бы сомневался, ведунья тут как тут. Стоит, смотрит. Сделала вид, что жердина уже была треснутой и я подошла ее починить. Эта ведунья уже откровенно начинает меня нервировать. Появилась даже мысль ночью придушить ее или ненадолго сбросить маскировку и просто остановить ей сердце. Сама испугалась этих мыслей и поспешно занялась работой, пытаюсь отвлечься. Проклятый мир и проклятые маги!

Голос хорошо постарался в тренировках, готовя из меня убийцу, но тут уже взбунтовалась я. Не хочу для себя такого! Как в свое время отказывалась признавать себя вещью, упрямо цепляясь за остатки достоинства, так и с ним изо всех сил сопротивлялась превращению в холодного и циничного убийцу. Благо Голос не человек и в некоторых ситуациях до ужаса неуклюж и некомпетентен. При всех объемах его знаний он оценивал ситуацию и мою реакцию на его уроки очень примитивно.

Постепенно втягивалась в жизнь деревни. Прох явно мной доволен, его жена тоже: еще бы, я взяла на себя почти все работы по дому, и теперь ей не нужно по возвращению с поля еще и готовить, а потом убирать.

– Молодец, Лан, – неизменно хвалил меня лесоруб. – Само небо послало мне тебя в лесу, даже не представляю, как бы мы со всем этим справились без тебя.

Единственное неудобство, меня, как «мальчишку», не стеснялись ни Прох, ни Конрес, потому периодически приходилось выскакивать из дома или сеновала под надуманным предлогом, когда тем приходила в голову мысль переодеться. Видно, предлоги становились уж очень надуманными, поскольку Прох стал коситься на меня не хуже ведуньи, правда, в отличие от нее, не надоедал постоянным вниманием.

Мирра переселилась к нам с Конресом на сеновал. Тот ворчал по поводу присутствия девчонки, которая мешает

«мужским» разговорам, но не прогонял ее. Понятно почему, ему-то мужская гордость мешала сознаться, что мои истории интересны, зато послушать, когда рассказываю их его сестре, он был не прочь. Случайно получилось, когда девочка отказывалась спать, рассказала ей сказку на ночь. Нет-нет, вовсе не моего мира сказку, ту, что в библиотеке Кайтаидов вычитала в книге, оттуда и остальные сказки стянула. Я еще не сошла с ума оставлять такой след Маренсу, как истории чужого мира. Дойдут они до него, сразу поймет, что к чему. Может, и перестраховываюсь, но, как я уже говорила, параноики дольше живут.

Если бы не ведунья, было бы совсем хорошо. Но к ней я уже привыкла, тем более твердо решила через три дня идти дальше, а то уже почти готова поселиться в деревне. Прох, кажется, не отказался бы меня усыновить. Самой не хочется уходить, но надо.

Утром отправилась за водой и у колодца столкнулась с ведуньей. Та хромала по дорожке и вдруг споткнулась, завалившись на меня. Еле успела подхватить, но не удержала, старушка оказалась неожиданно тяжелой. Я бы удержала, но пришлось падать, согласитесь, подозрительно, если худющий мальчишка спокойно поднимет довольно упитанную старушку. Старушка, похоже, своими локтями прошлась по всему моему телу, пока поднималась. Еле удержалась, чтобы не обругать ее услышанными от Проха словами. Глянула на ведунью и только тут поняла, что падение вовсе не случайно,

уж очень растерянной старушка выглядела. Вовсе не просто так она неудачно поднималась – пыталась определить, кто я, мальчик или девочка. Не верит мне ведунья ни на грош. Где же я так прокололась, что она заподозрила обман? Или дело в огромном личном опыте? Огляделась, есть ли кто поблизости, и повернулась к ведунье:

– Что вам надо?

Та улыбнулась.

– Все же я права, ты не тот, кем хочешь казаться. Была даже уверена, что ты девочка, очень уж...

– Так чего вы ко мне пристали? – Ясно, где прокололась, на хозяйственных делах.

– Я забочусь о деревне, а я не знаю, кто ты и какие у тебя цели. Только ты не тот, кем хочешь казаться. Не знаю, в чем дело, но ты очень странный.

То же мне новость. Снова огляделась.

– Послушайте, через три дня я уйду, и мы вряд ли еще когда увидимся. Какая разница, кто я и откуда?

– Точно уходишь?

Кивнула.

– Уже и Проху сказал.

– Он тебя отпустил? Мне казалось, он хочет тебя в семье оставить.

– У меня своя дорога.

– И мне лучше не болтать? Старая Граша все понимает, и она понимает, что порой лучше знать меньше.

– Спасибо, – поблагодарила я. Непонятно зачем, но решила, что не помешает.

А через три дня я покидала приветливую деревню, где провела почти две недели. Провожать меня на околицу вышла вся семья Проха. Дети плакали, сама чуть не ревела, вот уж не думала, что стану настолько чувствительной.

– А может, все же останешься? – поинтересовался Прох. – Куда тебе идти?

– Спасибо, дядя Прох, но надо. Может, найду родню отца.

– Тогда ладно, – вздохнул лесоруб и вдруг порывисто обнял. – Но ты помни, что в любой момент можешь вернуться, мы тебя примем.

Эх, дядя Прох, дядя Прох. Знал бы ты, что я один из тех проклятых магов, которые однажды убили твоего отца просто потому, что он случайно оказался не в том месте. Что бы ты тогда сказал?

У меня на шее повисла зареванная Мирра.

– Не уходи-и-и-и-и... позалуста-а-а-а...

Отвернулась. Решительно передала девочку матери, закинула на плечо изрядно потяжелевшую котомку и, не оборачиваясь, зашагала по дороге. Что бы меня впереди ни ждало, это моя жизнь. А если останусь здесь, все эти люди окажутся в опасности, стоит кому-либо из Кайтаидов узнать меня. Слишком уж близко эта деревенька к их замку, вдруг кто заглянет. У магов ведь тоже абсолютная память, и моя маскировка их не обманет, тем более лицо не сильно меняла,

вообще старалась по минимуму изменения вносить, так надежней. Другой вопрос, присматривался ли кто к чужой вещи? Но к чему лишний риск? Эх, дорога, пыль да туман... Вся моя жизнь впереди сплошной туман...

Не пойму, дождь, что ли, пошел? Вроде небо ясное. Откуда тогда эта влага на щеках? Вытерла лицо и ускорила шаг, стараясь быстрее уйти подальше и не слышать никого из тех, к кому успела привязаться за это время... Может, не стоило так уж сопротивляться Голосу, когда он хотел сделать из меня идеального убийцу? Как мне было бы легче. И почему я такая упрямая? Всегда норовлю сделать все наоборот, если давят. Как в свое время сопротивлялась Маренсу, так потом и Голосу.

Глава 2

Следующие две недели я провела в дороге. Оказалось, что самая безопасная ночевка на Алкене – это ночевка в лесу, в самой чаще, подальше от людей. Вот в таких местечках среди буйных зарослей папоротников пополам с какими-то колючими кустами я и наловчилась ставить свой шалашик. Быстренько разводила костер, выжигая маленький пяточок земли, заодно и прогревая ее, соединяла верхушки папоротников и кустов в одну косицу, и шалашик готов. Безопасно, уютно и не каплет. Всегда бы так спокойно путешествовала бы, но, увы, вскоре показался город.

Вопреки опасениям, город Горноул никаких неприятностей не доставил. Стража у ворот проводила меня ленивым взглядом и напутствием не воровать тут, а то... Поболтавшись по базару и послушав местных сплетен, я напоролась на то, что ожидала увидеть меньше всего, – рабский базар. Могла предполагать о наличии такого на Алкене, но все же... все же... Люди поразительные скоты. Сами находятся практически в рабстве у магов, когда любой сопливый мальчишка-неофит может убить кого угодно из обычных людей, и его даже не поругают – в своем праве, но с энтузиазмом обращают в рабство себе подобных. Самоутверждаются они так, что ли?

Вот только эти философские вопросы никак не могли мне

помочь, приходилось решать практическую сторону. Что делать мне? Голос ничего про рабство не упоминал, наверное, в его время оно еще не было развито. Как ни противно, но придется потолкаться среди рабов и послушать, как они дошли до жизни такой. Одно дело, если есть какие-то свои законы об этом, а другое, если охотники отлавливают на дорогах таких, как я. И если есть законы, то лучше их знать.

Присмотрела среди рабов сверстников и неторопливо прошла мимо скованных мальчишек. Их так опасаются, интересно? Стражник попытался отвесить мне подзатыльник, но я вовремя отпрыгнула.

– Чего тебе, сопляк?

– Просто смотрю, – пожала я плечами.

Я не боялась, видела, что тут толкуются такие же оборванцы, как я. Некоторых стражники явно знали и бросали им хлеб или те продукты, что предназначались рабам. Вот интересно, это такое проявление милосердия или жестокости? С одной стороны, кормят голодных, с другой – рабы тоже не шикуют.

Бродила долго, на меня уже другие нищие стали косо поглядывать, один раз даже попытались наехать, но я отбрыкалась тем, что к вечеру из города уйду. Взгляды попрошаек тут же потеплели, и мне посоветовали место, где лучше просить милостыню. Странная доброта. Помогают, уступают доходное место, но вот чувствовала, что вздумай я задержаться здесь еще хотя бы на день – и хорошо, если жива останусь.

Тоже, скорее всего, неписаное правило. Отловила какого-то мальчонку лет пяти в таком рванье, что даже на пугало не стала бы эти тряпки надевать. Посчитала, что его можно безопасно поспрашивать. Ага, тут же его охрана нарисовалась и чуть бока не намяли. С трудом убедила, что хотела только задать несколько вопросов, мол, ищу знакомых, и даже готова заплатить, в доказательство чего протянула малышу медную монетку. Тот мигом согласился ответить на все вопросы и показать город. Его охрана тоже успокоилась, хотя продолжала маячить вдалеке.

– Смотри у нас! – грозно предупредили меня и отошли. Видно, монетка эта несчастная считается большим заработком, раз ради нее малец бросил место, где просил милостыню. Что же за жизнь в этом проклятом мире?!

Для вида попросила показать приметные места города, а сама осторожно задавала вопросы. Могла бы и не осторожничать, мальчишка оказался очень словоохотлив и выбалтывал много больше того, что я спрашивала. Просто клад, а не проводник. Как оказалось, среди нищих действительно есть неписанные законы. Мир суров, и выжить здесь одиночка не может, тем более такие беззащитные люди, как бродяги и нищие. Потому они и стараются помочь друг другу, если кто нуждается, но только до определенного момента, после которого и правда могут прирезать, а тело где-нибудь закопать. В чем предел – фиг его знает, одна из тех вещей, которая всем очевидна, но чужаку разобраться трудно. Поняла толь-

ко, что, прося о помощи, врать нельзя ни в коем случае. Со-
врешь – и ты труп. Без вариантов. Я невольно попросила о
помощи и сказала, что к вечеру уйду. Столько меня терпеть
местные согласны и помогут чем смогут. А если окажется,
что я соврала и пытаюсь заработать больше, чем мне позво-
лили... понятно, в общем.

Поспрашивала и про рабов. Оказывается, есть законы, и
тут я слушала очень внимательно. В общем, свободного че-
ловека, даже последнего бродягу обращать в раба нельзя.
Правда, мальчишка тут же сообщил, что если охотники пой-
мают на дороге какого одинокого путника, то никто не ста-
нет выяснять, свободный он или нет. Так, первый вывод –
охотникам на рабов попадаться не стоит, второй вывод – пу-
тешествовать лучше не одной, уже с двумя, даже бродяга-
ми, охотники предпочитали не связываться. Почему, опять
непонятно, но мальчишка уверял, что так и есть.

– У них и так хватает заработка, – пожал он плечами на
мой вопрос. – А сбежит один, так всех их казнят за попытку
сделать рабом свободного.

– А как отличают раба от свободного?

Мальчонка удивленно посмотрел на меня.

– Ты откуда такой глупый свалился? По клейму, конечно.
Такое клеймо можно поставить только с помощью спе-
циального амулета магов. – Ну, кто бы сомневался, если ка-
кая мерзость, то точно без магов не обошлось. Но и понятно,
зачем они поддерживают рабство, так намного проще добы-

вать материал, как они это называют, для опытов. И возмущение у людей не вызывает... хотя что им до этих возмущений. — Амулеты же выдают только доверенным людям, а клеймить свободного... самому рабом можно стать.

Я задумалась. С одной стороны, система более-менее защищает обычных людей, все-таки магам не нужны сплошные рабы, с другой, раз все равно похищают, то, значит, как-то это все обходится, и эти доверенные люди имеют неплохой дополнительный заработок. Ну, тут без сомнений — все понимают, что маги из-за нескольких бродяжек, клейменных против закона, устраивать разборки не будут, главное не нагнеть. Скорее всего, потому двоих стараются не трогать, тут уже риск непропорционально возрастает по сравнению с прибылью.

Что же касается того, что мой проводник называл клеймом, скорее всего, это обычная магическая печать, какие ставят слугам в замке, только попроще. Печать для слуг — это уже ментальная магия, она служит для подчинения, сомневаюсь, что маги такой инструмент доверяют обычным людям, пусть даже для рабов. Тем более печать такой сложности должен ставить маг лично, а уж чтобы маги являлись по зову людей клеймить раба... в это я вообще не поверю. Амулеты у этих доверенных людей, очевидно, все же артефакты, то есть не одноразовые, их только заряжать надо. А заряджение амулетов — хорошая тренировка для неофитов. Совмещение дела и практики. Скорее всего, разряженные амулеты

доверенные люди сдают по описи, их заряжают и возвращают обратно.

Тут мне в голову пришла еще одна мысль: раз амулеты выдают только доверенным людям, то их ведь можно и привязать к ним, то есть никто, кроме конкретного человека, таким амулетом воспользоваться не сможет. И можно точно установить, кто клеймил того или иного раба. Как же мне захотелось посмотреть на эту печать, чтобы проверить догадки. Информация, пожалуй, настолько важная, что стоит рискнуть и снять маскировку, из-под нее не только магичить не могу, но ведь и ничего магического рассмотреть не получается.

– Скажи, а есть где укромное место, где можно отдохнуть немного?

– Ага, – радостно согласился мальчишка: видно, тоже устал мотаться со мной.

Место, куда он меня отвел, оказалось укромным, но для моей цели не подходило совершенно – какие-то полуразваленные сараи почти у крепостной стены, где уже находились другие люди. Меня встретили не очень приветливо, но и не доставали, видно, уже слышали обо мне и знают, что я собираюсь вечером город покинуть. Мне бы так получать информацию. Уже жалела даже, что пообещала скоро уйти, неплохо бы тут немного побродить и присмотреться. Но, увы, слово обратно не вернешь, не поймут тут этого, придется уходить. Ну да ладно, у меня на пути и другие города попадутся,

а я теперь знаю, как стоит себя вести и что можно говорить, а что нет. Эх, сто раз была права, когда решила идти в столицу пешком, а не телепортироваться, – как бы я там устроилась без полученной информации? Ляпнула бы, как здесь, что уйду к вечеру, и пришлось бы уходить или устраивать войну со всеми нищими столицы. Войну бы выиграла, но тогда даже до последнего идиота дошло бы, кто я такая, и уж точно появление непонятного мага заинтересовало бы Дома.

И опыт, сын ошибок трудных... как это правильно. И словно про меня сказано.

Укромное место пришлось искать самостоятельно, в конце концов, забралась в какой-то бедный дом, где, точно знала, отсутствовали хозяева, – по словам моего проводника, уехали в деревню за продуктами. Понятно, что мальчонку отпустила раньше, дав еще один медяк. Пусть их у меня мало, но ради уже полученной от него информации не жалко, а для меня она жизненно необходима.

В доме сняла рубашку, воротник которой еще в лаборатории превратила в артефакт, посчитала, что воротник повредить труднее всего. Фиговый артефакт, все-таки ткань – не очень подходящий материал для таких целей, но мне сойдет. Амулет многоразовый, но разряженный, значит, для начала его надо наполнить. Точнее, для начала надо сделать другое...

Прикрыла глаза, – не обязательно, но мне так легче, – а теперь распутываем заклинание маскировки. Вообще лю-

бое заклинание, которое делал сам, снимается мгновенно, одна проблема: моя маскировка блокирует магию. Как можно снять магическое заклинание, если твоя магия заблокирована? Конечно, как любое заклинание, рано или поздно оно само разрушится, когда энергия закончится, только сколько времени это займет? В моем случае года. Вот тут и есть сложность, делающая применение этого заклинания очень неудобным. Чтобы его снять, сначала надо расплести силовой узел, по которому идет энергия. Расплести в своем сознании, где и строятся все заклинания, а это процесс не очень быстрый. Насколько быстрый – вопрос тренировки и сноровки, например, первый раз я снимала его минут десять и даже уже испугалась, что не получится. Сейчас провозилась минут пять.

Так, силовые линии разрушены, осталось только развеять силовой каркас, но это дело мгновений. Теперь напитать артефакт энергией и применить его. В магическом зрении я видела, как из моей рубашки возник силовой каркас, который немедленно прилип к потолку и стенам, накрыв всю комнату своеобразным куполом, вот по готовым линиям устремилась энергия, запитав их. Все. По сути, внутри комнаты создан аналог защищенной арены в лаборатории и теперь, сколько бы я ни магичила, ни один маг, оказавшийся рядом (чего он в этих трущобах забыл?), но... про параноиков я уже говорила не один раз... ничего не почувствует. В общем, магичить можно без опасений.

Итак, первое правило: проверить сработавший амулет на предмет целостности силовых линий. Сделано, да и что ему будет? Но правила, по заверению Голоса, написаны кровью многих поколений Интерфектов, и пренебрегать ими не стоит. Если амулет повредится, то исправить его нужно, пока я нахожусь под защитой, иначе, если обнаружу повреждения при попытке установить купол, восстанавливать его придется уже без всякой защиты, а если в это время на меня будут охотиться... понятно, короче.

Надела рубашку, подпоясалась и потянулась – эх, уже стала привыкать к мальчишескому телу. Вечерело, и тени в городе вытянулись, захватывая почти все улицы, – то, что надо. Раннее утро или вечер – вот время Интерфектов, когда солнце отбрасывает от предметов самые длинные тени.

До рабского рынка я добиралась минут тридцать – все-таки двигаться в Тени не очень удобно, словно сквозь воду пробиваешься. Вроде бы и можно, но утомляет. Вышла к месту, где держали рабов-мужчин. Да как держали? Толстый брус, к которому крепились цепи с ошейниками, на эти ошейники рабов и посадили, как собак каких. Легкий навес от дождя и солнца, все-таки товар и о нем должна быть хотя бы минимальная забота. Вот купят их – и хозяева могут что угодно с ними делать, а пока, главное, товарный вид сохранить. Женщин, кстати, я не вижу, хотя подозреваю, что их держат вон в том сарае, о них проявляют больше заботы. Впрочем, мне без разницы, кто из рабов попадется, ме-

ня интересовала печать. Но пришлось ждать еще минут десять, когда тень переместится к рабам поближе. Показываться совершенно не хотелось, кто их знает, этих рабов. Кто-то промолчит, а иной, в надежде на похвалу хозяев, и расскажет о непонятном мальчишке... или уже девчонке... блин, сама запуталась, в общем, расскажет о непонятном посетителе, и кто знает, что те сделают. Может, и ничего, но... да-да, уже надоела всем, постоянно поминая параноиков, больше не буду про них ничего говорить, но и не удивляйтесь моей излишней осторожности, иногда даже откровенной трусости. Труссы, кстати, тоже частенько живут дольше обычных людей.

Но вот тени легли как надо, и я приблизилась к навесу. Печать отыскала быстро: ее ставили на плечо, и в отличие от печатей Домов или слуг она видна всем, даже простым людям. Первый раз, когда подходила к рабским загонам, я заметила ее, но приняла за татуировку, магию-то совсем не чувствовала под маскировкой. Теперь ясно видела – печать. Как и предполагала, простейшее заклинание с привязкой к личности того, кто ее ставит, отпечаток ауры виден четко, причем ауры не раба. Хм... если знать, что искать, печать ощущается издалека, думаю, километров с пяти засечь можно. Опять эти пять километров. Помнится, Маренс тоже у меня мог качать энергию не больше, чем с пяти километров. В общем, обычная сигналка, позволяющая отыскать беглого раба, если понадобится, и опознать его, не более. Присмотрелась к

узору: да уж, такие я распутывала уже через месяц обучения, с закрытыми глазами могу уничтожить, а вот обычные люди убрать печать не смогут. Можно всю кожу с руки содрать, все равно проступит. Руку отрубишь – появится на теле. Зачем тогда цепи, все равно с такой меткой не скроешься? И ведь и руки и ноги в кандалах, да еще ошейник. Странно. Но смысла выяснять это я не видела. Пора уже уходить, да и темнеет, надо успеть покинуть город до того, как закроют ворота. Что случится, если не успею, лучше не думать, уверена, что местные нищие оправданий слушать не станут. А ведь еще надо успеть заклинание маскировки восстановить.

Успела. Почти в последний момент успела. Если не считать этого, то никаких проблем в городе у меня не возникло, а информации получила море, нужно только обдумать ее в спокойной обстановке. Потому и говорила, что ночевать в лесу, в шалаше, подальше от людей намного безопаснее, чем рядом с ними. Вот так и двигалась, а на третий день повезло прибиться к небольшому каравану, владелец которого согласился нанять меня за кормежку до конца поездки. В мои обязанности входил уход за животными и выполнение мелких поручений владельца, ничего необычного. Единственное условие, которое он поставил, – вымыться. Ну, это да, и сама не против, а то уже попахивать начало и от меня, и от одежды. Надо бы еще уговорить хозяина мыло мне дать в качестве платы. Вот ведь очевидная мелочь, а не подумала, что в дороге понадобится. А сколько таких мелочей еще

упустила?

Удобно путешествовать в караване: сидишь на телеге, едешь, ноги не утруждаешь. Когда маскировку скинула, подлечилась, к тому же привыкать уже стала. Но все равно ехать лучше, чем идти. Работать, правда, много приходится. Зато в плане информации тут вообще рай, главное, уши раскрыть пошире. Вот сейчас два охранника обсуждают какую-то стычку на дороге, а сколько всего узнала? И о разбойниках, и о тактике в лесу, как берут след, где можно столкнуться с грабителями, а где безопасно.

– Ларс! Где ты, шельмец?!

Поспешно соскочила с телеги и бросилась на крик. Ларс... такое имя себе выбрала, заодно обругала себя же, могла бы раньше вспомнить! Имен местных не знаю! Будто легенды и сказки не читала в библиотеке. Там же куча имен, выбирай на любой вкус. Вот какая польза в абсолютной памяти, если пользоваться ею не умею? Ладно, все-таки догадалась, а то так бы и вызывала у всех удивление своим Ланом. А имя Ларс мне сразу понравилось и со смыслом – в одной из легенд это имя могущественного мага, который бросил вызов владычеству Домов. Даже не знаю, как в библиотеке магов очутилась та книга. Хотя они как сороки, тащат все, что плохо лежит. Бросать вызов Домам не собиралась, но ведь все равно стою вне их. И вне людей. Кто же я тогда? Это мне еще предстоит понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.